

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ПЯТНАДЦАТЫЙ

МОСКВА
2019

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С 1765 Г.

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

PUBLISHED SINCE 1765

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

Том двести пятнадцатый

МОСКВА
№ 1/2019

THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS OF THE VEO OF RUSSIA

ТРУДЫ
SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

VOLUME TWO HUNDRED FIFTEENTH

МОСКВА
№ 1/2019

УДК 33
ББК 65

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» включены в «Перечень ведущих научных журналов и изданий», выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation, «Scientific Works of the Free Economic Society of Russia» are included in the «List of leading scientific journals and publications» produced in the Russian Federation in which basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

УДК 33
ББК 65

© Вольное экономическое общество России, 2019
© The Free economic society of Russia, 2019

ISBN 978–5–94160–198–1
ISSN 2072–2060

Главный редактор Научных трудов ВЭО России

БОДРУНОВ С.Д. Президент ВЭО России, Президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

Редакционный совет Научных трудов ВЭО России

АСАУЛ А.Н. Член Президиума ВЭО России, директор АНО «Институт проблем экономического возрождения», заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

ГЕОРГИЕВ Р.М. Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель декана факультета экономики и бизнес-администрирования Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария).

ГЛАЗЬЕВ С.Ю. Вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, член Координационного совета Международного Союза экономистов, академик РАН, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ГРИНБЕРГ Р.С. Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ГРИШИН В.И.

Вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор (Москва, Россия).

ДАВЫДОВ В.М.

Член Правления ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей иberoамериканского мира, заместитель Председателя Национального комитета по исследованию БРИКС, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ДЫНКИН А.А.

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного Комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ИВАНТЕР В.В.

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Координационного совета Международного Союза экономистов, заместитель академика-секретаря, руководитель секции экономики отделения общественных наук РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

- ЛЕМЕЩЕНКО П.С.** Член Международного комитета ВЭО России, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь).
- ПЕТРИКОВ А.В.** Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).
- ПОРФИРЬЕВ Б.Н.** Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).
- САМЕДЗАДЕ З.А.** Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Союза экономистов Азербайджана, председатель Комитета Милли Меджлиса (Парламента Азербайджана) по экономической политике, промышленности и предпринимательству, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика).
- СИЛИН Я.П.** Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия).

СОРОКИН Д.Е.

Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ЭСКИНДАРОВ М.А.

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ЯКУТИН Ю.В.

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО Издательский дом «Экономическая газета», член Президиума Международного Союза экономистов, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**ГЭЛБРЕЙТ ДЖЕЙМС
(James Galbraith)**

Член Международного комитета ВЭО России, профессор Университета Техаса (США).

**ПИТЕР НОЛАН
(Peter Nolan)**

Член Международного комитета ВЭО России, профессор, директор Центра о развитии Кембриджского университета (Великобритания).

**Редакционная коллегия
Научных трудов ВЭО России****АЛЕКСЕЕВ А.В.**

Член Правления ВЭО России, шеф-редактор Международного научно-общественного журнала «Мир перемен», к.э.н. (г. Москва, Россия).

БОБИНА А.В.

Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия).

БАРСУКОВ И.Е.

Член Правления ВЭО России, декан факультета управления ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления» (АСОУ), ученый секретарь экспертного Совета ВЭО России по программе «независимая оценка качества экономического образования», к.э.н. (г. Москва, Россия).

ВЕРЕНИКИН А.О.

Член Правления ВЭО России, директор по аспирантуре экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ГОЛОВ Р.С.

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ДЗАРАСОВ Р.С.

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой политической экономии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия).

ЗОЛОТАРЕВ А.А.

Вице-президент ВЭО России, президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития им С.Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия).

МАНЮШИС А.Ю.

Член Правления ВЭО России, первый проректор Международного университета в Москве, председатель экспертного Совета ВЭО России по программе независимая оценка качества экономического образования, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

РАТНИКОВА М.А.

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия).

Editor-in-Chief of Transactions of the Free Economic Society of Russia

BODRUNOV S.D. President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Council of Transactions of the Free Economic Society of Russia

ASAUL A.N. Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director at Autonomous Non-Profit Organization Institute of Economic Revival Problems, Honorary Scientist of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economic, Professor (Saint Petersburg, Russia)

GUEORGUIEV R.M. Vice President of the International Union of Economists, Deputy Dean of the Faculty of Economics and Business Administration at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

GLAZIEV S.Yu. Vice President of the VEO of Russia, adviser to the President of the Russian Federation, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academician at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

GRINBERG R.S.

Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences, Vice President of the International Union of Economists, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

GRISHIN V.I.

Vice President of the VEO of Russia, Rector at Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

DAVYDOV V.M.

Member of the Board of the VEO of Russia, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academic Adviser of the Institute of Latin America at the Russian Academy of Sciences, President of the Association of Ibero-American World Researchers, Deputy Chairman of the National Committee on BRICS Research, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

DYNKIN A.A.

Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the International Committee at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, member of the Presidium of the Presidential Council for Science and Education, member of the Presidium at the Russian Academy of Sciences, Secretary-Academician at the Department of Global Problems and International Relations at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

- IVANTER V.V.** Full member of the Senate at the VEO of Russia, Academic Adviser at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Deputy Secretary-Academician, Head of Economic Section at the Department of Social Sciences at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- LEMESHCHENKO P.S.** Member of the International Committee at the VEO of Russia, Head of the Theoretical and Institutional Economics Department at the Belorussian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus)
- PETRIKOV A.V.** Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head at the All-Russian Nikonov Institute of Agricultural Problems and Informatics (branch of the Federal Research Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories – All-Russia Research Institute of Agricultural Economy), Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- PORFIRIYEV O.N.** Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- SAMEDZADE Z.A.** Vice President of the International Union of Economists, President of the Azerbaijani Union of Economists, Chairman of the Committee for Economic Policy, Industry and Business at Milli Majlis (Parliament of Azerbaijan), Doctor of Economics, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan).

- SILIN Ya.P.** Member of the Presidium at the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)
- SOROKIN D.Ye.** Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the Academic Council at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, Academic Adviser at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- ESKINDAROV M.A.** Vice President of the VEO of Russia, Rector at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Education, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- YAKUTIN Yu.V.** Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the Ekonomicheskaya Gazeta Publishing House, member of the Presidium at the International Union of Economists, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- GALBRAITH JAMES** Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor at the University of Texas (USA)
- NOLAN PETER** Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor, Director at the Centre of Development Studies, Cambridge University (United Kingdom)

Editorial Board of Transactions of the Free Economic Society of Russia

- ALEXEYEV A.V.** Member of the Board of the VEO of Russia, Editorial Director at Mir Peremen International Academic and Social Journal, Candidate of Economics (Moscow, Russia)
- BOBINA A.V.** Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Academic Conferences and Nationwide Projects at the VEO of Russia, Candidate of Economics (Moscow, Russia)
- BARSUKOV I.Ye.** Member of the Board of the VEO of Russia, Dean of the Management Faculty at the Academy of Public Administration, Academic Secretary of the Expert Council for Independent Valuation of Economic Education Quality at the VEO of Russia, Candidate of Economics (Moscow, Russia)
- VERENIKIN A.O.** Member of the Board of the VEO of Russia, Director for Postgraduate Education at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- GOLOV R.S.** Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), member of the Expert Council for Education and Science at the State Duma, Editor-in-Chief of Economics and Management in Machine-Building journal, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

DZARASOV R.S. Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head of Political Economics Department at Plekhanov Russian Economic University, Leading Research Associate at the Central Institute of Economics and Mathematics at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

ZOLOTAREV A.A. Vice President of the VEO of Russia, President of Saint Petersburg and Leningrad Region interregional organization of the VEO of Russia, member of the Presidium at the International Union of Economists, Executive Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Executive Vice President of the Union of Industrialists and Entrepreneurs of Saint Petersburg, Candidate of Economics (Saint Petersburg, Russia)

MANYUSHIS A.Yu. Member of the Board of the VEO of Russia, First Vice Rector at the International University in Moscow, Chairman of the Expert Council for Independent Valuation of Economic Education Quality at the VEO of Russia, Honorary Worker of Russian Higher Education, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

RATNIKOVA M.A. Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia, Vice President, Executive Director at the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia)

Содержание

- 23** **НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ**
XVIII Международная научная конференция
«Модернизация России: приоритеты, проблемы,
решения»
- 24** ***С.Д. Бодрунов***
Россия в эпоху перехода к новоиндустриальной экономике:
императивы модернизации
- 40** ***Е.Н. Клочкова, Л.В. Овешникова***
Основные направления исследования цифровых активов
в условиях развития информационного общества
- 66** ***В.Е. Лепский***
Стратегическое целеполагание в России: состояние
и перспективы развития
- 81** ***Н.А. Садовникова, О.А. Махова***
Оценка состояния и перспектив развития рынка труда
Российской Федерации
- 106** ***А.В. Сидорович***
Системные противоречия российской экономики и условия
перехода к новой модели развития
- 127** ***А.К. Соловьев***
Стратегия пенсионной реформы как условие модернизации
экономики России
- 148** ***О.С. Сухарев***
Структурные проблемы новой модели роста российской
экономики
- 169** **АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ**
170 ***А.Г. Аганбегян***
Будущее России зависит больше всего от развития нашей
финансовой системы

- 195 **Е.И. Щербакова**
Столыпинская реформа и «распространение тревожных слухов»
- 209 **Н.Н. Тютюриков, Г.Б. Тернопольская**
Обрабатывающая промышленность в России: все внимание к средне- и высокотехнологичным производствам
- 223 **Н.А. Мезенин, С.Г. Пьянкова, С.Д. Филиппов**
Оценка эффективности использования различных моделей при планировании оборотных средств
- 239 **А.Г. Мокронос, А.В. Анисимов**
Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории
- 263 **А.А. Глумов**
Влияние производственных сетевых структур градообразующего типа на развитие муниципальных образований
- 287 **С.А. Огарков, А.П. Огарков**
Совершенствование воспроизводства основных фондов социального назначения в сельской местности
- 310 **А.С. Зинченко, А.А. Сазонов**
Корпоративная инновационная система предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности: сущность и содержание
- 321 **А.Н. Пророков**
Факторы, ограничивающие деловую активность организаций
- 332 **А.О. Бучнев**
Перспективы возобновляемой энергии в ключевых странновых стратегиях.
- 354 **М.С. Оборин, В.С. Осипов**
Санаторно-курортные кластеры: обеспечение устойчивого роста на основе сетевого взаимодействия

- 385 ***И.Д. Тургель, Л.Л. Божко, Е.В. Прачева***
Зоны с особыми условиями хозяйственной деятельности
как инструмент региональной и кластерной политики (опыт
России и Казахстана)
- 401 ***В.Ж. Дубровский, А.А. Бурак***
Условия формирования методического подхода к разработке
планов диверсификации предприятий ОПК
- 414 ***О.Г. Поздеева, Д.А. Погадаева***
Контактная система как экономический инструмент
обеспечения экономической безопасности организации
- 428 **Требования к научным статьям для публикации**

Contents

- 23**   **SCIENTIFIC DISCUSSIONS**
          XVIII International Academic Conference
          “Modernization of Russia: Priorities, Problems, Solutions”
          S.D. Bodrunov
- 24   Russia in the age of transition to new industrial economy: im-
          peratives of modernization
          E.N. Klochkov, L.V. Oveshnikova
- 40   The main directions of the research of digital assets in the con-
          ditions of development of information society
          V.E. Lepskiy
- 66   Strategic goal-setting in russia: conditionand
          developmentprospects
          N.A. Sadovnikova, O.A. Mahova
- 81   Assessment of the condition and prospects of development of
          the labor market of the russian federation
          A.V. Sidorovich
- 106   System contradictions of the russian economy and terms of
          transition to a new model of development
          A.C. Solovev
- 127   Strategy of pension reform as condition of modernization of
          economy of russia
          O.S. Sukharev
- 148   Structural problems of a new model of growth of the russian
          economy
- 169**   **ANALYTICAL ARTICLES**
170   *A.G. Aganbegian*
          Russia’s future mostly depends on development of domestic
          financial system

- 195 ***E.I. Shcherbakova***
Stolypin reform and “spreading alarming rumors”
- 209 ***N.N. Tyutyuryukov, G.B. Ternopolskaya***
The processing industry in Russia: mid- and high-tech production gets special attention
- 223 ***N.A. Mezenin, S.G. Pyankova, S.D. Filippov***
Efficiency evaluation of various models using in the planning of working capital
- 239 ***A.G. Mokronosov, A.V. Anisimov***
Improving the institutional environment strategic design intangible assets of the territory
- 263 ***A.A. Glumov***
Influence of industrial network structures of a city-forming type on the development of municipal formations 263
- 287 ***S.A. Ogarkov, A.P. Ogarkov***
Improvement of reproduction fixed assets social purpose in rural area
- 310 ***A.S. Zinchenko, A.A. Sazonov***
Enterprise innovation system of the enterprises of high-tech industries of the industry: entity and contents research of
- 321 ***A.N. Prorokov***
Factors limiting business activity of organizations
- 332 ***A.O. Buchnev***
Renewable energy perspectives in key country strategies
- 354 ***M.S. Oborin, V.S. Osipov***
Spa clusters: provision of sustainable growth on the basic elements of networking
- 385 ***I.D. Turgel, L.L. Bozhko, E.V. Pracheva***
Special economic zones as a tool for regional and cluster policies (experience of russia and kazakhstan)

- 401 **V.Z. Dubrovsky, A.A. Burak**
Conditions for forming the methodical approach development of diversification plans of opk companies
- 414 **O.G. Pozdeeva, D.A. Pogadaeva**
Contract system as an economic tool for ensuring the economic security of an organization
- 428 **Requirements for publication of academic papers**

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

XVIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: ПРИОРИТЕТЫ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ»

Конференция состоялась в Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова 20–21 декабря 2018 года.

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН).

Конференция была посвящена конструктивному обсуждению задач и механизмов модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества России, выработке и представлению конкретных рекомендаций по решению ключевых проблем в этой области, содействию формированию стратегического партнерства научного и экспертного сообщества, органов законодательной и исполнительной власти, общественных, политических организаций, бизнес-структур и СМИ, ориентированного на приоритетные задачи модернизации и научно-технологического развития страны.

К 150-летию со дня рождения В.К. Дмитриева в рамках конференции прошел мемориум ВЭО России.

В настоящем разделе представлены статьи, в основу которых легли доклады спикеров конференции.

РОССИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА К НОВО- ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ИМПЕРАТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

RUSSIA IN THE AGE OF TRANSITION TO NEW INDUSTRIAL ECONOMY: IMPERATIVES OF MODERNIZATION²

С.Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, Президент
Международного Союза экономистов, директор
Института нового индустриального развития
имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

S.D. BODRUNOV

President of the VEO of Russia, President of the
International Union of Economists, Director of
the Institute of the New Industrial Development
named after S.Y. Vitte, Dr. Sc. Econ., Professor

¹ Подготовлено по материалам доклада на XVIII Международной научной конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» (ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 20–21 декабря 2018 года)

² Prepared on the basis of report at XVIII International Academic Conference «Modernization of Russia: Priorities, Problems, Solutions» (Plekhanov Russian University of Economics, December 20–21, 2018)

АННОТАЦИЯ

Сегодня проблемы модернизации России стоят как никогда остро. Для их решения нужна прочная теоретическая основа, обеспечивающая переход к новому индустриальному обществу второго поколения. В настоящей статье автор обращает внимание на то, что чрезмерно разросшийся финансовый сектор блокирует развитие реального сектора экономики, его модернизацию. В целях обеспечения необходимого экономического роста у России есть два пути: первый – углубление существующих трендов, связанных с отрывом финансового сектора от реальной экономики, второй – снижение негативного влияния финансового сектора и возвышение роли сектора реального, ускорение технологического развития, внедрение новых информационных, коммуникационных, био-, когнитивных и иных технологий, объединенных на цифровой платформе, что составит основу следующего технологического уклада. По мнению автора, свои усилия государство должно направить на движение по второму пути. Для этого необходимо преодолеть технологическое отставание. В материале автор рассматривает возможные решения для этого.

ABSTRACT

Today, the problems of Russia's modernization loom large as never before. To solve them, we need a firm theoretical basis ensuring the transition to a new industrial society of the second generation. The author of this article emphasizes that the excessively overgrown financial sector hampers the development and upgrade of real economy. There are two ways to ensure the required economic growth. The first one is about enhancing the existing trends dealing with the separation of financial sector from real economy. The second way lies in reducing the negative impact of financial sector and raising the role of real one, accelerating economic development, implementing new information, communication, bio-, cognitive and other technologies combined on the digital platform, which will lay the groundwork for the next technological setup. Accord-

ing to the author, the state should focus on following the latter way, which will require doing away with the technological lag. This article views possible solutions for this problem.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Новый технологический уклад, нооэтап развития, ноономика, знаниеемкие производства, промышленная политика, модернизация, финансиализация, цифровая инфо-коммуникативно-когнитивная экономика, реальный сектор экономики, научно-техно-меритократическое управление.

KEYWORDS

New technological setup, noo-stage of development, noonomics, knowledge-intensive production, industrial policy, modernization, financialization, digital info-communicative-cognitive economy, real sector of economy, scientific-techno-meritocratic management.

Уважаемые коллеги, рад вас приветствовать от имени Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов и Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте!

Сегодняшняя конференция посвящена памяти известного российского экономиста Владимира Карповича Дмитриева, 150-летие со дня рождения которого мы отметили в начале декабря.

К сожалению, его научное творчество длительное время оставалось малоизвестным для отечественной научной общности. В Советском Союзе его труды не издавались; лишь спустя более чем полвека после смерти В.К. Дмитриева его «Экономические очерки» были изданы за рубежом — на французском, а затем на английском языке. И лишь в начале XXI века, почти через 100 лет после написания, вышла эта его книга и в России.

Обращение к творчеству Владимира Карповича Дмитриева особенно важно именно сегодня. Ведь в своих «Очерках», как известно, он предпринял попытку осуществления конвергенции классической и маржиналистской доктрин экономической науки. Почему это было им сделано? Очевидно, вследствие осознания им факта, что ни одна существовавшая на тот момент теоретическая экономическая концепция не могла адекватно отразить все многообразие процессов и явлений экономической действительности.

Верно это и сегодня. И эта мысль В.К. Дмитриева заставляет нас и в наши дни искать пути поиска адекватных решений, максимально учитывающих и состояние экономики, происходящих в ней явлений и процессов, и тренды их развития, и следствия таковых, и меры по их акселерации либо упреждению.

Особенно верно это для современной России, постсоветские реформы в которой осуществлялись, как известно, с опорой на «рыночный фундаментализм». Но то, что хорошо «работает» в учебнике «Экономикс», не всегда столь же совершенно в реальной жизни. И в этом мы с вами, к сожалению, убедились на собственном опыте.

Сегодня проблемы модернизации России стоят как никогда остро. Для их решения нужна прочная теоретическая основа, разработкой которой мы многие годы занимаемся в Институте нового индустриального развития им. С.Ю. Вите, который я здесь представляю, и которыми занимается множество других организаций, которые представляете вы, уважаемые коллеги.

Как показывают исследования, если мы говорим о модернизации страны, ее экономики, то прежде всего нужно определиться с приоритетами.

По моему глубокому убеждению, которое сформировалось как на базе теоретического анализа, так и моего достаточно обширного опыта практической хозяйственной деятельности, развитие промышленности, в первую очередь — высокотехнологичной, обеспечивающей переход к новому индустриальному обществу второго поколения, является одним из ключевых приоритетов модернизации в современных условиях.

И здесь обращаюсь вновь к творческому наследию В.К. Дмитриева, который пытался соединить в своих работах элементы различных подходов. В наши дни необходимость такого интегративного способа конструирования реальности проявляется с особой силой.

В том числе — в сфере промполитики.

Сегодня для успешного индустриального развития нужна соответствующая промышленная политика, которая должна быть интегрирована с рыночными механизмами; сам по себе «чистый рынок», к сожалению, не способен помочь нам решить имеющиеся в этой сфере проблемы. То есть — необходимо новое научное знание, абсорбирующее и агрегирующее теоретические идеи и конструкции, предлагаемые экономистами различных школ, в целях теоретического обоснования и запуска процессов реиндустриализации и модернизации России.

Ни для кого не секрет, что в современной экономике накопилось большое количество противоречий, причем противоречий, которые становятся тормозом экономического развития. Анализ показывает, что их преодоление в рамках существующей парадигмы хозяйствования практически невозможно. Об этом же говорят и «околонулевые» темпы роста нашей экономики последних лет.

Требуется разработка новой парадигмы, новых теоретических подходов.

В частности, из противоречивости, двойственности природы капитала вытекает одна из важных диспропорций, сформировавшихся в современной рыночной экономике: диспропорция между финансовым и реальным капиталом. Эта диспропорция столь существенна, что мы можем говорить о «гиперразвитии» финансового капитала, его доминировании, которое мы рассматриваем как одну из угроз устойчивости экономики и одну из основных причин ее стагнации. Чрезмерно разросшийся финансовый сектор ныне блокирует развитие реального сектора экономики, его модернизацию.

Следствием сформировавшейся в последние десятилетия логики взаимодействия реального и финансового секторов, когда финансовый сектор довлеет над реальным, использует происходящие в нем процессы исключительно с позиций извлечения дополнительной прибыли, является деиндустриализация, которая препятствует развитию экономики и общества.

Что делать в этой ситуации? По каким направлениям развиваться далее?

В моей книге «Ноономика», в которой развиваются идеи преобразования и дальнейшей эволюции Нового индустриального общества второго поколения, и в ряде новых недавних работ выполнен сценарный анализ дальнейшего развития. Он убедительно показывает, что растущая финансовизация, отражая сложившиеся к настоящему времени общественно-экономические реалии, способствует ускоренному движению цивилизации к глобальному кризису. Эта тенденция должна быть поставлена под контроль общества.

Без этого модернизацию, обеспечивающую позитивное развитие, нам не осуществить.

Как следует из результатов проведенных исследований, альтернативный путь вполне возможен. Он базируется на ускоренном высокотехнологическом развитии, которое должно стать основой не только реиндустриализации экономики, но и качественного обновления всех областей жизни общества: социальной, культурной, образовательной, научной и т.д.

Сегодня мы находимся на исторической развилке. Выбор необходимо сделать между одной из двух набирающих силу тенденций: либо — углублением существующих трендов, связанных с отрывом финансового сектора от реальной экономики, в частности от промышленности, разрастанием неинновационно-симулятивной функции финансового капитала и соответствующим затуханием инновационного процесса, отсутствием существенного прогресса в социально-экономической сфере и — вполне вероятной (!) цивилизационной катастрофой, либо — в пользу снижения негативного влияния финансового сектора и возвышения роли сектора реального, ускорения технологического развития, внедрения новых информационных, коммуникационных, био-, когнитивных и иных прогрессивных технологий, объединенных на цифровой платформе, что составит основу следующего технологического уклада, в котором будет жить цивилизация XXI века, но не только — а и основу перенастройки общества на новый, новоиндустриальный, а в перспективе — на нооэтап своего развития.

Мне представляется, что усилия нам надо направить на движение по второму варианту. Он, конечно, более сложный, требует и проведения соответствующей политики (причем

не только в экономике, но и в развитии прочих институтов общества), и ее обновленного теоретического обоснования. И, в частности, отхода от многих теоретических догм и вытекающих из них экономических практик.

Сегодня практической поддержки требуют в первую очередь, инновационные прорывные направления технологического развития. Те направления, которые формируют отрасли и производства очередного технологического уклада: создающие продукты на базе инфо-когни-нано-био-генных и т.д. технологий. Именно этой проблематике было посвящено недавно проведенное Вольным экономическим обществом России Всероссийское экономическое собрание, приуроченное к профессиональному празднику — «Дню экономиста».

Напомню, что в майском указе Президентом страны поставлена задача ускорения экономического роста. Помимо этого, поставлено множество других важных задач. До 2024 года нам необходимо в два раза снизить бедность, увеличить ожидаемую продолжительность жизни, обеспечить естественный рост численности населения, войти в число пяти крупнейших экономик мира. Все это — непростая комплексная задача и достойный вызов. Решение этой задачи и составляет, по нашему мнению, содержание модернизации, которую мы сегодня обсуждаем.

Однако мало кто обращает внимание на то, что там же, в указе, прописана еще одна важная позиция — преодоление технологического отставания России. При решении принципиальной комплексной задачи главной проблемой, на мой взгляд, является именно устранение технологического отставания России от развитых стран. Это позволит не только преодолеть кризис в отечественной экономи-

ке, но также дать импульс развитию по другим направлениям. Более того, в нынешних условиях, когда экономика мира переходит к производству продукта новой индустрии и этот продукт становится преобладающим в экономике, без выхода на передовые рубежи в технологической модернизации мы не решим ни экономические проблемы, ни социальные!

Но далее в силу вступает простая арифметическая логика: чтобы догнать экономических лидеров по показателям роста, мы должны ежегодно увеличивать свой валовой внутренний продукт на 4–5 и более процентов.

А что мы сегодня имеем? Рост наш к концу года составит примерно 1,6–1,7%. Этого для достижения поставленных задач очень мало. Но давайте при этом задумаемся: а хотя бы и этот, небольшой, рост достигнут за счет чего? Напомню: в начале нынешнего года были приняты и частично реализованы решения о повышении зарплат некоторым категориям бюджетников, взлетели и на фоне возросших цен на нефть и зарплаты в энергетике, финансовом секторе. Возрос спрос, а с ним возник и некоторый рост ВВП. То есть — рост проинвестировало население. Однако в новом году ничего подобного с покупательной способностью населения не предвидится. Встает задача — обеспечить инвестиционные вливания в экономику не через рост потребления. А какие у нас прогнозы и идеи на этот счет? Банк России и Минфин на ближайшие годы прогнозируют темпы роста ВВП на уровне, не превышающем 2%. По итогам 10 месяцев профицит бюджета (я имею в виду бюджет федеральный) достиг 3,6% ВВП, или более 3 трлн руб. При этом Минфин закупил валюты за этот период на 3,3% трлн руб., т. е. не только на весь профицит, но и еще на 300 млрд.

При том что нашей экономике остро не хватает инвестиций, финансово-экономические власти это признают и как бы непрестанно ищут источники выполнения президентского указа. Парадокс?

Но, может быть, уже в ближайшей перспективе начнется смена курса? Пока — не похоже. Только что принятый трехлетний бюджет некоторым образом тоже парадоксален. Он, как это ни покажется удивительным, на мой взгляд, предполагает не прорыв, не модернизацию, а притормаживание инвестиций и роста, повышение инфляции и сокращение реальных доходов населения. Об этом говорят его параметры. Планируется рост ВВП темпами от 1,3 до 3,1% (средний темп менее 2%!), при доходах за три года более 61 трлн руб. и расходах менее 58 трлн руб., или с профицитом под 4 трлн руб. Куда же пойдет профицит? Тут приятных неожиданностей нет — снова в кубышку. На усладу финансового капитала. Если на конец нынешнего года ФНБ составляет 3,8 трлн руб., то, согласно бюджету, к концу 2021 года он достигнет почти 11,5 трлн руб., или — около десятой части ВВП. При этом повышается НДС, что, по оценкам экспертного сообщества, повысит инфляцию и снизит покупательную способность населения примерно на полтриллиона рублей, схлопнет потребление на 2%, сожмет спрос и замедлит экономический рост. В итоге получается все достаточно удивительно: при растущих бюджетных доходах у нас усиливается налоговый пресс, провоцируется рост цен, снижение инвестиционной привлекательности и замедление экономической активности. Тут не только нет надежд на рост формального показателя развития — ВВП, но и на то, чего он, ВВП, не определяет, но что реально нужно людям — на повышение качества жизни.

Маловероятно, что при сохранении таких подходов можно предпринять масштабную модернизацию и обеспечить тот прорыв, который намечен майским указом.

Полагаю, необходимо менять траекторию нашего экономического движения, искать резервы ускорения роста, на что нацеливает нас и президентский указ, да и сама жизнь.

На мой взгляд, и эту точку зрения разделяет немало ученых-экономистов, это возможно только при широком и повсеместном использовании преимуществ нового технологического уклада.

Что в этой области необходимо сделать?

Обозначу основные аргументы-императивы. И отмечу предварительно — это не аргументы в пользу восстановления идей технологического детерминизма времен Т. Веблена. Это — настоятельные императивы качественного изменения технологического развития и влияния его на современную экономику и перспективное мироустройство.

Итак, аргумент первый. Нынешний переход к новоукладным технологиям (резко и принципиально отличающимся от предыдущих) сопровождается (впервые!) преобладанием в новых технологиях знания над материальной основой. Это влечет за собой переход на расширенное, активное применение таких технологий, которые я называю знание-емкими. Это те технологии, которые имеют в основе своей «знания», воплощенные в определенные технологические решения. Речь идет об объединении и синергетическом усилении упомянутых выше типов высоких технологий, интегрированных на базе единой цифровой платформы. Именно так должно формироваться ядро нового технологического уклада, составляющего основу для успешной модернизации нашей страны. Еще раз подчеркну: надо четко

осознать, что весь мир в ближайшие десятилетия перейдет к такому укладу, который составит основу хозяйственной системы будущего.

Второй аргумент кроется в особенностях современной ситуации в технологиях. Технологии нового поколения на порядок менее капиталоемки и фондоемки, чем технологии предыдущих укладов. Там в производственных издержках доминируют материалы, а здесь — знание и таланты (сиречь — способности их воспринять!) его носителей. А знания обладают особой спецификой — при масштабировании они отличаются распределением затрат, тогда как материальные компоненты продукта такими свойствами не обладают. Учитывая ускоряющееся превалирование знаниевой компоненты над материальной в новоиндустриальном продукте, а также то, что такой продукт становится, в свою очередь, превалирующим в экономике, это позволяет получать результат от перехода к таким технологиям практически сразу при их внедрении, что резко сокращает общие издержки экономики и период первоначальных инвестиций, необходимых для осуществления перехода экономики на новый уклад.

Третье. Особенно важное для нас. Историческая ситуация непрерывно меняется. В отличие от «азиатских тигров» второй половины XX века, которые успешно создавали свое «экономическое чудо» в условиях предыдущих технологических укладов, не имея ресурсов и технологических заделов и пользуясь чужими, мы должны создавать собственное «экономическое чудо» на базе новоукладных технологий. Но у нас есть для этого и технологический задел, и необходимые знания. И в этом — наше громадное преимущество. Вопрос — в масштабировании этих результатов путем включения их в реальное индустриальное пространство.

Можем ли мы, учитывая изложенное, результативно пойти по этому пути?

Убежден, что к такой новой цифровой инфо-коммуникативно-когнитивной экономике мы в состоянии перейти и можем, не откладывая, в ближайшие годы начать реальную реиндустриализацию страны сразу на новой технологической основе. А этот технологический рывок даст импульс и по остальным направлениям модернизации.

При этом возникает носящий фундаментальный характер, но в приложении к реальной экономике — сугубо прикладной, практический вопрос: что именно мы должны развивать, на какие отрасли ориентироваться в ходе этой новой индустриализации?

На мой взгляд, базовые направления определены — взгляните хотя бы на НТИ, там — девять крупных направлений. А оценить нужность или прорывность конкретных технологий, новые направления поможет рынок, который обозначит общественный запрос на конкретные технологии. Этот запрос формирует та часть общества, которая в этих технологиях заинтересована: либо конечные потребители, либо бизнес, который использует эти технологии, либо те, кто управляет созданием технологий — конструкторы, инженеры и т.д. Этот запрос и покажет нам направления, условно говоря, «главного удара».

Что не менее важно, общественный запрос покажет и другое — куда люди понесут свои деньги, где и в какой мере они будут этими технологиями и соответствующими продуктами пользоваться. На предпринимательском уровне — во что они будут инвестировать. И здесь, при внимательном подходе, может быть мощная синергия государственных и частных инвестиций. А средства на это есть, как мы видели

выше, и у государства, и у бизнеса (его накопленные сегодня свободные средства превысили уже 42 трлн руб.), и у населения (депозиты которого, по данным ЦБ, составляют 28 трлн руб.). И если не направить эти средства в качестве инвестиций в модернизацию, они будут, как это неоднократно мы наблюдали, истрачены на закупку импорта, спекуляции, в схемы вывода капитала, на приобретение симулякров, наконец!..

Эти подходы, механизмы формирования этой модернизационной синергии, повторюсь, требуют углубленной теоретической проработки.

Но, помимо исследований, требуются практические действия. И здесь, помимо воли и решительности, также требуется уточнение приоритетов (в том числе — в бюджете, решениях госорганов и т.п.).

К примеру (и, к сожалению, новый бюджет такой подход подтверждает), часто приходится слышать, что — «да, верно, надо думать о цифровизации экономики, наращивании инвестиций в реальный сектор и т.д., но — сначала нам надо сделать экономику устойчивой, застраховаться резервами от всего, что только может случиться...».

Я не разделяю позиции, что у нас сейчас недостаточно устойчивая экономика. Масса макроэкономических показателей говорят об обратном. И я не разделяю идеи вроде такой: для того, чтобы осуществить модернизацию страны, широко развернуть реиндустриализацию на новой технологической основе и начать активно инвестировать в прорывные направления, нам надо добиваться еще более «твердой» устойчивости экономики. Скорее, считаю — надо двигаться параллельно, по возможности — даже больше акцентируя внимание на технологическом развитии, «под-

тягивая» под него государственную, финансовую и технологическую инфраструктуру. Нужна поддержка такого развития через институты более широкого применения методов научно-техно-меритократического управления (с активным привлечением научно-экспертного сообщества), частно-государственного партнерства, через соответствующую модернизацию финансовой и банковской системы, через меры налогового стимулирования и другие форматы новой промышленной политики и адекватного ей госуправления.

Или — слышатся мантры, что если мы пойдем «в прорыв», к чему призывает президентский указ, может произойти «разбалансировка» макроэкономики, и мы свалимся в рецессию. Что же, верно: лучший, самый устойчивый баланс — когда стоишь на месте. Только вот «место» это — не стоит, а «плывет» под нами, шатается, жизнь идет вперед, мир развивается, причем — с ускорением, а ты остаешься на месте и рискуешь отстать от этого поезда навсегда. Хотелось бы напомнить при этом, что вообще-то устойчивость может быть обеспечена и динамикой движения. То есть — ускоренным экономическим ростом. И — соответствующей модернизацией экономики. При этом надо четко осознать: если мы не сделаем этого в ближайшие 5–10 лет — как говорил один известный руководитель государства, «нас сомнут»!

И еще об одном.

Мы все привыкли работать в рамках возможностей и не до конца осознаем, что при переходе к новоукладным технологиям наши возможности становятся намного шире. Причем «ширина» этого «коридора возможностей» такова, что мы можем вполне уверенно, если действовать разумно,

перейти в новый технологический уклад теми ресурсами, которые сегодня у нас имеются, обеспечив стране и столь необходимый ускоренный экономический рост, и реальное возвышение того, что люди понимают под благосостоянием и удовлетворенностью жизнью. Осуществить прорыв в новое общественное устройство в качестве одного из лидеров, а не в качестве периферийно-«догоняющего» фрагмента мирового пространства.

Спасибо за внимание.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА¹

THE MAIN DIRECTIONS OF THE RESEARCH OF DIGITAL ASSETS IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF INFORMATION SOCIETY

Е.Н. КЛОЧКОВА

Доцент кафедры статистики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия), кандидат экономических наук

E.N. KLOCHKOVA

Associate professor of the Department Statistics Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia), Candidate of Economics

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 18–29–16145 мк «Механизм правового регулирования отношений с использованием технологии распределенных реестров».

Л.В. ОВЕШНИКОВА

Профессор кафедры статистики,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия),
доктор экономических наук

L.V. OVESHNIKOVA

Professor of the Department Statistics,
Plekhanov Russian University of Economics
(Moscow, Russia), Doctor of Economics

АННОТАЦИЯ

Актуальность функционирования цифровых активов определила необходимость выявления ключевых направлений исследования данной предметной области. Авторами изучено правовое регулирование цифровых активов, статистическая методология их анализа, риски криптоэкономики, ведение бухгалтерского учета криптоактивов и анонимности транзакций, а также возможности взимания налогов по сделкам с криптоактивами. Исследование проводилось, опираясь на национальный и зарубежный опыт функционирования цифровых активов, определяя возможности и перспективы их развития в современном информационном обществе.

ABSTRACT

The relevance of functioning of digital assets defined need of identification of the key directions of a research of this subject domain. Authors studied legal regulation of digital assets, statistical methodology of their analysis, risks of cryptoeconomy, conducting accounting of cryptoassets and anonymities of transactions and also possibilities of collection of taxes on transactions with cryptoassets. The research was conducted, relying on national and foreign experience of functioning of digital assets, defining opportunities and the prospects of their development in modern information society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Вифровые активы, криптовалюта, криптоэкономика, направления исследования, токены, биткоины, криптоактивы.

KEYWORDS

Digital assets, cryptocurrency, cryptoeconomy, directions of a research, tokens, bitcoins, cryptoassets.

Достижения научно-технического прогресса в области информационных технологий обеспечили широкое внедрение технологий распределенного реестра (блокчейн) в различных отраслях хозяйствования и, прежде всего, в сфере финансовых технологий, организации электронных платежей и расчетов [1]. Под понятие «цифровой актив» могут подпадать разнообразные объекты, имеющие электронную форму и экономическую ценность, в числе которых — криптоактивы, которые являются объектом настоящего исследования.

Криптовалюты, первая и «главная» из которых — биткоин, появившаяся в 2009 году, получили активное развитие и распространение к 2017 году, достигнув пика капитализации, исчисляемой сотнями миллиардов долларов США [2]. Криптовалюты, в свою очередь, явились драйвером распространения и развития технологий распределенного реестра, обусловив отношение к технологии блокчейн как к самостоятельному направлению цифровизации экономики [3].

С момента своего появления криптоактивы привлекли интерес множества исследователей. Попытки понять, что такое цифровая валюта на блокчейне и как она работает, предпринимались в ведущих мировых университетах и исследовательских центрах [3]. В настоящее время рыночная капитализация криптовалют составляет около 600 млрд долларов, при этом еще в начале 2017 г. капитализация рынка

составляла 7 млрд долларов. Рост популярности криптовалют обусловлен развитием возможности использования криптовалют в качестве средств платежа, а также благоприятными регуляторными условиями для использования криптовалют и токенов, которые создают страны [3].

Криптовалютами ежедневно пользуется 5,8 млн человек, из них 30–35% применяют цифровые деньги для оплаты товаров и услуг. Как отмечают члены ССАФ, численность работников, официально зарегистрированных в криптоиндустрии, составляет менее двух тысяч человек по всему миру. Однако реальная цифра сотрудников криптокомпаний находится на отметке 20–30 тыс. человек. Более 17% бюджета стартапов криптовалютной сферы уходит на безопасность [4]. Каждый шестой сотрудник компании связан с работой служб, обеспечивающих защищенность пользователей и ноу-хау организации от взломов и других хакерских атак. Особенности основных отраслей криптовалютного рынка по данным ССАФ представлены в табл. 1.

Наиболее популярные проекты реализуются в странах, которые создали понятные и четкие регуляторные рамки, к ним относятся США, Швейцария, Япония, остров Мэн и др. В Южной Корее — крупнейшие криптобиржи на территории мира. Первая криптовалюта — биткоин — возникла в 2009 г., а первые транзакции с помощью биткойна были сделаны в 2010 г. Преимущества криптовалюты над существующими средствами платежа заключаются в скорости проведения транзакций и отсутствии необходимости использования инфраструктуры профессиональных участников рынка (банков и др.). Заметим, что Россия является второй страной в мире в области блокчейна и криптовалют, по количеству проведенных ICO резидентами России (но не в России).

Таблица 1

Исследование основных отраслей криптовалютного рынка

Биржи	Кошельки	Платежи	Майнинг
Более 50% сотрудников криптовалютной индустрии работают в биржевых компаниях	Количество зарегистрированных криптовалютных кошельков по состоянию на январь 2017 года — 11,5 млн	79% компаний, осуществляющих платежи в криптовалютах, имеют устойчивые связи с банками	Из общего числа майнеров 38% имеют статус организаций (пулов для майнинга), остальные 62% — частные пользователи
Только треть крупных биржевых организаций имеют разрешение на деятельность от надзорных органов стран, где они зарегистрированы	Каждый активный пользователь в среднем имеет два кошелька	2 из 3 транзакций с использованием цифровых денег — покупка токенов за фиатные деньги на обратные операции приходится лишь 27% переводов	Всего в мире существует 1.1 крупных объединений майнеров (более 1000 участников)
У небольших бирж эта цифра выше — наличием лицензий могут похвастаться 52% компаний	Только в 4% Wallet-приложений нельзя хранить биткоины	52% компаний-respondентов ответили утвердительно на вопрос, работают ли они с компаниями по про- даже и покупке товаров	7 из 10 майнеров считают, что оказывают значительное влияние на проток- выбранной ими крипто- валюты

Биржи	Кошельки	Платежи	Майнинг
Секретные ключи от кошельков клиентов хранят 73% бирж	4 из 5 созданных кошельков созданы компаниями, зарегистрированными в Северной Америке и Европе; лицензией обладает лишь каждое четвертое приложение	Государственная лицензия на право проведения транзакций есть у 54% платежных сервисов;	58% майнинг-пулов, принявших участие в исследовании, находятся в Китае (показатель США – лишь 26%). На английский язык переведены сайты 100% объединений для майнинга
Защита средств пользователей от кражи обеспечивается «холодным» хранением денег (92%) и мультисигнатурами (86%)	В 52% кошельков можно обменивать криптовалюты друг на друга, а также на фиат	Процедура KYC внедрена у 86% опрошенных компаний	К странам, наиболее привлекательным для добычи криптовалюты, относятся европейские государства, а также Россию и Канаду – в этих регионах есть дешевое электричество, быстрое соединение с интернетом и низкотемпературные зоны

Примечание: материалы исследований Центра Кембриджского университета по альтернативным финансам (CCAF)

Причем в каждом втором проекте есть в команде россияне. Тем не менее привлечь инвестиции в Россию очень сложно, поэтому важно создавать среду, которая помогла бы этим проектам [5].

Актуальность исследования цифровых активов обусловлена их уникальными свойствами, удобным инструментарием оперирования средствами и передачи стоимости, новациями, которые они привносят в привычные экономические отношения. Поскольку сфера криптоэкономики в настоящее время становится все более актуальной и предполагает новые формы взаимоотношений между участниками рынка, это требует выявления ключевых направлений ее исследования (рис. 1).

Рис. 1. Ключевые направления исследования цифровых активов и криптоэкономики

Правовое регулирование цифровых активов на национальном уровне продиктовано необходимостью установления их правового положения, признания статуса объекта

имущественных гражданских правоотношений, регулирования связанных с цифровыми активами процессов, правовой защиты интересов инвесторов [1].

Евразийская экономическая комиссия регулирует вопросы функционирования бизнеса в крипте и вносит рекомендации, дает базу и дефиниции для стран, а также правильный методологический подход. Однако в настоящее время во многих странах, где начинает развиваться криптобизнес, не сформирована основательная нормативная основа, регламентирующая вопросы функционирования криптоактивов, т.е. в настоящее время криптоиндустрия намного шире, чем регламентирующая законодательная база, ее описывающая [6]. Рассматривая практику нормативных актов в криптоэкономике разных стран, можно наблюдать достаточно многоаспектный характер законодательных практик (таблица 2).

Таблица 2

Законы криптоэкономики в некоторых странах мира

Страна	Некоторые аспекты законодательной практики стран мира
США	Налогоплательщики должны платить налог с доходов в криптовалюте: расчет происходит по среднему курсу популярных бирж на момент совершения сделки [7]
Япония	Вышел закон о виртуальной валюте и признал криптовалюты Bitcoin и Ethereum деньгами, имеющими «функции, схожие с деньгами». Согласно закону, фирмы теперь могут использовать криптовалюту для взаиморасчетов друг с другом. Кроме того, компании и частные лица могут покупать эти виртуальные деньги как товар. Закон определяет криптовалюты как «приравненные к активам носители стоимости, которые могут использоваться для осуществления платежей и передаваться в цифровом виде». Закон регулирует создание цивилизованного рынка криптовалют с понятными правилами и защитой потребителей. В стране также отменен НДС по обмену криптовалюты на фиатные деньги [8]

Страна	Некоторые аспекты законодательной практики стран мира
Эстония	Приняты поправки в закон о противодействии отмыванию доходов и финансированию терроризма, требования по идентификации клиентов распространены на криптокошельки и обменники криптовалют
Белоруссия	Является первой страной, в которой сформирована законодательная основа, регламентирующая операции по бухучету крипты
Израиль	ЦБ Израиля не признал биткоин валютой и вообще законным платежным средством, поэтому криптовалюта рассматривается как товар. Законодательством предусмотрена возможность выплаты заработной платы в токенах, работник должен платить налог на доход
Германия	Регистрация криптобиржи на территории Германии немного проще, чем в других странах. Компании, занимающиеся криптобизнесом, будут отнесены к финансовым компаниям, они обязаны получить соответствующую лицензию и следовать ее четким требованиям: уставной капитал компании должен составлять не менее 730 тыс. евро; она должна своевременно подавать отчетность в Федеральное управление финансового надзора (нем. Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht (BaFin)) [9]
Швейцария	В Швейцарии криптовалюта приравнена в правах к традиционным иностранным валютам. В законодательстве предусмотрены разъяснения для ICO-проектов, позволяющие оценить соответствие проекта законодательству страны

В целом, исследуя, можно отметить достаточно «полярные» аспекты формирования нормативной базы криптобизнеса, например, в Киргизии, Эквадоре, Ливане, Таиланде, Боливии, Индонезии, Исландии, Вьетнаме транзакции с использованием криптовалют запрещены, хотя майнинг законом не преследуется. В Сингапуре были выпущены в обращение специальные платежные карты для хранения криптовалюты и удобного способа расчета цифровыми деньгами.

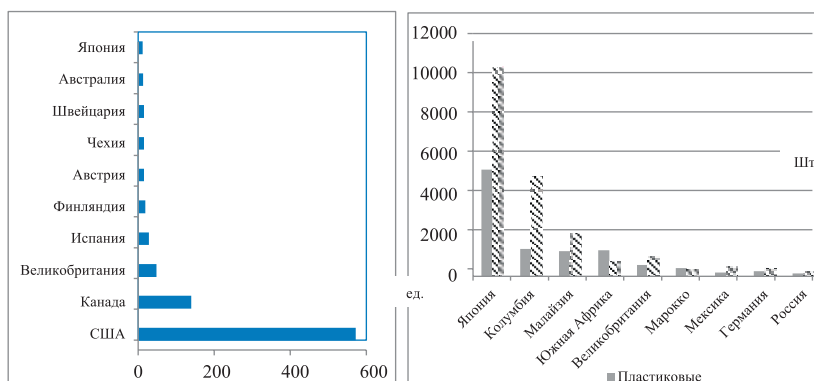
Что касается государств с развитой рыночной экономикой, то в большинстве из них (США, Великобритания, Германия, Южная Корея, Канада, Израиль, Дания, Франция, Норвегия, Кипр, Австралия, Италия, Япония и многие другие) криптовалюта в целом признана, а нормативно-правовая база для ее внедрения в реальный сектор экономики официально разработана и принята [10]. В Швейцарии на криптовалюты действуют такие же правила, как и на иностранные валюты, и эта страна является одной из самых благоприятных юрисдикцией для Bitcoin-стартапов. При этом отметим, что страны ОЭСР не навязывают свое представление о том, что такое криптовалюта, токен. Они разрешают неопределенность за счет разъяснений и точечных изменений законодательства.

Следует отметить риски Евразийского экономического союза в части криптоэкономики — разночтения в регулировании: если национальное регулирование криптоэкономики будет различаться с мировым, то это создает трудности и барьеры, а также различные серые схемы в подходах к национальному регулированию криптобизнеса.

В России одним из предложений по урегулированию правового положения цифровых активов является проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» [11], в котором к цифровым финансовым активам предлагается отнести: 1) криптовалюту — вид цифрового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций; 2) токен — вид цифрового актива, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых записей.

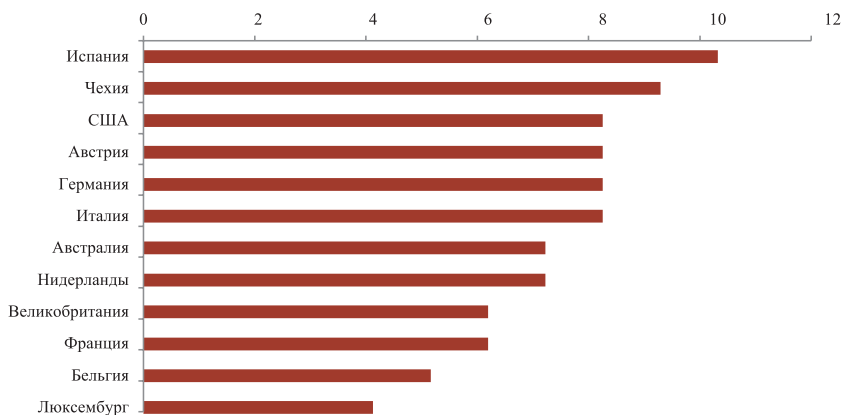
В проекте закона о цифровых инвестиционных финансовых платформах (о крауtfандинге) рассмотрены ограничения по приобретению криптоактивов для тех, кто в этом не разобрался. Согласно ряду экспертных мнений, отмечается, что помимо ограничений еще более важны скорость принятия решений, гибкость и оперативность регулирования правовых вопросов.

Методология статистических исследований криптоэкономики предусматривает применение статистического инструментария к рассматриваемой предметной области и включает структурно-динамический, корреляционно-регрессионный анализ, эконометрическое моделирование и прогнозирование и др. Разнообразие применяемых методов и рассчитываемых показателей дополняется визуализацией полученных результатов, демонстрирующих выявленные тенденции и взаимосвязи (рис. 2).

Рис. 2. Страны с наибольшим числом биткоин-банкоматов (слева), и страны с наибольшим количеством криптовалютных карт в 2017 году, штук (справа)

Из представленного графика видно, что некоторые страны занимают лидирующие позиции и по числу биткоин-банкоматов и по количеству криптовалютных карт (например, Япония, Великобритания). Наблюдаемые показатели по странам с наибольшим числом биткоин-банкоматов и криптокарт можно сравнить с долей жителей разных стран, которые владеют биткоином или другими криптовалютами, и следует отметить, что в большинстве стран рейтинг показателей сопоставим (рис. 3).

Рис. 3. Удельный вес жителей разных стран, которые владеют биткоином или другими криптовалютами, % (2018 год)

Исследование криптоэкономики с точки зрения рисков определяет их виды, по которым можно исследовать риски в криптовалютах (рис. 4). Самыми популярными рисками согласно экспертным мнениям в развитых странах (США, Япония) являются риски отмыывания денег, представляющие собой возможность нанесения ущерба финансовой системе и экономике в целом путем совершения финансо-

вых операций в целях легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма за счет оборота криптовалюты.

Согласно позиции Центрального Банка России существует риск замены фиатных денег. По вопросу вероятности вытеснения криптовалютой фиатных денег заметим, что это, скорее, дело выбора. Поскольку биткоин появился как альтернатива современной финансовой системе, то любое лицо может совершить трансграничный перевод в криптовалюте, что, как правило, быстрее и дешевле, чем традиционный SWIFT [5].

Еще один вид риска, включающий ряд составляющих, поскольку рискам подвержены любые криптовалютные транзакции, — это финансовый риск, который включает: риск изменения курса (волатильность), риск утраты ликвидности, т. е. способности криптоактива быстро трансформироваться в фиатные деньги, также существует риск образования финансовой пирамиды (однако в настоящее время он менее распространен).

В криптоэкономике выделяются риски размывания налоговой базы, возникающие за счет неуплаты сделок с оборота криптовалюты, что ставит ряд вопросов о том, как облагать налогами криптобизнес. Рассматриваются также риски нарушения прав потребителей, которые требуют регулирования не за счет введения новых ограничений для рынка, а через информирование населения о существующих рисках и повышение его финансовой грамотности.

И наконец, системные риски, которые могут существенно повлиять на крипторынок и иметь глобальный характер, могут быть связаны с любым аспектом криптоэкономики: информация, новости, ажиотаж, запреты на государствен-

ном уровне, государственное регулирование и т.д. — все это непосредственно влияет на криптоэкономику [12]. В составе системных рисков следует выделить риски запрета криптоактивов на уровне законодательства, риски нарушения законодательства о криптобизнесе, риски переоценки инвестиционных ожиданий, что может приводить к тому, что участники криптобизнеса могут покинуть крипторынок, а также технологические риски, предусматривающие возможные возникновения сбоев, неполадок в программах и технологиях, которые способны спровоцировать хакинг и кражу средств участников крипторынка.

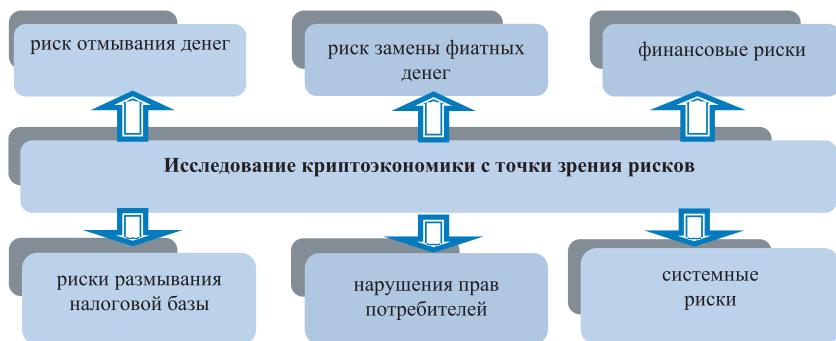

Рис. 4. Исследование основных рисков криптоэкономики

В рамках направления исследования криптоэкономики с точки зрения бухгалтерского учета криптоактивов и анонимности транзакций следует отметить, что, по мнению экспертов, считает важным, чтобы была возможность отслеживания цепочек криптовалютной транзакции. Транзакцию криптовалютных сделок отследить можно, даже для биткоина. Факт наличия транзакции записан в блокчейне (однако не во всех блокчейнах). Есть системы, способные обеспечить

максимальную анонимность. Криптовалютную транзакцию можно выявить через Bigdata.

В рамках функционирования криптобизнеса технологии анонимных транзакций — огромные вычисления, если их «загонять» в рамки бухучета, то это может остановить процесс их развития. Поскольку главная цель криптовалют — создание среды для проведения платежей, которую никто не сможет отследит. В этом случае актуально рассматривать транзакции Monero, имеющие высокий уровень конфиденциальности. В основе транзакций Monero лежит ряд факторов, которые взаимосвязаны и позволяют обеспечить анонимность (табл. 3).

Таблица 3

Основные факторы анонимных транзакций Monero [13]

Фактор	Характеристика фактора анонимных транзакций
Алгоритм	Позволяет ускорить решение блоков и проведение платежей, однако больше защищает систему от взлома
Кольцевые подписи	Являются главной защитой транзакций, в них существует определенное количество пользователей. Когда кто-то отправляет средства, транзакция подписывается кольцом, а не одним человеком. Поскольку здесь нет центрального пользователя, отследить, кто именно отправил такой перевод, невозможно
Смешивание	Это принцип, по которому основные монеты (которые создают «входы») смешиваются с другими, уже использованными. Это также позволяет скрыть личность отправителя, поскольку неизвестно, какая именно монета была им отправлена в конкретном смешивании
Скрытые адреса	Это система, которая позволила спрятать личность получателя. Они генерируются произвольно и не привязываются к конкретным кошелькам. Соответственно, намного сложнее отследить, как был создан такой адрес, и кто будет получателем средств

Тем не менее остается важным вопрос — каким образом вести бухучет криптоактивов. Первой страной, в которой был законодательно закреплен бухучет крипты, стала Белоруссия. Поскольку правовые системы России и Белоруссии схожи, то их пример может послужить основой для нашего законодательства. Так, существует стандарт бухгалтерского учета и отчетности «Цифровые знаки (токены)», принятый Министерством финансов в Белоруссии 6 марта 2018 года № 16 (далее — Стандарт) в связи с выпущенным Декретом № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики». По смыслу бухгалтерского учета криптовалюта понимается как «цифровой знак», или «токен». Токены, которые приобретает организация в процессе ICO, являются «обязательствами». В зависимости от ситуации приобретения криптовалюты или токенов описываются методы их учета в бухгалтерском балансе. Рассмотрим также опыт некоторых других стран (табл. 4).

В России у участников рынка также возникают вопросы о порядке бухгалтерского учета криптовалюты и токенов, что предполагает необходимость принятия соответствующих разъяснений со стороны Минфина [16]. Если рассматривать мнение стороны бизнеса, получающего доходы в крипте, то в чем основное преимущества? В том, что можно делать криптобизнес и блокчейн дешево — запустил бизнес-логику и все работает (не нужна ни техника, ни программы). Однако если сейчас весь доход, получаемый в крипте, перевести на бухгалтерию, то, по расчетам экспертов, это будет в 10 раз дороже, чем тот доход, который получают участники крипторынка [6]. Ведение бухгалтерского учета по криптовалюте — это сложный процесс. Перед тем как составлять бухучет, нужно учесть способ приобретения криптовалюты.

Выделяется всего три наиболее удобных варианта: покупка цифровой валюты за реальные средства, собственное производство криптовалюты (майнинг), расчет криптовалютой при совершении сделок; получение платы от клиента в виде криптовалюты.

Таблица 4

Опыт бухгалтерского учета криптовалют в некоторых странах

Страна	Характеристика	Особенности
Германия	Федеральный финансовый орган Германии (BaFin) опубликовал заявление, в котором предупреждали потребителей о рисках ICO, об учетных операциях и политике ведения финансовых сделок	Федеральное правительство и парламент Германии, внеся поправки в Банковский кодекс, впервые признало bitcoin «частными деньгами», некими «единицами финансового учета», отнеся их, таким образом, именно к финансовым инструментам
Эстония	Основные документы, регулирующие порядок бухгалтерского учета в Эстонии — Закон о бухгалтерском учете, Стандарты бухгалтерского учета Эстонии (начиная с января 2017 года) и МСФО	Транзакции, связанные с криптовалютами, рассматриваются как финансовая сделка. Благоприятным вариантом для постановки на бухгалтерский учет криптовалют в организациях, является стандарт — валютные денежные средства [14]
Австралия	Центром отчетности и анализа транзакций (AUSTRAC), главным агентством финансовой разведки Австралии, производится контроль криптовалютных платформ, выполнения обязательств по отчетности и нормативным требованиям [15]	Транзакции с криптовалютами определяются как бартерные отношения. Компании, которые работают с виртуальными деньгами, должны вести обязательный учет всех транзакций по содержанию и датам. Токены, полученные как платеж, приравниваются к обычному доходу и оцениваются в австралийских долларах

Страна	Характеристика	Особенности
Украина	Международный Стандарт Бухгалтерского Учета № 38, раздел «Нематериальные активы» говорит о том, что актив – это ресурс, который контролируется предприятием в результате прошлых событий и от которого предприятие ожидает получить будущие экономические выгоды	Криптовалюта имеет все признаки нематериального актива, так как контролируется субъектом хозяйствования путем исключительного доступа к электронному кошельку и имеет перспективу будущих экономических выгод

России в направлении развития бухгалтерского учета криптоэкономики следует внести изменения в ФЗ № 115 и распространить требования идентификации на участников рынка (криптовбиржи, кошельки, обменники). ФНС – разработать руководство, разъясняющее для физических и юридических лиц порядок налогообложения сделок с криптовалютами и доходов от них. Министерству Финансов РФ необходимо разработать разъяснение о порядке бухгалтерского учета криптовалют и токенов на балансе компаний [17].

Исследование проблемы взимания налогов по сделкам с криптоактивами говорит о том, что существует ряд экспертных мнений, которые дают в целом положительный ответ по данному вопросу, но это зависит от вида отношений и типа сделок. Криптовалюта дает доход, соответственно, если он есть, то должен облагаться налогом. Налогообложение криптовалютных активов становится все более распространенной практикой. Цели регулирования следующие: привлечение дополнительных доходов в государственную казну; исключение вероятности мошенничества и дру-

гих преступных способов получения криптовалют; обеспечение безопасных операций на обменных и биржевых площадках; предотвращение возможности отмывания незаконной прибыли и финансирования терроризма. Рассмотрим политику налогообложения в некоторых странах [18] (рис. 5).

Как мы видим в мире действуют разные правила налогообложения криптовалют. Например, в Японии, Швеции и Нидерландах они считаются платежными инструментами и налог при их продаже не взимается. В Норвегии криптовалюты считаются финансовым активом и облагаются налогами на имущество и с продаж. В Финляндии налог платится не только при конвертации криптовалюты в традиционную с дохода от курсовой разницы, но и с ее майнинга. В США биткоин считается имуществом и обсуждается идея, чтобы с полученного от продажи дохода до \$600 налог не платился [19].

В России 23 марта 2018 года в первом чтении приняли законопроект, согласно которому криптовалюты считаются имуществом. Он регулирует отношения при хранении, обращении и использовании криптовалют. Но в законе мало внимания уделили налогам. Совместными усилиями Минфин и Госдума разработали поправки, согласно которым процентная налоговая ставка составляет 13%. Как следует из Поручения Президента, следует обеспечить внесение в законодательство изменений, направленных на регулирование криптовалютной отрасли, в том числе по вопросу облагать ли ее как вид предпринимательской деятельности. Также требуются внесения изменений в другие проекты законов РФ, и даже в ГК РФ. Различают продуктовые токены и токены типа ценных бумаг. Нужна дифференциация

Рис. 5. Политика налогообложения криптоэкономики в некоторых странах

по видам токенов в рамках ICO. Что касается продуктовых токенов, то пока их нет, но они будут появляться. Следовательно, в ближайшее время нужен закон о регулировании

токенов². Соглашаясь с этим тезисом, важно отметить, что вопросы налогообложения регулирует Налоговый кодекс РФ, к которому Федеральной налоговой службе также необходимо дать разъяснения о порядке налогообложения сделок с криптовалютами.

В целом исследование анатомии криптоэкономики можно считать гомогенной областью новой экономической деятельности. Относительно будущего статуса виртуальных валют можно установить, что уже сейчас транзакции и другие операции с биткоинами успешно осуществляются по всему миру, что определяет необходимость разработки многоаспектной законодательной базы, регламентирующей функционирование криптовалют, регулирования рисков криптоэкономики, а также вопросов ведения бухгалтерского и налогового учета криптоактивов.

Нельзя не указать на существующие серьезные затруднения в выработке структуры и методологии исследований цифровых активов и криптоэкономики. Квинтэссенция исследований данной предметной области должна базироваться на возможности интегрированного учета опыта основных вопросов функционирования цифровых активов на национальном уровне (в Российской Федерации) и в других государствах, что обуславливает плоскость глубокого понимания экономической и правовой природы таких активов при использовании информационных, программно-технических, цифровых и криптографических средств, определяя возможности и перспективы их развития в современном информационном обществе.

---

² Нужен ли России особый путь в криптоэкономике? Гайдаровский форум 2019. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/vazhnejshie-meropriyatiya-h-gajdarovskogo-foruma-budut-translirovatsya-v-onlajn-rezhime>.

Библиографический список

1. Горбунов С.В. Проблемы государственного регулирования цифровых финансовых активов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--h1aav0a9a.xn--p1ai/articles/19-problemy-gosudarstvennogo-regulirovanija-cifrovyh-finansovyh-aktivov.html>
2. Ястребова С., Стулов М. Капитализация рынка криптовалют превысила \$500 млрд [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/12/13/745186-kapitalizatsiya-kriptovalyut>
3. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/28653/>
4. Криптовалютные исследования. Любопытные факты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cryptor.net/kriptovalyuty/kriptovalyutnye-issledovaniya-lyubopytnye-fakty>
5. Криптовалюты против фиатных денег: за кем будущее [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://letknow.news/publications/kriptovalyuty-protiv-fiatnyh-deneg-za-kem-budushchee-16775.html>
6. Нужен ли России особый путь в криптоэкономике? Гайдаровский форум 2019. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/vazhnejshie-meropriyatiya-h-gajdarovskogo-foruma-budut-translirovatsya-v-onlajn-rezhime>
7. Левашенко А. Лучшие мировые практики в помощь регулированию криптоэкономики в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://itm.ranepa.ru/doc/conf2018/Levashenko_02.03.18.pdf
8. Правовой статус криптовалют в Японии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://forknews.io/legal/000304-pravovoj-status-kriptoal.html>
9. Налогообложение криптовалюты в Германии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sb-sb.com/publications/article/pravovoe_regulirovanie_kriptoaljutj_v_germanii/

10. Правовое регулирование криптовалют в разных странах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coinmania.com/o-pravovom-regulirovanii-kriptoalyut-v-raznyh-stranah/>
11. Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» № 02/04/01–18/00077904 от 30.01.2018г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=77904>
12. Риски криптоэкономики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://studopedia.net/4_30480_razdel--riski-kriptoekonomiki.html
13. Насколько анонимны транзакции Monero? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://blockchainwiki.ru/na-skolko-anonimny-tranzaktsii-monero/>
14. Как поставить криптовалюту на баланс компании? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.klerk.ru/buh/articles/477795/>
15. Легализация криптовалют в Австралии: свобода или ограничение? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://forknews.io/legal/000425-legalizaciya-kriptoalyut.html>
16. Концепция развития регулирования криптоэкономики в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://oecd-russia.org/analytics/kontseptsiya-razvitiya-regulirovaniya-kriptoekonomiki-v-rossii.html>
17. Лучшие мировые практики в помощь регулированию криптоэкономики в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://itm.ranepa.ru/doc/conf2018/Levashenko_02.03.18.pdf
18. Зачем нужен налог на криптовалюту: условия налогообложения в разных странах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tradedhow.ru/crypto/nalog-na-kriptoalutu.html>
19. Минфин объяснил, как людям платить налоги с криптовалют [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=10110938>

List of References

1. Gorbunov S.V. Problems of state regulation of digital financial assets [Electronic resource]. Access mode: <http://xn--h1aav0a9a.xn--p1ai/articles/19-problemy-gosudarstvennogo-regulirovaniya-cifrovyyh-finansovyh-aktivov.html>
2. Yastrebova S., Stulov M. “Capitalization of the market of cryptocurrencies exceeded \$500 billion” [An electronic resource]. Access mode: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/12/13/745186-kapitalizatsiya-kriptovalyut>
3. “Digital Economy of the Russian Federation” program. [Electronic resource]. Access mode: <http://government.ru/docs/28653/>
4. Cryptocurrency researches. Curious facts [Electronic resource]. — Access mode: <https://cryptor.net/kriptovalyuty/kriptovalyutnye-issledovaniya-lyubopytnye-fakty>
5. Cryptocurrencies against fiat money: for whom the future [An electronic resource]. — Access mode: <https://letknow.news/publications/kriptovalyuty-protiv-fiatnyh-deneg-za-kem-budushchee-16775.html>
6. Whether the special way in cryptoeconomy is necessary to Russia? Gaidar’s form 2019. — [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/vazhnejshie-meropriyatiya-h-gaidarovskogo-foruma-budut-translirovatsya-v-onlajn-rezhime>
7. Levashenko A. The best world practices for the aid to regulation of cryptoeconomy in Russia [An electronic resource]. — Access mode: http://itm.ranepa.ru/doc/conf2018/Levashenko_02.03.18.pdf
8. Legal status of cryptocurrencies in Japan [An electronic resource]. — Access mode: <https://forknews.io/legal/000304-pravovoj-status-kriptoval.html>
9. Taxation of cryptocurrency in Germany. — [Electronic resource]. — Access mode: https://sb-sb.com/publications/article/pravovoe_regulirovanie_kriptovaljuty_v_germanii/

10. Legal regulation of cryptocurrencies in the different countries [An electronic resource]. Access mode: <https://coinmania.com/o-pravovom-regulirovanii-kriptoalyut-v-raznyh-stranah/>
11. Draft federal law “About Digital Financial Assets” No. 02/04/01–18/00077904 of 30.01.2018 [Electronic resource]. Access mode: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=77904>
12. Risks of cryptoeconomy [Electronic resource]. — Access mode: https://studopedia.net/4_30480_razdel--riski-kriptoekonomiki.html
13. On how many transactions of Monero are anonymous? [Electronic resource]. — Access mode: <https://blockchainwiki.ru/na-skolko-anonimny-tranzaktsii-monero/>
14. How to enter cryptocurrency in books of the company? [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.klerk.ru/buh/articles/477795/>
15. Legalization of cryptocurrencies in Australia: freedom or restriction? [Electronic resource]. — Access mode: <https://forknews.io/legal/000425-legalizaciya-kriptoalyut.html>
16. The concept of development of regulation of cryptoeconomy in Russia [An electronic resource]. — Access mode: <http://oecd-russia.org/analytics/kontsepsiya-razvitiya-regulirovaniya-kriptoekonomiki-v-rossii.html>
17. The best mirovny practices for the aid to regulation of cryptoeconomy in Russia [An electronic resource]. — Access mode: http://itm.ranepa.ru/doc/conf2018/Levashenko_02.03.18.pdf
18. Why the tax on cryptocurrency is necessary: taxation conditions in the different countries [An electronic resource]. — Access mode: <https://tradedhow.ru/crypto/nalog-na-kriptoalutu.html>
19. The Ministry of Finance explained how to pay people taxes on cryptocurrencies. — [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=10110938>

Контактная информация:

Клочкова Елена Николаевна — к.э.н., доцент, доцент кафедры статистики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия), e-mail: klotchkova.EN@rea.ru

Klochkova Elena Nikolaevna — Candidate of Economics Associate professor of the Department Statistics Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia), e-mail: klotchkova.EN@rea.ru

Овешникова Людмила Владимировна — профессор кафедры статистики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия), доктор экономических наук, e-mail: Oveshnikova.LV@rea.ru

OveshnikovaLyudmila Vladimirovna — Professor of the Department Statistics, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia), Doctor of Economics, e-mail: Oveshnikova.LV@rea.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

STRATEGIC GOAL-SETTING IN RUSSIA: CONDITION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

В.Е. ЛЕПСКИЙ

Доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института философии РАН

V.E. LEPSKIY

Doctor of psychological sciences, Main Research Fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

АННОТАЦИЯ

В статье представлен обобщенный анализ состояния процессов стратегического целеполагания в стране. Совершенствование

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 17-18-01326 «Развитие социогуманитарных технологий системы распределенных ситуационных центров России на основе методологии саморазвивающихся полисубъектных сред».

процессов стратегического целеполагания предлагается организовать на основе постнеклассической кибернетики третьего порядка саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред. Такой подход ориентирован на консолидацию власти, бизнеса и общества, на становление гражданского общества. Современный механизм стратегического целеполагания предлагается создать на основе Системы распределенных ситуационных центров, которую следует трансформировать в Систему центров развития.

ABSTRACT

The article presents a generalized analysis of the state of the processes of strategic goal-setting in the country. It is proposed to improve the processes of strategic goal setting on the basis of third-order post-non-classical cybernetics of self-developing poly-subject (reflexive-active) environments. This approach is focused on the consolidation of government, business and society, on the formation of a civil society. As a leader of the formation of civil society, socially-oriented non-profit organizations were considered. A change to the development of a conceptual orientation in national security is proposed. A modern mechanism of strategic goal setting is proposed to be created on the basis of the System of distributed situational centers, which should be transformed into the System of Development Centers.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Стратегическое целеполагание, кибернетика третьего порядка, саморазвивающиеся полисубъектные среды, гражданское общество, центры управления.

KEYWORDS

Strategic goal setting, third-order cybernetics, self-developing poly-subject environments, civil society, control centers.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в Российской Федерации предпринимаются попытки ее перевода на курс развития. Законодательно закрепленные в 2014 году меры по созданию в стране системы стратегического планирования не увенчались успехом. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. заданы стратегические ориентиры развития страны до 2024 года. Подготовлены 12 национальных проектов, но первые шаги по их подготовке свидетельствуют о необходимости придания этой работе системного и согласованного характера [1]. Причин сложившейся ситуации много, но главные из них. В каком состоянии мы находимся, как оно соотносится со статьей Конституции Российской Федерации о социальном государстве?

- Куда мы идем, что строим?
- Какие у нас базовые ценности?
- Кто определяет видение будущего и пути его достижения, как участвует в этом общество и бизнес?

Как следствие, можно утверждать, что *в стране отсутствует стратегическое целеполагание, ориентированное на ее развитие.*

Те, кто берутся за стратегическое целеполагание, явно не способны или не хотят это делать. Более того, отдельные представители открыто в СМИ заявляют, что народ не должен много знать, носителем знания, необходимого для управления, должна являться исключительно властная элита, а народом нужно манипулировать. Такой подход является прямым нарушением Конституции Российской Федерации, согласно которой народ является «единственным источником власти», а следовательно, он должен участвовать в формировании идеологии развития и стратегическом

целеполагании Российской Федерации. Но дело не только в нарушении основного Закона, а в том, что в цифровой век одна только властная элита, какой бы мудрой она ни была, не сможет обеспечить необходимое качество и темпы развития, только используя «творчество масс», можно выстоять в гонке инноваций между странами и цивилизациями, в организации стратегического партнерства и гармонии мирового сообщества.

С точки зрения управленческой науки сложность объекта управления должна быть сопоставима со сложностью системы управления (принцип Эшби). Выполнить это условие возможно при совместном использовании (конвергенции) иерархических, сетевых и средовых механизмов управления, при консолидации государства, общества и бизнеса на основе современных разработок управления и развития социальных систем [2].

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В РОССИИ

Научное обеспечение. Совершенствование механизмов стратегического целеполагания должно опираться на современные представления философии науки и техники, на социогуманитарное развитие проблематики управления, становление кибернетики третьего порядка саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред [3, 4].

Этот подход ориентирован на решение следующих проблем обеспечения стратегического целеполагания:

- организация стратегического контура управления и развития (общественно-административного), обеспечивающего контроль, координацию и интеграцию процессов стратегического целеполагания [2];

- интеграцию нерешенных проблем в точках разрыва устоявшихся видов деятельности, организацию стратегического целеполагания с поэтапным расширением состава участников вплоть до включения всех заинтересованных субъектов развития, анализ рисков и угроз, проверку реализуемости результатов стратегического целеполагания через стратегическое планирование и проектное управление и разработку проектов развития, обеспечение внедрения проектов развития;
- разработку единой субъектно-ориентированной информационной и технологической платформы (федеральный, региональные, местные, ведомственные, корпоративные уровни), обеспечивающей полноту рефлексивных процессов и потенциальную включенность всех заинтересованных субъектов в стратегическое целеполагание²;
- консолидацию властных структур и общества на основе проектной идентификации стратегического целеполагания;
- обеспечение сборки и гармонии субъектов развития в стратегическом целеполагании, организацию пространства коммуникаций и доверия субъектов развития [5], организацию социальных лифтов с учетом активности и результативности субъектов развития;
- обеспечение соответствия сложности системы и объекта управления, стимулирование и поддержку становления гражданского общества и его включенность в механизмы стратегического целеполагания;

² В настоящее время разработчики информационных платформ и стратегических документов для государственного управления в большинстве случаев находятся в «методологической лужке» объектно-ориентированного моделирования.

- развитие механизмов продвинутой и сетевой демократии [6], с доминированием прямой демократии [7], стимулирование процессов формирования этики стратегических субъектов [2, 3].

В настоящее время активно ведутся научные исследования по совершенствованию кибернетики саморазвивающихся полисубъектных сред, успешно проведена апробация на ряде отечественных и зарубежных конференций, предпринимаются попытки применить этот подход к совершенствованию Системы распределенных ситуационных центров страны.

Сегодня необходимо создание новых научно-прикладных областей знания для широкой трансдисциплинарной интеграции гуманитарных (психология, социология, политология, культурология, экономика и др.) и естественно-научных областей (инженерия, искусственный интеллект, компьютерные науки и др.) в интересах обеспечения стратегического целеполагания и воплощения его результатов в конкретные проекты развития в условиях гибридной реальности (субъектная, цифровая, физическая). В частности, нами начаты работы по постановке проблемы разработки новой области знания: «Социогуманитарная эргономика саморазвивающихся полисубъектных сред» [8].

Стимулирование и поддержка механизмов становления гражданского общества. Организация стратегического целеполагания на основе кибернетики саморазвивающихся полисубъектных сред должна опираться на развитое гражданское общество и поддерживать его дальнейшее развитие. В настоящее время назвать гражданское общество нашей страны развитым не совсем корректно. Есть ли сегодня в нашей стране активные строители гражданского

общества? Скорее, есть те, кто причисляет себя к его строителям, но судя по крайне скромным результатам, чего-то в этом строительстве не хватает. А не хватает идеологического обеспечения и хорошо организованного социально-ориентированного локомотива, который возьмется за развитие гражданского общества в стране, и его в этом поддерживает государство.

Анализ российских реалий позволяет сделать вывод, что в стране имеются категории населения, мотивированные поддержать становление гражданского общества, совершенствование системы управления страной и ее стратегического целеполагания. Это представители науки, образования, культуры, малого бизнеса, высокотехнологичных секторов экономики и др. Однако их мотивов недостаточно, в силу снижения их социальной активности, под влиянием культа денег, недоверия к государству и крупному бизнесу, утраты позитивного образа будущего и др. Политические партии также не могут претендовать на роль лидеров в построении гражданского общества, в силу их увлеченности политическими процессами, а не результатами, а также в силу потери доверия со стороны общества.

Социальноориентированные некоммерческие организации (НКО) — сегодня в России главные претенденты на роль лидеров в становление гражданского общества.

Во-первых, НКО за последние несколько лет имели нарастающую финансовую поддержку со стороны государства, что способствовало их интенсивному развитию (в сфере малых дел).

Во-вторых, в деятельности НКО сформировались социально активные граждане, обладающие опытом организации социальных процессов, равнодушные к судьбе

страны, чувствительные к несправедливости, открытые к проблемам других людей и готовые прийти на помощь, бескорыстные.

В-третьих, НКО оказались хорошо организованными через Союз НКО, в котором охвачены все регионы страны.

Специфика НКО и их представителей позволяет сделать вывод, что при расширении их функций и соответствующей поддержке государства они могут претендовать на роль локомотива в становление гражданского общества и его включенности в совершенствование системы управления и развития страны [9].

Совершенствование концептуальных основ национальной и других видов безопасности. Бессубъектность российского развития отчетливо проявляется и в сложившихся концептуальных основах национальной и других видов безопасности. До сих пор в стратегических документах по национальной безопасности доминирует культура, сложившаяся в период холодной войны, культура защищенности от внешних и внутренних угроз. Основные ее признаки проявляются в следующих установках:

- авторитарность подхода к безопасности, доминанта самодостаточности государства для решения любых проблем безопасности;
- установка на дистанцирование личности, общества и государства, игнорирование механизмов сборки субъектов;
- установка на статичность интересов личности, общества и государства;
- «окопная логика», фокусировка внимания на состоянии защищенности от угроз, а не на способности адекватно действовать в динамично изменяющихся условиях;

- игнорирование проблем связи легитимности власти и идентификации граждан;
- игнорирование проблемы органичной связи социально-политической и экономической организации с традициями российской цивилизации;
- игнорирование проблем безопасности инновационного развития.

Сегодня эти установки выглядят явно архаично, но во второй половине XX века они были закреплены в законодательных документах.

Современное понимание национальной безопасности должно быть ориентировано не только на угрозы, но и на обеспечение развития страны, включая процессы стратегического целеполагания.

Обеспечение *национальной безопасности* — это обеспечение способности граждан, общества и государства к совместному социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность стратегических национальных проектов.

В настоящее время принято выделение частных направлений безопасности с привязкой к сложившимся областям знания: экономическая, военная, информационная безопасность и др. Предлагаемый пересмотр понятия безопасности предопределяет и иные основания для выделения направлений безопасности; необходимо ввести новые направления безопасности, ориентированные на способность субъектов к социальному воспроизводству и развитию. Например, онтологическая, идентификационная, инновационная, рефлексивная и другие [10].

ОРГАНИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ НА ОСНОВЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕННЫХ СИТУАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ В СИСТЕМУ ЦЕНТРОВ РАЗВИТИЯ

Созданная в стране Система распределенных ситуационных центров (СРСЦ) в контексте системотехнических критериев удовлетворяет требованиям, чтобы быть использованной в качестве базовой системы для стратегического целеполагания России [11]. Принципиальным ограничением на данный момент является монополия объектно-ориентированного подхода, при полном игнорировании субъектно-ориентированного подхода. Такое положение дел сложилось исторически, поскольку определялось общими мировыми трендами в проблематике управления и кибернетики. Нами поставлена проблема трансформации СРСЦ в Систему центров развития (СЦР) и описаны потенциальные возможности ее использования для инициирования и поддержки формирования саморазвивающихся полисубъектных сред, в которых будут реализованы современные подходы к организации процессов стратегического целеполагания [1].

Следует заметить, что быстрого внедрения методологии организации стратегического целеполагания на основе СЦР не получится, в частности потому, что для решения многих задач отсутствуют апробированные социогуманитарные технологии. Требуется организация пилотных проектов для апробации как методологии, так и технологий, создания соответствующих информационных и технологических платформ, организации сопряжения и конвергенции субъектно-ориентированных и объектно-ориентированных моделей.

На наш взгляд, в настоящее время нет альтернативы для создания современного механизма стратегического целе-

полагания предлагаемому на основе СЦР, которая позволит системно организовать стратегическое целеполагание на федеральном, региональных, местных, ведомственных и корпоративных уровнях [1].

Принципиально важно отметить, что СЦР рассматривается нами как системообразующие структуры для создания саморазвивающихся рефлексивно-активных сред на всех уровнях управления и развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы предпринимаются попытки перевода страны на курс развития. Однако результаты весьма скромные. Отсутствует консолидация государства, бизнеса и общества, ориентированная на развитие страны. Не сформировано пространство доверия. Доминирует объектно-ориентированный подход на оптимизацию финансовых и других показателей, отстраненных от интересов и понимания большинства представителей общества. Это находит свое отражение и в неадекватной организации процессов стратегического целеполагания.

Совершенствование механизмов и институтов стратегического целеполагания должно опираться на современные представления философии науки и техники, на социогуманитарное развитие проблематики управления, становление кибернетики третьего порядка с акцентированием внимания на субъектности в управлении и формировании саморазвивающихся рефлексивно-активных сред.

Процессы стратегического целеполагания предлагается рассматривать в неразрывной связи со сборкой субъектов развития, от начальных этапов стартовых групп до включения всех заинтересованных субъектов на основе проектной

идентификации общества. Такой подход ориентирован на консолидацию власти, бизнеса и общества в целом для решения задач стратегического целеполагания, разработки стратегий развития, их реализации и организации стратегического аудита.

В современных условиях практически нет альтернативы созданию эффективного механизма стратегического целеполагания, кроме как на основе Системы распределенных ситуационных центров, которую предлагается трансформировать в Систему центров развития. Именно такая система может стать системообразующей структурой для создания саморазвивающихся рефлексивно-активных сред на всех уровнях управления: федеральном, региональных, местных, ведомственных и корпоративных.

Библиографический список

1. Авдеева З.К., Барышников П.Ю., Зацаринный А.А., Журенков Д.А., Ильин Н.И., Колин К.К., Лепский В.Е., Малинецкий Г.Г., Райков А.Н., Савельев А.М., Сильвестров С.Н., Славин А.Б., Славин Б.Б. Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития. Под ред. В.Е. Лепского, А.Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2018. 320 с.
2. Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. 170 с. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2015.pdf>
3. Лепский В.Е. Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка // Философские науки. 2018. № 10. С. 7–36.
4. Vladimir Lepskiy, (2018) «Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis», *Kybernetes*, Vol. 47 Issue: 2, pp. 249–261, <https://doi.org/10.1108/K-03-2017-0120>

5. Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. 130 с. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2016.pdf>
6. Raikov A. Accelerating technology for self-organising networked democracy. *Futures*. Volume 103, October 2018, Pages 17–26. URL: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.03.015>
7. Лепский В.Е. Чтобы в России заработала демократия, надо научиться управлять сложностью // Развитие и экономика. 2013. № 5. С. 42–51.
8. Лепский В.Е. Социогуманитарная эргономика стратегического проектирования российского развития / Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 4 / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. С. 351–368.
9. Итоговый ПРЕСС-РЕЛИЗ IX Съезда некоммерческих организаций России. URL: <https://www.gosgrant.ru/>
10. Лепский В.Е. Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 24–30.
11. Авдеева З.К., Барышников П.Ю., Бауэр В.П., Зацаринный А.А., Журенков Д.А., Ильин Н.И., Колин К.К., Лепский В.Е., Малинецкий Г.Г., Райков А.Н., Савельев А.М., Сильвестров С.Н., Славин А.Б., Славин Б.Б. Социогуманитарные аспекты ситуационных центров развития / Под ред. В.Е. Лепского, А.Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2017. 416 с.

List of References

1. Avdeeva Z.K., Baryshnikov P.Y., Ilyin N.I., Kolin K.K., Lepskiy V.E., Malinetsky G.G., Raikov A.N., Saveliev A.M., Silvestrov S.N., Slavin A.B., Slavin B.B., Zatsarinny A.A., Zhurenkov D.A. / Strategicheskoe tselepolaganie v situatsionnykh tsentrakh razvitiya / Pod red. V.E. Lepskogo, A.N. Raikova. M.: Kogito-Tsentr, 2018. 320 s.

2. Lepskiy V.E. Evolyutsiyapredstavleniibupravlenii (metodologicheskiiifilosofskiianaliz). M.: Kogito-Tsentr, 2015. 170 s. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2015.pdf>
3. Lepskiy V.E. Filosofsko-metodologicheskiesnovaniyastanovleniya-kibernetikitret'egoporyadka // Filosofskienauki. 2018. № 10. S. 7–36.
4. Vladimir Lepskiy, (2018) «Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis», *Kybernetes*, Vol. 47 Issue: 2, pp. 249–261. URL: <https://doi.org/10.1108/K-03-2017-0120>
5. Lepskiy V.E. Analitikasborkisub»ektovrazvitiya. M.: Kogito-Tsentr, 2016. 130 s.URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2016.pdf>
6. Raikov A. Accelerating technology for self-organising networked democracy. *Futures*. Volume 103, October 2018, Pages 17–26. URL:<https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.03.015>
7. Lepskiy V.E. Chtoby v Rossii zarabotala demokratiya, nado nauchit'sya upravlyat' slozhnost'yu // *Razvitie i ekonomika*. 2013. № 5. S.42–51.
8. Lepskiy V.E. Sotsiogumanitarnaya ergonomika strategicheskogo proektirovaniya rossiiskogo razvitiya / Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vypusk 4 / Pod red. V. A. Bodrova. M.: Izdatel'stvo «Institutpsikhologii RAN», 2012. S. 351–368.
9. Itogovyi PRESS-RELIZ IX S»ezdanekommercheskikhorganizatsiiRossii. URL: <https://www.gosgrant.ru/>
10. Lepskiy V.E. Razvitieinatsional'nayabezopasnost' Rossii // *Ekonomicheskiestrategii*. 2008. №2. S.24–30.
11. Avdeeva Z.K., Baryshnikov P.Y., Bauer V.P., Ilyin N.I., Kolin K.K., Lepskiy V.E., Malinetsky G.G., Raikov A.N., Saveliev A. M., Silvestrov S.N., Slavin AB, Slavin B.B, Zatsarinny A.A., Zhurenkov D.A. Zacarinnyj A.A., / *Sotsiogumanitarnyeaspektysituatsionnykhtsentrovrazvitiya* / Pod red. V.E. Lepskogo, A.N. Raikova. M.: Kogito-Tsentr, 2017. 416 s.

Сведения об авторе:

Лепский Владимир Евгеньевич — доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, тел. +7 916–634–76–52,

109240, Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, Институт философии РАН

Lepsky@tm-net.ru <http://iph.ras.ru/lepskiy.htm> <http://www.reflexion.ru/>

Lepskiy Vladimir Evgenievich — doctor of psychological sciences, Main Research Fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, tel. +7 916–634–76–52.

109240, Moscow, Goncharnaj str., 12/1, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Lepsky@tm-net.ru <http://eng.iph.ras.ru/lepskiy.htm> <http://www.reflexion.ru/>

**ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВ
РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**
**ASSESSMENT
OF THE CONDITION
AND PROSPECTS
OF DEVELOPMENT
OF THE LABOR MARKET
OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

Н.А. САДОВНИКОВА

Доктор экономических наук, профессор,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия)

N.A. SADOVNIKOVA

Author affiliation: Plekhanov Russian University
of Economics (Moscow, Russia)

О.А. МАХОВА

Кандидат экономических наук, доцент,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия)

О.А. MAHOVA

Author affiliation: Plekhanov Russian University
of Economics (Moscow, Russia)

АННОТАЦИЯ

В статье приводится характеристика современного состояния рабочей силы как основного фактора устойчивого социально-экономического роста страны. На основе анализа демографической конъюнктуры выявляются основные угрозы, препятствия и трудности, возникающие на пути этого процесса. Представленный всесторонний анализ перспективного развития сферы труда, основанный как на демографических, так и на статистических методах, определяет научную и практическую значимость статьи, особенно в контексте придания экономике цифрового вектора развития.

ABSTRACT

The article presents the characteristics of the current state of the labor force as the main factor for the sustainable socio-economic growth of the country. Based on the analysis of the demographic conjuncture, the main threats, obstacles and difficulties arising in the way of this process are identified. A comprehensive analysis of the future development of the world of work, based on both demographic and statistical methods, determines the scientific and practical significance of the article, especially in the context of giving the economy a digital vector of development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Рабочая сила, трудоспособный возраст, трудовое замещение, старение трудовых ресурсов, заработная плата, уровень занятости, безработица.

KEYWORDS

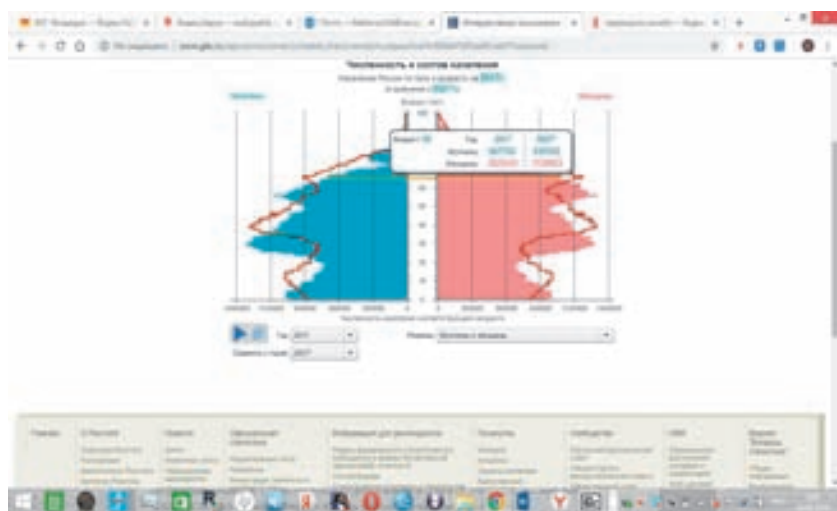
Labor force, working age, labor replacement, aging labor force, wages, employment rate, unemployment.

Человеческие ресурсы государства представляют основу/фундамент обеспечения внутривнутриполитической, экономической, социальной и прочей стабильности. Еще М.В. Ломоносов писал, что самым главным делом является сохранение и размножение российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства [1]. Отрадно сознавать, что это понимает руководство страны, в ходе послания Федеральному собранию в декабре 2016 г. президент РФ Владимир Путин заявил: «Смысл всей нашей политики — это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России»[2]. Однако, несмотря на все усилия государства, сегодня не решена основная демографическая проблема не том чтобы умножения, а правильного — сохранения человеческого капитала: процесс старения общества углубляется; средняя продолжительность предстоящей жизни населения остается низкой по меркам экономически развитых стран мира; интенсивность рождаемости не обеспечивает простого воспроизводства населения; развивается экспансия, проступающая в замещении коренного населения, и т.п.

При этом наибольшую тревогу вызывает перспектива развития человеческих ресурсов и сферы труда с учетом создавшейся демографической конъюнктуры. В 2019 году в возрасте 18–23 года будут находиться те, кто рожден в период с 1996 по 2001 гг., в годы, которые выдающиеся демографы нашей современности определяют как «демографическую яму» в «демографической волне», характеризующуюся пе-

риодами с 1983 года по 1987 год, когда рост числа родившихся достиг 2,4–2,5 млн в год, а затем с 1996 года по 2001 годы, когда эти числа резко упали до 1,2–1,3 млн. Эта волна определила на будущее динамику различных контингентов населения [3].

Молодые люди в возрасте от 18 до 23 лет в настоящее время формируют численность трудовых ресурсов. Они получают/получили образование и вступают/вступили в трудовую жизнь. Но, в силу вышеуказанных причин, их численность очень мала, она не обеспечивает трудовое замещение, когда на смену уходящим старым поколениям приходят более молодые поколения.

Рис. 1. Половозрастная пирамида численности населения Российской Федерации за фактический 2017 г. и прогноз на 2027 г., чел.¹

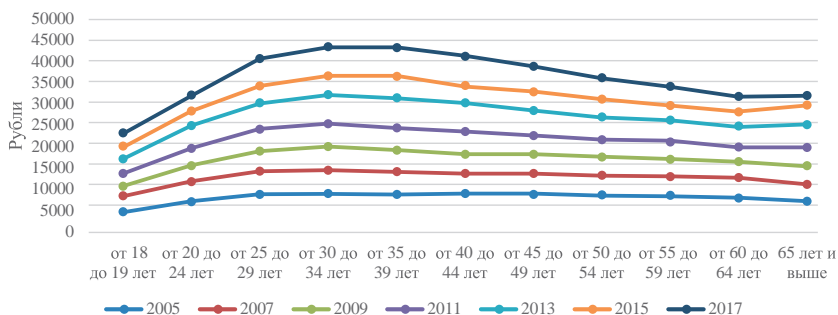
¹ Росстат. Выборочные обследования организаций (без субъектов малого предпринимательства) проводятся один раз в два года [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/metod/XML-2019/XML_plan_2019.htm (дата обращения 14.01.2019).

Трудовые ресурсы стареют, и их численность сокращается (рис. 1). Это, бесспорно, явилось одним из факторов, лежащих в основе повышения верхней границы трудоспособного возраста [4], вот только не было учтено, что при переходе экономики в режим непрерывной инновации, в условиях роста знаниеемкости, необходима поддержка молодых кадров, а не, по сути, бесполезный вклад в обеспечение рабочими местами лиц старших возрастных групп, которые менее восприимчивы к новаторству и менее мобильны. Таким образом, увеличив границу трудоспособного возраста государство, с одной стороны, постаралось решить количественную проблему и уменьшить «армию» пенсионеров, для которой необходимо регулярно повышать размер пенсионного обеспечения, чтобы престарелые граждане страны могли вести более или менее достойное существование, не превращаясь в самые обездоленные слои населения, следовательно, это, прежде всего, экономия значительной части бюджетов самого различного уровня, которая тратится именно на содержание пенсионеров. С другой — в составе трудовых ресурсов существенно повышается удельный вес жителей старших возрастных групп, которые в своей подавляющей массе придерживаются консервативных взглядов, ориентированных на сохранение сложившихся устоев. Их вовлечение в процесс модернизации и перехода к цифровой экономике если и не носит проблематичный характер, то вызывает ряд трудностей, связанных с расширением социально-демографической базы для поддержки инновационных идей. Более того, структурные изменения экономики потребуют получения дополнительных знаний, освоения новых специальностей (включая информационные технологии),

а порой одни упоминания об этом зачастую вызывают шок у работников старших поколений. В данном контексте анализ состояния и перспектив развития сферы труда носит архизначимый характер.

Сегодня в условиях цифровизации экономики существенно возрастает потребность в работниках, способных генерировать идеи новаций в сфере экономики, способных реализовать эти идеи, что определяет необходимость максимально эффективного и продуктивного использования инновационного потенциала молодежи. Однако по динамике заработной платы мы не можем говорить, что молодые кадры действительно нужны нашему государству.

У работников в возрасте от 18 до 24 лет и 65 лет и старше наиболее низкий уровень средней начисленной заработной платы. Прежде всего это связано с тем, что молодежь в раннем возрасте не имеет достаточного опыта работы, в свою очередь, пенсионеры на рынке труда представляют наиболее социально незащищенную категорию населения. У работников в возрасте от 18 до 19 лет за последний анализируемый двухгодичный период (октябрь 2015 г. — октябрь 2017 г.) средняя начисленная заработная плата увеличилась на 3048 рублей (на 15,03 %) и в октябре 2017 года составила 23 328 рублей. У молодежи в возрасте от 20 до 24 лет средняя начисленная заработная плата возросла на 3782 рубля (на 13,28%). Наименьший рост показателя был характерен для когорты работников возрастной группы 65 лет и выше, с октября 2015 года по соответствующий период 2017 года средняя начисленная заработная плата увеличилась на 2283 рубля (на 7,63%) и стала составлять к отчетному периоду 32 199 рублей.

Рис. 2. Средняя начисленная заработная плата работников по обследованным видам экономической деятельности в разрезе возрастных групп в Российской Федерации за период с 2005 по 2017 годы, рублей (по результатам выборочных обследований организаций за октябрь)²

Сопоставимы ли эти уровни заработной платы с начисленной **среднемесячной** заработной платой депутатов Государственной Думы, которая за шесть месяцев 2018 года (с учетом дней болезни депутатов Государственной Думы и отпусков) составила **388,5 тыс. рублей** [5]? (Справочно: **величина среднедушевого денежного дохода населения страны** в I квартале 2018 г. составила 28,7 тыс. рублей в месяц, ко II кварталу 2018 г. увеличилась до **32,3 тыс. рублей**) [6]. Ответ — **НЕТ!**

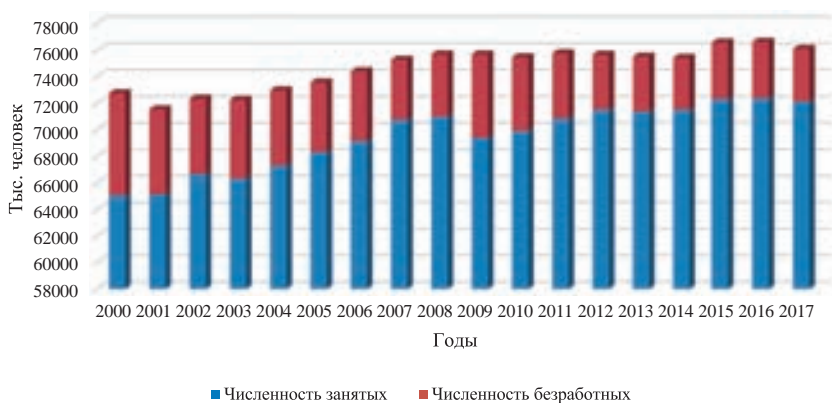
Почему в стране до сих пор нашими чиновниками, получающими заработную плату в разы большую, чем средняя по стране, не разработаны эффективные механизмы обеспечения высокопроизводительной занятости молодежи в целях ее самореализации и достижения конкурентоспособности

² Росстат. Выборочные обследования организаций (без субъектов малого предпринимательства) проводятся один раз в два года [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/metod/XML-2019/XML_plan_2019.htm (дата обращения 14.01.2019).

на рынке труда? Необходимо дополнительное развитие разнообразных практик и совершенствование системы финансовой поддержки молодежи, а также стимулирование работодателей, принимающих на работу молодежь.

Определив ряд текущих проблем формирования и состояния сферы труда, прогнозируем основные параметры, его характеризующие, а именно: численность рабочей силы, занятых и безработных, уровни занятости и безработицы.

Рис. 3. Динамика численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет в России за 2000–2017 гг., тыс. человек.

В Российской Федерации динамика численности рабочей силы за период с 2000 по 2017 гг. была крайне неравномерна, до 2008 г. рост был существенным и численность рабочей силы выросла с 72,8 млн человек до 75,7 млн человек. Посткризисный период характеризуется замедлением темпов роста численности рабочей силы. Вместе с тем динамика уровня участия в рабочей силе имеет ярко выраженную тенденцию к росту за весь рассматриваемый период.

Численность занятых в экономике за рассматриваемый период постоянно возрастала, в 2000 г. она составляла 65,0 млн человек, а к 2017 г. достигла 72,1 млн человек. Таким образом, численность занятого населения выросла на 10,9%, или 7,1 млн человек. При этом следует отметить, что существенных колебаний в значениях данного показателя не наблюдалось и периоды незначительного роста численности занятых в экономике сменялись периодами стагнации.

Моделирование тенденций изменения и прогноз основных индикаторов сферы труда осуществлены с использованием методов экстраполяции трендовых моделей и адаптивных методов прогнозирования.

Модели численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации методом экстраполяции трендовых моделей представлены в табл. 1.

Таблица 1

Модели численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации методом экстраполяции трендов

Модель прогноза	Критерий	Эластичность
$Y(t)=+71659.942+341.310*t$	444600,156	0,034
$Y(t)=+70923.475+617.478*t-18.411*t*t$	395263,813	0,034
$Y(t)=+71680.414*exp(+0.005*t)$	451906,500	0,035
$Y(t)=+71076.012+1747.126*ln(t)$	671525,563	0,023
$Y(t)=(+70960.729)*(+1.008)**t$	390293,781	0,000
$Y(t)=(+71680.414)*(+1.005)**t$	451906,500	0,035
$Y(t)=(+71114.470)*t**(+0.024)$	656272,813	0,024
$Y(t)=+70851.743+196.077*t+726.243*sqrt(t)$	473797,813	0,033
$Y(t)=+73172.777+1.329*t**2$	751445,813	0,002
$Y(t)=+74383.821-2299.453*t+646.351*t**2-55.764*t**3+1.563*t**4$	102909,445	0,062

Анализ значений критериев точности и коэффициентов эластичности показал, что наилучшую аппроксимацию реально существующих тенденций и закономерностей в изменении численности рабочей силы в целом по Российской Федерации среди представленных в таблице трендовых моделей, показала модель вида:

$$Y(t) = 74383,821 - 2299,453 \cdot t + 646,351 \cdot t^2 - 55,764 \cdot t^3 + 1,563 \cdot t^4.$$

Модели численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации адаптивными методами представлены в табл. 2.

Таблица 2

Характеристики адаптивных моделей численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации

Модель прогноза	Адекватность	Точность	Качество
$Y(t) = +74383.820 - 2299.453 \cdot t + 646.351 \cdot t^{**2} - 55.764 \cdot t^{**3} + 1.563 \cdot t^{**4}$	92,867	97,532	96,366
Метод Брауна (+0.169)	56,993	94,578	85,182
Метод Хольта (+0.820, +0.984)	54,013	94,919	84,692
Гармонических весов	50,221	98,071	86,109

Анализ значений коэффициентов адекватности, точности и качества показал, что наилучшую аппроксимацию реально существующих тенденций и закономерностей в изменении численности рабочей силы в целом по Российской Федерации среди представленных в таблице моделей с включением наиболее точной трендовой модели показала модель вида:

$$Y(t) = 74383,820 - 2299,453 \cdot t + 646,351 \cdot t^2 - 55,764 \cdot t^3 + 1,563 \cdot t^4,$$

характеристики отклонений эмпирических значений от теоретических по которой представлены в табл. 3.

Таблица 3

Характеристики отклонений эмпирических значений численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации от теоретических, полученных по полиному 4-й степени

Характеристика	Значение
Средний модуль остатков	213,726
Относительная ошибка	0,289
Критерий Дарбина-Уотсона	1,757
Критерий адекватности	92,867
Критерий точности	97,533

Таким образом, тенденции и закономерности изменения численности рабочей силы в целом по Российской Федерации наилучшим образом аппроксимируются функцией вида:

$$Y(t) = 74383,820 - 2299,453 \cdot t + 646,351 \cdot t^2 - 55,764 \cdot t^3 + 1,563 \cdot t^4.$$

На основе выбранной модели построен прогноз численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации на период до 2020 г., который свидетельствует о том, что в Российской Федерации в ближайшей перспективе до 2020 г. данный показатель будет увеличиваться от 76237,625 тыс. чел. в 2018 г. до 78652,195 тыс. чел. в 2020 г. (табл. 4).

Анализ динамики изменения численности рабочей силы в разрезе федеральных округов показал, что в краткосрочной перспективе будет наблюдаться рост численности рабочей силы в Российской Федерации в основном за счет Северо-Кавказского, Сибирского, Уральского и Южного федеральных округов.

Таблица 4

Прогноз численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации на период до 2020 г. методом экстраполяции трендовых моделей на основе полинома 4-й степени

Период прогноза	Прогноз	Нижняя граница	Верхняя граница
2018	76237,625	74669,227	77806,023
2019	77073,109	73852,039	80294,180
2020	78652,195	72859,258	84445,133

Модели численности занятых в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации методом экстраполяции трендовых моделей представлены в табл. 5.

Таблица 5

Модели численности занятых в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации методом экстраполяции трендов

Модель прогноза	Критерий	Эластичность
$Y(t)=+65044.093+490.056*t$	718602,375	0,057
$Y(t)=+63670.235+974.942*t-30.304*t*t$	462822,906	0,056
$Y(t)=+65092.148*\exp(+0.007*t)$	753815,938	0,057
$Y(t)=+63733.782+2812.306*\ln(t)$	682863,375	0,040
$Y(t)=(+63739.683)*(+1.015)**t$	461085,094	0,001
$Y(t)=(+65092.148)*(+1.007)**t$	753815,938	0,057
$Y(t)=(+63840.299)*t**(0.041)$	650094,375	0,041
$Y(t)=+61349.337-135.459*t+3223.987*\text{sqr}(t)$	537825,063	0,050
$Y(t)=+63670.235+974.942*t**1-30.304*t**2$	462821,719	0,056
$Y(t)=+65044.093+490.056*t$	718602,375	0,057

Анализ значений критериев точности и коэффициентов эластичности показал, что наилучшую аппроксимацию реально существующих тенденций и закономерностей в изменении численности занятых в целом по Российской

Федерации среди представленных в таблице трендовых моделей показала модель вида:

$$Y(t) = 63739,683 \cdot 1,015^t.$$

Модели численности занятых в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации адаптивными методами представлены в табл. 6.

Таблица 6

Характеристики адаптивных моделей численности занятых в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации

Модель прогноза	Адекватность	Точность	Качество
$Y(t) = (+63739.684) * (+1.015)^{**} t^{*} (+1.000)^{**} (t^{*} t)$	79,600	94,109	90,482
Метод Брауна (+0.520)	72,767	90,793	86,286
Метод Хольта (+0.912, +0.091)	89,433	91,198	90,757
Гармонических весов	72,122	95,619	89,745

Анализ значений коэффициентов адекватности, точности и качества показал, что наилучшую аппроксимацию реально существующих тенденций и закономерностей в изменении численности занятых в целом по Российской Федерации среди представленных в таблице моделей с включением наиболее точной трендовой модели показала модель Хольта (+0.912, +0.091), характеристики отклонений эмпирических значений от теоретических по которой представлены в табл. 7.

Таким образом, тенденции и закономерности изменения численности занятых в целом по Российской Федерации наилучшим образом аппроксимируются модель Хольта.

Таблица 7

Характеристики отклонений эмпирических значений численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации, от теоретических, полученных методом Хольта

Характеристика	Значение
Средний модуль остатков	722,507
Относительная ошибка	1,046
Критерий Дарбина-Уотсона	1,753
F - значение	636,327
Критерий адекватности	89,433
Критерий точности	91,198

Прогноз численности занятых в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации на период до 2020 г. построен методом Хольта (+0.912, +0.091) и свидетельствует о том, что в Российской Федерации в ближайшей перспективе до 2020 г. данный показатель будет увеличиваться от 71929,367 тыс. чел. в 2018 г. до 72682,688 тыс. чел. в 2020 г. (табл. 8).

Таблица 8

Прогноз численности занятых в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации на период до 2020 г. методом гармонических весов

Период прогноза	Прогноз	Нижняя граница	Верхняя граница
2018	71929,367	69360,656	74498,078
2019	72302,375	69724,555	74880,195
2020	72682,688	70102,563	75262,813

Отметим, что по результатам прогноза по федеральным округам в краткосрочной перспективе будет наблюдаться рост численности занятых в Российской Федерации практически во всех федеральных округах, кроме Северо-Западного.

Модели уровня занятости в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации методом экстраполяции трендовых моделей представлены в табл. 9.

Таблица 9

Модели уровня занятости населения в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации методом экстраполяции трендов

Модель прогноза	Критерий	Эластичность
$Y(t)=+60.605+0.490*t$	0,382	0,071
$Y(t)=+60.305+0.579*t-0.005*t*t$	0,392	0,071
$Y(t)=+66.924-8.592/t$	3,431	-0,014
$Y(t)=1./(+0.015+0.004*exp(-t))$	4,866	0,001
$Y(t)= +60.707*exp(+0.008*t)$	0,396	0,071
$Y(t)= +58.965+3.111*ln(t)$	1,028	0,047
$Y(t)= (+60.707)*(+1.008)**t$	0,396	0,071
$Y(t)= (+59.160)*t**(+0.048)$	0,948	0,048
$Y(t)= +59.497+0.329*t+0.896*sqr(t)$	0,385	0,069
$Y(t)= +66.920*exp(-0.134/t)$	3,328	-0,014
$Y(t)= +63.168+0.001*t**2$	0,935	0,004
$Y(t)= +60.305+0.579*t**1-0.005*t**2$	0,392	0,071
$Y(t)= (+64.996)/(+22.405*exp(-6.404*t))$	7,258	0,012

Анализ значений критериев точности и коэффициентов эластичности показал, что наилучшую аппроксимацию реально существующих тенденций и закономерностей в изменении уровня занятости в целом по Российской Федерации среди представленных в таблице трендовых моделей показала модель вида:

$$Y(t)=60,605+0,490*t.$$

Модели уровня занятости в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации адаптивными методами представлены в табл. 10.

Таблица 10

Характеристики адаптивных моделей уровня занятости населения в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации

Модель прогноза	Адекватность	Точность	Качество
$Y(t)=+60.605+0.490*t$	82,629	94,121	91,248
Метод Брауна (+0.727)	74,120	92,468	87,881
Метод Хольта (+0.387, +0.196)	67,525	92,438	86,210
Гармонических весов	89,688	95,810	94,280

Анализ значений коэффициентов адекватности, точности и качества показал, что наилучшую аппроксимацию реально существующих тенденций и закономерностей в изменении уровня занятости в целом по Российской Федерации среди представленных в таблице моделей с включением наиболее точной трендовой модели показала модель гармонических весов.

Прогноз уровня занятости населения в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации на период до 2020 г. построен методом гармонических весов и свидетельствует о том, что в Российской Федерации в ближайшей перспективе до 2020 г. данный показатель будет увеличиваться от 69,388% в 2018 г. до 69,885% в 2020 г. (табл. 11).

Таблица 11

Прогноз уровня занятости населения в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации на период до 2020 г. методом гармонических весов

Период прогноза	Прогноз	Нижняя граница	Верхняя граница
2018	69,388	68,812	69,964
2019	69,637	69,051	70,222
2020	69,885	69,289	70,481

При этом в краткосрочной перспективе будет наблюдаться рост уровня занятости населения практически во всех федеральных округах. Исключение составляет Приволжский федеральный округ, в котором данный показатель рынка труда будет иметь тенденцию к снижению.

Модели численности безработных в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации методом экстраполяции трендовых моделей представлены в табл. 12.

Таблица 12

Модели численности безработных в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации методом экстраполяции трендов

Модель прогноза	Критерий	Эластичность
$Y(t)=+6667.004-160.793*t$	346904,844	-0,297
$Y(t)=+7115.361-295.298*t+7.079*t*t$	335500,156	-0,309
$Y(t)=+4431.442+3646.398/t$	371724,000	0,080
$Y(t)=+6762.315*exp(-0.031*t)$	328815,813	-0,292
$Y(t)=+7418.500-1127.133*ln(t)$	261936,734	-0,231
$Y(t)=(+7114.451)*(+0.955)**t*(+1.001)**(t*t)$	328135,813	0,001
$Y(t)=(+6762.315)*(+0.970)**t$	328815,813	-0,292
$Y(t)=(+7680.964)*t**(-0.208)$	267807,063	-0,208
$Y(t)=+8649.893+125.693*t-1602.741*sqr(t)$	295546,063	-0,260
$Y(t)=+4457.918*exp(+0.640/t)$	425010,563	0,067
$Y(t)=+5788.676-0.400*t**2$	461865,969	-0,013
$Y(t)=+9140.615-1805.077*t**1+305.008*t**2-21.621*t**3+0.522*t**4$	249310,813	-0,135

Анализ значений критериев точности и коэффициентов эластичности показал, что наилучшую аппроксимацию реально существующих тенденций и закономерностей в изменении численности безработных в целом по Российской

Федерации, среди представленных в таблице трендовых моделей, показала модель вида:

$$Y(t) = 9140,615 - 1805,077 \cdot t + 305,008 \cdot t^2 - 21,621 \cdot t^3 + 0,522 \cdot t^4.$$

Модели численности безработных в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации адаптивными методами представлены в табл. 13.

Таблица 13

Характеристики адаптивных моделей численности безработных в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации

Модель прогноза	Адекватность	Точность	Качество
$Y(t) = +9140.614 - 1805.077 \cdot t^{**1} + 305.008 \cdot t^{**2} - 21.621 \cdot t^{**3} + 0.522 \cdot t^{**4}$	87,885	50,555	59,888
Метод Брауна (+0.375)	91,416	23,933	40,804
Метод Хольта (+1.000, +0.245)	92,318	24,643	41,562
Гармонических весов	86,060	58,423	65,332

Анализ значений коэффициентов адекватности, точности и качества показал, что наилучшую аппроксимацию реально существующих тенденций и закономерностей в изменении численности безработных в целом по Российской Федерации среди представленных в таблице моделей с включением наиболее точной трендовой модели показала модель гармонических весов.

Прогноз численности безработных в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации на период до 2020 г. построен методом гармонических весов и свидетельствует о том, что в Российской Федерации в ближайшей перспективе до

2020 г. данный показатель будет снижаться от 4004,242 тыс. чел. в 2018 г. до 3807,527 тыс. чел. в 2020 г. (табл. 14).

Таблица 14

Прогноз численности безработных в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации на период до 2020 г. методом гармонических весов

Период прогноза	Прогноз	Нижняя граница	Верхняя граница
2018	4004,242	3293,977	4714,507
2019	3905,885	3183,911	4627,858
2020	3807,527	3072,889	4542,164

Анализ динамики изменения численности безработных на рассматриваемую перспективу в разрезе федеральных округов показал снижение численности безработных во всех федеральных округах Российской Федерации.

Модели уровня безработицы населения в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации методом экстраполяции трендовых моделей представлены в табл. 15.

Таблица 15

Модели уровня безработицы населения в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации методом экстраполяции трендов

Модель прогноза	Критерий	Эластичность
$Y(t)=+9.231-0.244*t$	0,615	-0,335
$Y(t)=+9.991-0.472*t+0.012*t*t$	0,557	-0,351
$Y(t)=+5.860+5.443/t$	0,723	0,089
$Y(t)=1./(+0.103+0.005*t)$	0,521	0,318
$Y(t)=1./(+0.157-0.203*exp(-t))$	1,333	-0,001
$Y(t)=+9.402*exp(-0.035*t)$	0,563	-0,328
$Y(t)=+10.366-1.706*ln(t)$	0,424	-0,261
$Y(t)=(+10.028)*(+0.948)**t*(+1.001)**(t*t)$	0,537	0,001
$Y(t)=(+9.402)*(+0.966)**t$	0,563	-0,328

Модель прогноза	Критерий	Эластичность
$Y(t) = (+10.834) \cdot t^{**}(-0.232)$	0,450	-0,232
$Y(t) = +12.299 + 0.200 \cdot t - 2.480 \cdot \text{sqr}(t)$	0,478	-0,294
$Y(t) = +5.904 \cdot \exp(+0.706/t)$	0,880	0,074
$Y(t) = +7.888 - 0.001 \cdot t^{**2}$	0,898	-0,014
$Y(t) = +12.479 - 2.299 \cdot t^{**1} + 0.367 \cdot t^{**2} - 0.025 \cdot t^{**3} + 0.001 \cdot t^{**4}$	0,432	-0,174
$Y(t) = (+2.883) \cdot (+3.056 \cdot (+0.969 \cdot t))$	0,678	0,001
$Y(t) = (+6.667) / (-0.850 \cdot \exp(-0.912 \cdot t))$	1,284	0,001

Анализ значений критериев точности и коэффициентов эластичности показал, что наилучшую аппроксимацию реально существующих тенденций и закономерностей в изменении уровня безработицы населения в целом по Российской Федерации среди представленных в таблице трендовых моделей показала модель вида:

$$Y(t) = 10,366 - 1,706 \cdot \ln t.$$

Модели уровня безработицы населения в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации адаптивными методами представлены в табл. 16.

Таблица 16

Характеристики адаптивных моделей уровня безработицы населения в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации

Модель прогноза	Адекватность	Точность	Качество
$Y(t) = +10.366 - 1.706 \cdot \ln(t)$	36,190	52,359	48,317
Метод Брауна (+0.428)	90,533	26,928	42,830
Метод Хольта (+1.000, +0.184)	92,827	27,782	44,043
Гармонических весов	87,705	59,547	66,587

Анализ значений коэффициентов адекватности, точности и качества показал, что наилучшую аппроксимацию реально существующих тенденций и закономерностей в изменении уровня безработицы населения в целом по Российской Федерации среди представленных в таблице моделей с включением наиболее точной трендовой модели показала модель гармонических весов.

Прогноз уровня безработицы в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации на период до 2020 г. построен методом гармонических весов и свидетельствует о том, что в Российской Федерации в ближайшей перспективе до 2020 г. данный показатель будет снижаться от 5,203% в 2018 г. до 4,929% в 2020 г. (табл. 17).

Таблица 17

Прогноз уровня безработицы населения в возрасте 15–72 лет в Российской Федерации на период до 2020 г. методом гармонических весов

Период прогноза	Прогноз	Нижняя граница	Верхняя граница
2018	5,203	4,271	6,135
2019	5,066	4,119	6,013
2020	4,929	3,965	5,893

Отметим, что по результатам прогноза по федеральным округам в краткосрочной перспективе будет наблюдаться снижение уровня безработицы в каждом из федеральных округов.

Обобщая результаты анализа перспектив развития сферы труда на основе полученных прогнозных оценок, мы говорим, скорее, о благоприятных тенденциях, что увязывается с трансформацией в занятости населения, соответствующей цифровой экономике, появлением высокопроизводитель-

ных рабочих мест, а также с грамотной политикой в области занятости, в частности, направленной на поддержку социально незащищенных групп населения (молодежи, женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, инвалидов).

Однако приведенная выше половозрастная пирамида численности населения Российской Федерации (рис. 1) позволяет сделать вывод о неблагоприятной демографической конъюнктуре, которая определила не лучшие перспективы будущего развития сферы труда, выраженные в отсутствии возможности естественного пополнения трудовых ресурсов. Сегодня важно обратить внимание на вполне конкретные проблемы, существенно сдерживающие экономический рост, среди которых — выявленная тенденция сокращения численности населения трудоспособного возраста. При этом преодоление этой ситуации, в контексте того, что все ранее прилагаемые усилия сдерживать сокращение трудовых ресурсов за счет миграции по сути не привели к ожидаемым результатам, вылилось в принятое решение об увеличении верхней границы трудоспособного возраста, что, на наш взгляд, ситуацию не спасет, а только усугубляет. Не будем отрицать, что как трудовая миграция, так и включение в трудовые ресурсы определенной пятилетней когорты населения старшего возраста, ранее являющейся пенсионерами, дают количественный эффект. Но привлечение как мигрантов, так и работников старших возрастных групп по большей части носит явно негативный характер в связи с несоответствием данной рабочей силы современным требованиям к работнику, формирующимся на фоне развития наукоемких и высокотехнологичных сфер экономической деятельно-

сти (вдобавок к этому — существующие неконтролируемые миграционные потоки, статистически неопределенные по своему объему и ущербу, наносимому экономике страны, связанному со стремлением бизнеса минимизировать затраты на рабочую силу).

Создавшаяся ситуация в области формирования трудовых ресурсов может тормозить продвижение инновационной, цифровой экономики, являясь серьезным препятствием на пути развития современного российского «общества знаний», а поэтому требует более активного вмешательства государства, которое ведет себя в последние годы достаточно пассивно, забыв, что человеческий ресурс является одним из основных ресурсов любого государства.

Библиографический список

1. Ломоносов М.В. О сохранении и размножении российского народа. [Электронный ресурс]. <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/history01.php> (дата обращения 13.12.2018)
2. Путин: человеческий капитал — главное богатство России. Портала iz.ru [Электронный ресурс]. <https://iz.ru/news/648762> (дата обращения 13.12.2018)
3. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? [Электронный ресурс]. <http://rybakovsky.ru/demografia8a4.html> (дата обращения 18.12.2018)
4. Госдума приняла во втором чтении проект о пенсионных изменениях. [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/society/20180927/1529430437.html> (дата обращения 17.12.2018)
5. Какую пенсию получают депутаты Государственной Думы [Электронный ресурс]. <http://duma.gov.ru/news/27517/> (дата обращения 14.01.2019)

6. Уровень жизни. Росстат. [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/ (дата обращения 14.01.2018)

List of References

1. Lomonosov M.V. O sohranении i razmnozhenii rossijskogo naroda. [Электронный ресурс]. <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/history01.php> (дата обращения 13.12.2018)
2. Putin: chelovecheskij kapital — glavnoe bogatstvo Rossii. Portala iz.ru [Электронный ресурс]. <https://iz.ru/news/648762> (дата обращения 13.12.2018)
3. Rybakovskij L.L. Demograficheskie vyzovy: chto ozhidaet Rossiyu? [Электронный ресурс]. <http://rybakovsky.ru/demografia8a4.html> (дата обращения 18.12.2018)
4. Gosduma prinyala vo vtorom chtenii proekt o pensionnyh izmeneniyah. [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/society/20180927/1529430437.html> (дата обращения 17.12.2018)
5. Kakuyu pensiyu poluchayut deputaty Gosudarstvennoj Dumy [Электронный ресурс]. <http://duma.gov.ru/news/27517/> (дата обращения 14.01.2019)
6. Uroven' zhizni. Rosstat. [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/ (дата обращения 14.01.2018)

Сведения об авторах:

Садовникова Наталья Алексеевна — д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой статистики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, тел. +7 (499) 237–93–49.

117997, РФ, Москва, Стремянный переулок, д 36, кор. 3, ауд. 539

E-mail: Sadovnikova.NA@rea.ru

Natalia A. Sadovnikova — Doctor of Economics Sciences, professor, Head of the Department of Statistics, Plekhanov Russian University of Economics, tel. +7 (499) 237-93-49.

109240, Russia, Moscow, Stremyanny lane, d 36, box. 3, aud. 539

E-mail: Sadovnikova.NA@rea.ru

Махова Ольга Анатольевна — канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры статистики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, тел. +7 (499) 237-93-49.

117997, РФ, Москва, Стремянный переулок, д 36, кор. 3, ауд. 539

E-mail: Makhova.OA@rea.ru

Olga A. Makhova — Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Statistics, Plekhanov Russian University of Economics, tel. +7 (499) 237-93-49.

109240, Russia, Moscow, Stremyanny lane, d 36, box. 3, aud. 539

E-mail: Makhova.OA@rea.ru

**СИСТЕМНЫЕ
ПРОТИВОРЕЧИЯ
РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКИ И УСЛОВИЯ
ПЕРЕХОДА К НОВОЙ
МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ**
**SYSTEM CONTRADICTIONS
OF THE RUSSIAN ECONOMY
AND TERMS OF TRANSITION
TO A NEW MODEL
OF DEVELOPMENT**

А.В. СИДОРОВИЧ

Доктор экономических наук, заслуженный профессор МГУ, директор Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова

A.V. SIDOROVICH

Doctor in Economic Sciences, MSU Professor Emeritus, Director of Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University

АННОТАЦИЯ

В статье показано, что сложившиеся объективные тенденции развития экономики России свидетельствуют о том, что ее существующая модель

вступила в противоречия с потребностями дальнейшего развития экономики. Анализируются системные противоречия экономики, которые обнаруживались на посткризисном этапе развития. Особо обосновывается комплексный характер этих противоречий применительно к двум основным направлениям экономики: инвестиционному, который обеспечивает условия развития, и социально-экономическому, которое характеризует неравенства в модели российской экономики. Рассматриваются концепции выхода экономики из сложившихся противоречий. Анализируются условия формирования новой модели на принципах реальной модернизации. В качестве таких условий выдвинуто положение о необходимости новых принципов формирования новой стратегии экономики, целевые задачи которой будут заложены исходя необходимости разрешения основных противоречий экономики: ориентация капитала на национальные потребности, формирование солидарной экономики, новой индустриализация на принципах инновационности и занятости, провозглашение политического курса на формирование современной самодостаточной национальной экономики России.

ABSTRACT

The prevailing objective trends in the development of the Russian economy indicate that its existing model has come into conflict with the needs of further economy development. The systemic contradictions of the economy found at the post-crisis stage of development are analyzed. The complex nature of these contradictions in relation to two main areas of the economy is particularly justified: investment providing conditions for development, and socio-economic characterizing inequality in the model of the Russian economy. Concepts of the economy way out from the existing contradictions are considered. The conditions for the formation of a new model on the principles of real modernization are analyzed. The need for new principles for the formation of a new economic strategy is put forward on as such conditions. The targets of the new economic strategy will be based on the need to resolve the basic contra-

dictions of the economy: the capital orientation to national needs, the formation of a solidary economy, new industrialization on the principles of innovation and employment, the proclamation of a political course to modern self-sufficient national economy of Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Закономерности современной экономики, формальная и реальная модернизация, системное реформирование, условия формирования новой модели экономики России.

KEYWORDS

Patterns of the modern economy, formal and real modernization, systemic reforming, conditions for the formation of a new Russian economy model.

Развитие российской экономики на протяжении последних лет вызывает обоснованную обеспокоенность, хотя в последнее время и проявляется сдержанный оптимизм на фоне неуверенности в успешности перехода к устойчивому экономическому росту. Однако сложившаяся ситуация в российской экономике характеризуется, как правило, односторонне, без учета сложившихся долговременных тенденций. Если проанализировать показатели развития российской экономики за 2017 г. и оценки на 2018 г., то может создаться впечатление, что неблагоприятная тенденция российской экономики преодолевается. Однако для такого вывода, на наш взгляд, нет достаточных оснований. Если опираться на оценки одного из наиболее авторитетных центров экономического анализа — Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП)¹, то следует признать, что среднеквартальное зна-

¹ Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Режим доступа: <http://www.forecast.ru/>

чение показателей ВВП в третьем квартале 2018 г. было примерно на том же уровне, что и в четвертом квартале 2014 г. Инвестиции в основной капитал в этом же периоде не достигли уровня 2014 г. и составили всего 96,3% по значению к 2012 г. Еще большие опасения вызывает положение с реальными доходами населения, которые составили в ноябре 2018 г. 91,3% от среднемесячного значения 2012 г. Имеются и другие проявления неблагоприятной ситуации в экономике. Следует сделать вывод, что неблагоприятная динамика макроэкономических показателей в последние годы является одним из проявлений закономерностей, складывающихся в российской экономике во всем посткризисном периоде. Как видно из таблицы, основные показатели воспроизводства российской экономики свидетельствуют о том, что происходит консервация неблагоприятных тенденций и экономика находится в состоянии стагнации уже десятилетие. В последний период, 2014–2018 гг., когда показатели экономики ясно проявили тенденцию к снижению, общая закономерность лишь подтвердилась.

Как видно из таблицы, на фоне снижения темпов роста и объемов производства ВВП наиболее существенным следствием данных тенденций стало снижение реальных располагаемых доходов населения. Это не может не вызвать большую обеспокоенность в связи с последствиями такого изменения доходов для социальной и политической стабильности.

Длительная полоса неустойчивого развития с тенденцией к стагнации требует признать, что данные тенденции в российской экономике не случайны, а носят характер закономерности и являются результатом системных противоречий, в тисках которых она оказалась.

Показатели воспроизводства российской экономики в 2008–2017 гг., в % к предыдущему году¹

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ВВП	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,3	0,6	-3,7	-1,2	1,5
Промышленность	0,6	-10,7	7,3	5,0	3,4	0,4	1,7	-3,4	1,3	1,0
Розничная торговля	13,7	-5,1	6,5	7,1	6,3	3,9	2,7	-10,0	-4,6	1,2
Реальные располагаемые доходы населения	2,4	3,0	5,9	0,5	4,6	4,0	-0,7	-3,2	-5,8	-1,7
Неравенство в распределении доходов (коэф. фондов)	16,6	16,6	16,6	16,2	16,4	16,3	16,0	15,7	15,6	15,5
Коэффициент Джини	0,421	0,421	0,421	0,417	0,42	0,419	0,419	0,413	0,412	0,412
Доля неформального сектора в общей занятости	19,5	19,3	16,4	18,2	19,0	19,7	20,1	20,5	21,2	19,8
Инвестиции в основной капитал	9,5	-13,5	6,3	10,8	6,8	0,8	-1,5	-10,1	-0,2	4,2
Доля инвестиций в основную капитал в ВВП в %	21,4	20,9	20,6	20,7	20,9	21,2	20,5	19,6	20,8	21,2

¹ Таблица составлена по данным Федеральной службы государственной статистики.

Во-первых, это противоречия условий и источников развития, что проявилось в явно *недостаточных инвестиционных условиях для быстрого роста экономики*. Свидетельством этого является то, что доля инвестиций в основной капитал с 2001 г. фактически составляла в среднем чуть больше 20% от ВВП и колебалась в пределах 20–21% после 2008 года. При сохранении таких тенденций невозможно достигнуть экономического роста и тем более обеспечить устойчивый рост. Аналогичным образом вела себя и доля накопления в ВВП. Как известно, увеличение темпов роста и совершенствование экономики может произойти лишь при условии увеличения доли инвестиций в основной капитал не менее чем на 25–30%.

Сложившаяся тенденция в области инвестиций и накопления остро обнаруживает проблему явной недостаточности потенциала развития современной модели экономики. Как известно, источники инвестиций разделяются на внешние и внутренние. Хотя в российской экономике ясно проявилась тенденция поддержания устойчивости экономики путем обеспечения международных резервов на высоком уровне, однако она сопровождалась другими тенденциями, которые не только не стимулировали экономический рост, но и сдерживали его, что неизбежно подрывает возможности обеспечения устойчивости экономики. Среди факторов, сдерживающих инвестиционную активность, особо выделяется роль кредитно-денежной политики. Как показало развитие последних пяти лет, ориентация на жесткую кредитно-денежную политику, обеспечение снижения инфляции любой ценой, в том числе и за счет доходов населения, оказали явно отрицательное воздействие на экономический рост, высокие ключевые ставки Центрального банка привели к тому, что сложился разрыв между доходностью

реальных и финансовых активов при недостатке источников собственного финансирования. Другим существенным фактором, который повлиял на инвестиционную активность, стало фактическое прекращение доступа к внешним источникам накопления, которое было вызвано современными геополитическими условиями России, что нашло яркое выражение в системных санкциях, направленных на подрыв факторов дальнейшего развития российской экономики. Российская экономика столкнулась на зарубежных финансовых и товарных рынках с неизбежным удорожанием внешних ресурсов для развития. Среди неблагоприятных факторов, повлиявших на современное состояние экономики, оказалось и то, что в предыдущий период не были сделаны достаточные инвестиционные заделы в связи с политикой вывоза капитала и офшоризации. Хотя увеличение резервов в нормативных пределах является позитивным фактором, увеличение международных резервов с 2005 г. по 2017 г. более чем в 2,5 раза значительно превышало темпы роста валового продукта и в этом смысле являлось фактором, «оттягивающим» инвестиционные источники от внутреннего рынка. Согласно расчетам В. Катасонова [1], за два последних десятилетия суммарный чистый вывоз капитала составил 624,5 млрд долларов, в т.ч. 30% — это экспорт капитала банковским сектором. Негативным фактором, повлиявшим на уменьшение финансовых источников, стала офшоризация. По имеющимся оценкам Международного валютного фонда, в офшорах сосредоточено в средней мере 9,89% от общемирового ВВП. В российской экономике в офшорах «спрятано» более 45% ВВП. Для сравнения следует отметить, что в таких странах, как Китай, Индия, Иран, эта доля составляет 5%, а в США не достигает 9% [2].

Таким образом, характеристика изменения инвестиций и инвестиционных возможностей общества показывает, что сложившееся положение с возможностями развития является результатом комплекса противоречий российской экономики как на стороне собственно экономической политики, так и на стороне сложившихся воспроизводственных возможностей и внешних факторов.

Во-вторых, возможность развития и устойчивости общества также характеризуется *уровнем сложившегося неравенства в обществе*. Как показывает мировой опыт, страны с социально-ориентированной экономикой значительно легче адаптируются к внешним и внутренним шокам и имеют значительно более высокий уровень устойчивости. В этом отношении современная российская экономика не соответствует критериям устойчивого развития. Как видно из таблицы, весь комплекс показателей, характеризующих социально-экономическое положение населения за последние пять лет, обнаруживает серьезные противоречия, которые сложились в уровне денежных доходов и их неравенства, а также в характере занятости. Это находит выражение в отмеченном падении реальных располагаемых доходов населения, стабильно высоком уровне коэффициента Джини, высокой доле неформальной занятости. Попытки повысить доходы населения в конце 2017-го — начале 2018 г. за счет увеличения реальной заработной платы не привели к ожидаемым результатам — снижение реальных располагаемых доходов населения продолжалось. В результате, по оценкам ЦМАКП, не удалось переломить тенденцию к расползанию массовой бедности. Доля наиболее бедного населения («денег не хватает даже на еду») и бедного населения («денег хватает только на еду») суммарно стабилизировалось на

очень высоком уровне — 39%, для сравнения с 2014 г. — 19% [3]. Однако неравенство в доходах представляет собой лишь одну из его форм в обществе. Такое неравенство, как правило, сопряжено с еще большим неравенством распределения богатства и собственности, с существенными региональными различиями. Это имеет место и в России. Все эти факторы в совокупности постепенно расшатывают представления у населения об эффективности политики государства и тем самым подрывают основы социально-политической стабильности. Следует признать, что характер социально-экономического неравенства в российской экономике связан не просто с распределением денежных доходов, а имеет более серьезные основания, связанные как с экономической политикой, так и со структурой отношений по поводу собственности. Другими словами, с реальными чертами и принципами социальной модели национальной экономики России.

Противоречия российской экономики связаны не только с внутренними факторами развития. Национальная экономика России является составной частью мировой экономики, и, следовательно, процессы, происходящие в ней, прямо затрагивают ее экономические интересы и возможности развития. Эти факторы разноплановы. Часть из них является выражением общих закономерностей современного научно-технологического развития, другая — следствием геополитических сдвигов последних десятилетий.

В силу сложившихся особенностей переходного периода 90-х годов российская экономика оказалась в тисках серьезных структурных противоречий. Во-первых, становление новой национальной модели России с 2000 г. происходило в условиях, когда ранее накопленные производственный и научно-технический потенциалы были разрушены и обо-

рвались традиционные связи с новыми странами — бывшими союзными республиками, России пришлось в 2000-е годы фактически создавать новую структуру экономики в условиях несовершенства и становления новой экономической системы и ее институтов. Значение данного фактора нельзя недооценивать. Эта группа факторов во многом объясняет сложности задач, которые пришлось решать руководству страны.

Во-третьих, мировое развитие в конце XX — начале XXI века ясно обнаружило тенденцию к переходу экономики на новые принципы развития, которая получила разные названия: «новая экономика», «индустрия 4.0», «нооиндустриальная экономика» и др. Этот переход неизбежно связан с развитием новых технологических укладов, новой системы всех экономических связей и отношений. Он обостряет противоречия современного мира, ведет к нарастанию межгосударственных противоречий, порождает новые диспропорции между финансовым и реальным капиталом. Россия не может оставаться в стороне от этих процессов, и ей приходится решать исключительно сложную задачу — сочетание сложных задач трансформации с не менее сложными задачами адаптации российской экономики к новой экономике.

В-четвертых, посткризисный этап экономики совпал с обострением внешнеполитических отношений в развитии национальной экономики. Введение долговременных политических и экономических санкций против России неизбежно вызывает отрицательные последствия для экономического развития.

Таким образом, российская экономика в современных условиях оказалась в исключительно сложном положении в силу как внутренних, так и внешних факторов, которые

в совокупности не позволяют обеспечить устойчивый рост. В известном смысле существующее положение бросает исторический вызов России. Однако задержка с разрешением накопившихся противоречий, воспроизводство существующего положения в экономике грозят новыми отрицательными последствиями как внутри страны, так и международным позициям России.

Сложность экономического положения России и необходимость перехода к новому этапу развития уже вызвали острую полемику между различными направлениями экономической науки. В этой связи возникает вопрос, какие политико-экономические решения должны быть приняты и положены в основу новой политики.

Существующие подходы к определению путей перехода к новому этапу развития российской экономики разноплановы и исходят из различных *концептуальных подходов* к характеру и типу модели экономики России будущего. Прежде всего, следует выделить подход, который исходит из сохранения базовых принципов существующей модели экономики и на передний план выдвигает задачу институционального совершенствования экономики при переходе к новой стадии экономического развития или новой модели экономического роста [4, 5]. Как отмечают авторы данной позиции, «консервативный сценарий экономического развития, где главная роль отводится государству, предполагает значительные риски. Избежать этих рисков можно лишь при оживлении естественной экономической активности в рамках *сценария либерализма*» [6, с. 16]. Это утверждение дополняется положением, «что теперь лучший вариант политики... — переход к постепенному демократическому развитию, поэтапным экономическим реформам» [5].

Однотипный подход к социально-экономической политике России конкретизируется В. Мау [7]. Следует отметить, что автор справедливо отмечает, «что дальнейшее развитие невозможно без выработки ясной стратегии развития, опирающейся на реалистичную оценку сегодняшнего состояния дел».

Для сторонников данного подхода свойственно стремление уделять особое внимание совершенствованию институтов в широком смысле слова, имея в виду не только экономические, но и общественно-политические институты.

В.М. Полтерович подвергает острой критике мифологию, которые сопровождают такой подход. По его мнению, наиболее опасна мифологема «основная задача реформ — улучшить «„институты“»...» [8, с. 23]. Сторонники этого тезиса полагают, что «пока институты остаются плохими, бессмысленно заниматься стимулированием роста». При такой постановке реформа обречена на неудачу. Он справедливо отмечает, что решение перспективных вопросов развития невозможно в условиях постулирования заведомо ложных положений, таких как «роль государства в экономике следует снижать», «приватизация повышает эффективность производства», «для ускорения роста следует снижать инфляцию» [8, с. 23–24].

В.М. Полтерович делает вывод, что при определении перспектив развития российской экономики необходимо не только опираться на экономическую теорию в широком смысле слова, но и на опыт развития разных стран. При этом особое значение приобретает научное определение стратегии развития общества и проектирование совершенствования институтов с привлечением общественности.

Значительное число авторов связывают переход экономики России к новому этапу с таким вариантом развития, который

будет отражать новые запросы экономики XXI века. Фактически, по мнению авторов, речь идет об осознании принципиальных отличий «новой» экономики от «старой» экономики. В этой связи С. Бодруновым выдвигается позиция о том, что в современных условиях необходимо «изменение парадигмы социального и экономического развития» [9]. Условием такого перехода к нооиндустриальной экономике является устранение основной и глубинной причин деиндустриализации — доминирование финансовых капиталов России.

Необходимость новой индустриализации очевидна, по мнению многих авторов [10]. Под таким переходом понимается всестороннее преобразование и «возвращение утраченного статуса реального сектора экономики» на новых принципах при восстановлении ряда отраслей, которые ранее формировали каркас индустриальной экономики. Некоторые авторы исходят из необходимости выделения основного звена преобразований, который, по их мнению, связан с восстановлением машиностроения и обрабатывающей промышленности. Для этого необходимо совершить «крутой народно-хозяйственный маневр», который связан со значительным повышением уровня рентабельности в обрабатывающей промышленности. Этот подход, по мнению авторов, предполагает значительное повышение роли государства и его ориентацию на новую индустриализацию [11].

Подход С. Бодрунова и В. Рязанова во многом смыкаются с позицией С. Глазьева, который последовательно ставит вопрос о переходе к новым технологическим укладам и особое внимание уделяет роли денежно-кредитной политики Центрального банка России.

Более широкий и радикальный вывод делает К. Микульский Им обосновывается положение, что развитие рос-

сийской экономики блокируется сложившейся в России экономической системой, противодействующей модернизации [12].

Эти и другие подходы неизбежно выдвигают вопрос о том, как осуществить переход к новому этапу развития. Является ли этот переход новым вариантом модернизации российской экономики или это задача выходит за пределы модернизационного подхода?

Необходимость модернизации общества стала привычным штампом во многих странах, которые стремятся к преобразованиям. Приводятся многочисленные примеры удачных и неудачных модернизаций, под которыми, как правило, понимается переход к новым технологическим укладам, крупным политическим преобразованиям и изменениям различных сторон общества. Особенно настойчиво звучит призыв к модернизации в условиях перехода к новому технологическому укладу, формированию цифровой экономики и новой промышленной революции. Модернизационные преобразования имеют и страновую специфику. Фактически каждая страна прошла качественные изменения в своем развитии, которые носят модернизационный характер, или, другими словами, эти изменения преобразуют общество и переводят его на новую траекторию развития.

Содержание модернизации по определению связано с прогрессивностью изменений. Если в результате провозглашенной властями «модернизации» наступает регресс общества, замедление темпов его развития, разрушаются традиционные источники роста и не создаются новые, то это псевдомодернизация, несмотря на политические обещания.

В теории модернизации общепризнано положение, что любая модернизация обречена на провал, если она осу-

ществляется некомплексно — когда упор делается на политической стороне. Неудачи попытки модернизации, провозглашенной Д. Медведевым, как раз состояли в том, что институциональные преобразования значительно отстали от экономических намерений. Из российской истории известны и другие примеры неудач кардинального реформирования.

Еще одна закономерность трансформации: сложность преобразований требует наличия авторитетной государственной власти. Только на первый взгляд может показаться, что сама по себе «модернизация снизу» ведет к успеху, а совершенствование институтов демократии в условиях неустойчивости общества может ускорить модернизацию. Опыт модернизации Японии с 1950-х по 1980-е годы, опыт Южной Кореи, Малайзии, Сингапура и других стран показывает, что модернизация страны переходит на новую траекторию развития, если осуществлялась при наличии сильной государственной власти. Иногда процессы модернизации характеризуют как форму догоняющего развития. При этом следует учитывать большие опасности такого варианта развития в условиях неопределенности. Эта неопределенность и нестабильность была и остается в российской экономике и связана со сложностью структурных преобразований, структурой экономики и большой инерционностью прежней системы.

Модернизация — это не просто догоняющее развитие, а создание современной экономической системы, которая по определению должна быть эффективной и жизнеспособной. Проведение не формальной, а **реальной модернизации** должно стать задачей преобразований в современной России. Для этого она должна быть системной и опираться на ряд базовых условий и принципов.

Важное условие успеха преобразований — ориентация любых действий на развитие национальной экономики и, как следствие, *недопустимость превалирования частных интересов бизнеса над национальными*. В условиях международного движения капитала субъекты экономики, работающие на международных рынках, как правило, всегда могут найти возможности для получения сверхдоходов за пределами страны. Поэтому автоматическое включение бизнеса в реальный сектор российской экономики маловероятно и требуется сочетание прямых и косвенных административных и рыночных методов «принуждения» капитала работать на интересы национальной экономики.

Интересы капитала, тесно вовлеченного в глобальный финансовый капитал, как правило, противоположны национальным интересам. Область интересов такого капитала — «весь мир». Такой капитал не приспособлен к реальной модернизации, которая должна быть ориентирована на новую индустриализацию и направлена на создание солидарного общества.

Недооценка концепции национальной экономики в итоге ведет к подрыву национального экономического и политического суверенитета страны, и в условиях хищнической глобализации страна оказывается беззащитной перед международными финансовыми структурами. Это ведет к воспроизводству спекулятивно-рентного подхода в экономике страны и вытеснению реальной предпринимательской деятельности. Одна из коренных причин жестких санкций против России состоит именно в этом — переход к этапу независимого устойчивого развития реально противостоит интересам глобального финансового капитала.

Еще одно условие, вытекающее из сказанного выше. В теории модернизации давно обращено внимание на то, что залогом ее успешного осуществления является *непременный учет цивилизационных основ общества, глубинных социокультурных факторов*, которые на практике действуют как его неформальные институты. Диалектика становления государственности и развитие собственных цивилизационных основ особенно сложны в современных условиях, когда в развитых странах сформировались общество потребления и «единые стандарты» жизни. Воздействие универсального подхода к развитию свидетельствует о том, что идет формирование некой субкультуры потребления, досуга и даже миропонимания среди молодежи в условиях информационного общества. Исследователи модернизации предупреждали, что может произойти «цивилизационная дезориентация» народа и развитие модернизации может осуществляться по принципу «вестернизации». Единственная возможность противостоять этому — это соединить модернизацию с использованием и воспроизводством потенциала цивилизационных основ общества, а также других социокультурных факторов, которые сформировались в ходе многовековой истории народа.

Важнейшее условие перехода к новой модели экономики — необходимость ясного определения *общенациональной стратегии этапа реальной модернизации*. Особое значение здесь имеет не только определение целей стратегического развития на основе учета реального состояния экономики, но и недопущение абсолютизации стратегических подходов сторонниками того или иного направления. С точки зрения процедуры разработки стратегии здесь важен альтернативный подход к разработке стратегии и признание таких вари-

антов равнозначными при окончательном формировании стратегии России. Как показывает опыт уточнения «Стратегии 2020», «привязка» разработки стратегии к правительству неизбежно порождает варианты и выводы стратегии, которая является фактически модифицированным вариантом действий существующего правительства.

Еще одно условие разработки стратегии: целевая задача разработки новой модели экономики России должна быть ясно ориентирована на разрешение системы противоречий, в которых развивается Россия. Формальная модернизация означала бы регресс, а не развитие общества.

Одна из целевых задач успешности стратегии — это ликвидация отрыва элит общества и населения страны. Сила частных материальных интересов неизбежно толкает элиты на рост благосостояния в ущерб благосостоянию населения. Эту проблему нельзя решить только путем перераспределения доходов, хотя введение прогрессивной шкалы налогообложения имело бы больший общественно-политический эффект. Формирование новой целевой ориентации на принципах солидарного общества должно быть одной из целевых установок в реализации новой стратегии государства. С точки зрения национального воспроизводства это означает, что приоритетными становятся не перераспределенческие действия финансового типа, а создание условий для зарабатывания средств населением во всех регионах России, создание реального внутреннего рынка товаров и услуг, произведенных внутри страны. Самодостаточная российская экономика способна совершить такой экономический маневр и значительную часть инвестиций ориентировать на новую трудоемкую индустриализацию. В случае отсутствия внутреннего рынка любые инновационные действия и меры

по развитию экономики неизбежно будут наталкиваться на ограничение собственной национальной экономики.

Система противоречий в российской экономике, неизбежно порождающая различные концепции преобразований у исследователей и практиков, требует, прежде всего, умения участников экономических и политических дискуссий услышать друг друга с позиции принципа реалистичной оценки существующего положения национальной экономики и на основе «положительного» синтеза различных теоретических и практических подходов искать конструктивное решение.

Переход к новому этапу российской экономики неизбежен. Для перехода к этой модели необходимо осознать невозможность дальнейшего развития на принципах старой модели, определить стратегию развития, исходя из новых задач, решения которых позволят дать новые импульсы российской экономике.

Библиографический список

1. Катасонов В. Кремлю не удалось победить офшоры. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kramola.info/vesti/novosti/kremlyu-ne-udalos-pobedit-ofshory> (дата обращения: 25.01.2019)
2. Вольная экономика в цифрах. Сколько ВВП спрятано в офшорах // Вольная экономика. — Октябрь-ноябрь 2018. — С. 11
3. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.forecast.ru>
4. Ясин Е., Акиндинова Н, Яковсон Л., Яковлев А. Состоится ли новая модель экономического роста в России? // Вопросы экономики. — 2013. — № 5. — С. 4–40.
5. Ясин Е. Развитие постсоветской экономики: из прошлого в будущее // Вопросы экономики. — 2017. — № 6.

6. Акиндинова Н., Кузьминов Я., Ясин Е. Российская экономика на повороте // Вопросы экономики. — 2014. — № 6.
7. Мау В. На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017–2019 гг. // Вопросы экономики. — 2018. — № 3. — С. 5–25.
8. Полтерович В., Дмитриев М., Яковлев А., Гурвич Е., Аузан А. Судьба экономических программ и реформ в России (Круглый стол в рамках XVIII Апрельской Международной научной конференции НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. — 2017. — № 6. — С. 23.
9. Бодрунов С. Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала // Экономическое возрождение России. — 2018. — № 4. — С. 8–12.
10. Рязанов А. (Не)Реальный капитализм. М.: Экономика, 2016.
11. Князев Ю. Перспективы российской экономики: шанс на ускорение // Общество и экономика. — 2014. — № 2–3.
12. Миккульский К. Россия в поисках экономического роста // Общество и экономика. — 2017. — № 3–4.

List of References

1. Katasonov V. Kremlyu ne udalos' pobedit' ofshory. [Elektronnyi resurs]. — URL: <https://www.kramola.info/vesti/novosti/kremlyu-ne-udalos-pobedit-ofshory> (data obrashcheniya: 25.01.2019)
2. Vol'naya ekonomika v tsifrakh. Skol'ko VVP spryatano v ofshorakh // Vol'naya ekonomika. — Oktyabr'-noyabr' 2018. — С. 11
3. Tsentr makroekonomicheskogo analiza i kratkosrochnogo prognozirovaniya. [Elektronnyi resurs]. — URL: <http://www.forecast.ru>
4. Yasin E., Akindinova N, Yakobson L., Yakovlev A. Sostoitsya li novaya model' ekonomicheskogo rosta v Rossii? // Voprosy ekonomiki. — 2013. — №5. — С.4–40.
5. Yasin E. Razvitie postsovetsoi ekonomiki: iz proshlogo v budushchee // Voprosy ekonomiki. — 2017. — №6.

6. Akindinova N., Kuz'minov Ya., Yasin E. Rossiiskaya ekonomika na povorote // *Voprosy ekonomiki*. — 2014. — №6.
7. Mau V. Na iskhode global'nogo krizisa: ekonomicheskie zadachi 2017–2019 gg. // *Voprosy ekonomiki*. — 2018. — №3. — S. 5–25.
8. Polterovich V., Dmitriev M., Yakovlev A., Gurvich E, Auzan A. Sud'ba ekonomicheskikh programm i reform v Rossii (Kruglyi stol v ramkakh XVIII Aprel'skoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii NIU VShE) // *Voprosy ekonomiki*. — 2017. — №6. — S. 23.
9. Bodrunov S. Nooindustrial'nyi perekhod: rol' finansovogo kapitala // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. — 2018. — №4. — S.8–12.
10. Ryazanov A. (Ne)Real'nyi kapitalizm. M.: Ekonomika, 2016.
11. Knyazev Yu. Perspektivy rossiiskoi ekonomiki: shans na uskorenie // *Obshchestvo i ekonomika*. — 2014. — №2–3.
12. Mikul'skii K. Rossiya v poiskakh ekonomicheskogo rosta // *Obshchestvo i ekonomika*. — 2017. — №3–4

Контактная информация:

Сидорович А.В. 119261, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 72/2, кв. 190.

Казахстанский филиал МГУ имени М.В.Ломоносова, 010010, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Кажымукана, 11.

avsidorovich@rambler.ru

Sidorovich A. V. 119261, Russia, Moscow, Leninskiy pr., 72/2, 190.

Kazakhstan Branch of Lomonosov MSU, 010010, Republic of Kazakhstan, Astana, ul. Kazymukana, 11.

avsidorovich@rambler.ru

СТРАТЕГИЯ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ КАК УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

STRATEGY OF PENSION REFORM AS CONDITION OF MODERNIZATION OF ECONOMY OF RUSSIA

А.К. СОЛОВЬЕВ

Доктор экономических наук, профессор Финансового университета, заслуженный экономист России, начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования Пенсионного фонда Российской Федерации

A.C. SOLOVEV

Doctor of economics, professor honored economist of Russia head of the Department of actuarial and strategic planning Pension fund of the Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Реформа российской пенсионной системы, направленная на ее адаптацию к рыночным отношениям в экономике, основана на страховых принципах формирования пенсионных прав граждан. Реализация

страховых принципов, как показывает практика развитых стран, позволяет обеспечить достойный уровень жизни всех категорий пенсионеров, с одной стороны, и объективные финансовые условия долгосрочной бюджетной сбалансированности пенсионной системы в целом, с другой. Однако в России страховая пенсионная реформа за исторический период ее внедрения не реализована в полном объеме.

ABSTRACT

The reform of the Russian pension system directed to its adaptation to the market relations in economy is based on the insurance principles of formation of the pension rights of citizens. Realization of the insurance principles as practice of the developed countries shows, allows to provide the worthy standard of living of all categories of pensioners, on the one hand, and objective financial conditions of long-term budgetary balance of the pension system in general, with another. However, in Russia insurance pension reform for the historical period of its introduction is not implemented in full.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Стратегия развития пенсионной системы, актуарный прогноз развития пенсионной системы, пенсионная реформа, дефицит бюджета ПФР, старение населения.

KEYWORDS

Strategy of development for the pension system, actuarial forecast of development of the pension system, pension reform, budget deficit of RPF, aging of the population.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Страховая пенсия представляет собой денежную выплату, предназначенную для материального обеспечения человека, утратившего источники дохода по причине старости, инвалидности или потери кормильца. В этом выражает-

ся социально-правовая сущность пенсии. Экономическая сущность страховой пенсии заключается в том, что размер материального обеспечения пенсионера (страховых обязательств) должен непосредственно зависеть от накопленных застрахованным лицом за трудоспособный период жизни страховых пенсионных прав. В этом проявляется базовый институциональный принцип страховой пенсионной системы: эквивалентность пенсионных прав застрахованного лица и пенсионных обязательств страховщика.

В условиях рыночной экономики реализация этого принципа непосредственно зависит от общественно-политического строя, который определяет систему социально-трудовых отношений работника и работодателя. Эффективно функционирующая система пенсионного обеспечения в составе консолидированного бюджета учитывает макроэкономические и демографические факторы, определяющие условия ее долгосрочного устойчивого развития.

Проводимая в России страховая пенсионная реформа направлена на создание адекватных экономических механизмов, обеспечивающих наиболее эффективное выполнение институциональных функций государственной пенсионной системы.

Таким образом, обязательное пенсионное страхование — это система создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица), получаемого ими до установления обязательного страхового обеспечения.

Порядок формирования и выполнения страховщиками функций по пенсионным накоплениям и инвестированию средств, условия передачи пенсионных накоплений, уплаты

страховых взносов на накопительную пенсию в НПФ, а также ограничения фондами их полномочий страховщика и др. функций установлены законом «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в РФ» и нормативными актами государственного регулятора (ЦБР).

Страховым риском в системе обязательного пенсионного страхования рассматривается утрата застрахованным лицом заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица) или другого дохода в связи с наступлением страхового случая — пенсионного возраста, инвалидности или потери кормильца. Обязательным страховым обеспечением являются: страховая и накопительная пенсии по старости, страховая и накопительная пенсии по инвалидности, страховая пенсия по случаю потери кормильца.

Перед пенсионной реформой России стоит двуединая задача с взаимодополняющими целями:

1. Повышение размеров всех видов пенсионного обеспечения до принятых на международном уровне стандартов.
2. Обеспечение долгосрочной устойчивости всей пенсионной системы.

Эта задача имеет решение, по своей сути, единственное и безальтернативное в условиях рыночных трудовых отношений: пенсионная реформа должна быть ориентирована на страховые принципы, которые обеспечивают адаптацию интересов всех участников пенсионной системы России (работников — работодателей — страховщиков) к страховым экономическим отношениям [1].

В процессе разработки правительственной долгосрочной Стратегии развития страны (до 2035 г.) пенсионная реформа

рассматривается как главный экономический резерв, который обеспечит дополнительные ресурсы для модернизации страны. Однако данный резерв ограничен необходимостью реализации государственных гарантий сохранности накопленных государственных пенсионных обязательств перед нынешними и будущими пенсионерами.

При этом нельзя забывать, что источники финансового обеспечения этих обязательств в долгосрочной перспективе подвергаются другому — демографическому — риску по причине, с одной стороны, ускоряющегося развития демографического кризиса, отягощенного национальными особенностями, а с другой стороны, — циклических глобальных финансовых кризисов. Страховые принципы пенсионного обеспечения радикально отличаются от «нестраховых», которые обычно ассоциируются с советской системой материального обеспечения пенсионеров.

Мировая практика, включая страны бывшего СССР, многократно подтвердила безальтернативность и эффективность страхового механизма развития обязательного пенсионного обеспечения в условиях развитых рыночных отношениях. Поскольку только взаимовыгодные страховые принципы функционирования пенсионной системы создают объективные условия для всех участников пенсионной системы по созданию непосредственно экономической заинтересованности и выполнения соответствующих обязательств перед каждым участником пенсионной системы. Только экономическая заинтересованность каждого участника пенсионной системы (застрахованного лица — работника, страхователя-работодателя и страховщика) обеспечивают долгосрочную финансовую устойчивость пенсионной системы, гарантирует ее авто-

номность и независимость от политической и социальной конъюнктуры в государстве [2].

Другой проблемой тарифно-пенсионной политики традиционно является альтернатива между социальной справедливостью получателей трудовых пенсий и «социальным обременением бизнеса». Причина этого противоречия кроется в том, что до сих пор пенсионная система обязательного страхования, несмотря на рыночные декларации, сохраняет многочисленные элементы распределительного механизма.

Экономическая сущность нового этапа пенсионной реформы наиболее полно выражается в базовом страховом правиле: пенсионные обязательства перед каждым застрахованным лицом должны быть адекватны его накопленным пенсионным правам за весь трудовой (точнее, трудоспособный) период жизни. Однако обе составляющие указанного равенства не могут быть произвольными — социальное государство обязано гарантировать и осуществлять контроль за реализацией конкретных количественных параметров указанных пенсионных обязательств и создавать необходимые условия для их формирования как работодателем, так и его работником. Рассмотрим основные требования к данным параметрам:

- размер страховой пенсии — должен не только компенсировать определенную часть утраченного заработка (согласно общепринятым в цивилизованном мировом сообществе — не ниже 40% среднего заработка застрахованного лица, индивидуальный коэффициент замещения — ИКЗ), подсчитанного за весь период страхования либо за достаточно продолжительный период времени (10–15 лет) перед пенсией), но и соответствовать величине минимального по-

требительского бюджета пенсионера (2,5–3 прожиточных минимума пенсионера) [3];

- размер тарифа страховых взносов по государственному обязательному пенсионному страхованию — должен быть, с одной стороны, достаточен для формирования вышеуказанных размеров трудовой пенсии, а с другой стороны, должен быть соизмерен с уровнем общеналоговой нагрузки пенсионной системы как на конкретного работодателя, так и на экономику страны в целом.

Для достижения достаточно противоречивых стратегических целей должна быть осуществлена модернизация тарифной политики, принятой в период пенсионной реформы 2002 года.

В этой связи перед пенсионной системой России поставлена задача, по сути, с взаимоисключающими целями:

- доведение размеров всех видов пенсионного обеспечения до международно признанных стандартов;
- обеспечение минимального уровня государственных пенсионных гарантий;
- обеспечение долгосрочной устойчивости всей пенсионной системы;
- повышение заинтересованности личного участия застрахованных лиц в формировании пенсионных прав.

Основу финансовой системы обязательного пенсионного страхования составляют средства бюджета ПФР. Финансирование выплаты указанных видов страховых пенсий осуществляется за счет страховых средств, поступающих непосредственно в бюджет ПФР, а в части недостатка страховых средств на выплату текущих пенсионных обязательств — за счет безвозмездных трансферов федерального бюджета на соответствующие виды выплат.

Объектом пенсионного страхования (начисления взносов) является заработок застрахованного лица в пределах установленной базы для начисления тарифов (пределный уровень этой базы повышается до 2,3 от среднестатистической зарплаты в текущем бюджетном периоде). Сумма страховых отчислений в солидарную часть бюджета ПФР направляются непосредственно на финансирование текущих пенсий (государственных пенсионных обязательств), а их номинально-условный эквивалент в полном объеме адекватно отражается на индивидуальном лицевом счете каждого застрахованного лица.

2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ РОССИИ

В мировой практике критериями эффективности государственной пенсионной системы общепризнаны:

- достойный (относительно утраченного заработка, но не ниже прожиточного минимума) размер страховой пенсии и
- финансовая обеспеченность принятых государственных обязательств (долгосрочная устойчивость) в течение всего пенсионного цикла

За период рыночных преобразований отечественная пенсионная система апробировала практически все методы государственного регулирования как процесса формирования пенсионных прав работников, так и процесса выполнения государством принятых пенсионных обязательств. Так, в частности, на первых шагах рыночных преобразований государственного пенсионного обеспечения в 1990-е годы главным объектом реформирования стала тарифная поли-

тика, с одной стороны, и условия назначения трудовой пенсии — с другой.

Для достижения этих целей наряду с другими мерами предусматривается постепенное повышение пенсионного возраста. Для этого начиная с 2019 года при назначении страховой пенсии по старости на общих основаниях поэтапно, с шагом в один год, повышается нормативный пенсионный возраст для мужчин с 60 до 65 лет и для женщин с 55 до 60 лет (с переходным периодом на 5 лет). Однако пенсионерам, имеющим страховой стаж не менее 42 и 37 лет (соответственно мужчины и женщины), предоставляются льготы по снижению на 2 года возраста выхода на страховую пенсию по старости, но во всех случаях, включая переходный период, не ранее достижения возраста 60 лет мужчинами и 55 лет женщинами. При исчислении указанного стажа учитываются только периоды работы и периоды получения пособия по обязательному страхованию в период временной нетрудоспособности, а иные «нестраховые» периоды, такие как военная служба по призыву, периоды безработицы и т.д., в данный стаж не засчитываются.

В целях адаптации граждан к изменениям условий пенсионного обеспечения предоставлена льгота в виде снижения на 6 месяцев повышения пенсионного возраста гражданам, которые достигнут в 2019–2020 годах пенсионного возраста, установленного законодательством Российской Федерации по состоянию на 31 декабря 2018 года.

Повышение пенсионного возраста коснется также граждан, не участвовавших в формировании своих пенсионных прав. Изменения коснутся возраста, с которого назначается социальная пенсия по старости лицам, не приобретшим права на назначение страховой пенсии, поэтапно, с шагом

в один год, возраст повысится для мужчин с 65 до 70 лет и для женщин — с 60 до 65 лет.

Следует особо отметить, что повышение пенсионного возраста не затрагивает государственные обязательства по срокам выплаты накопительной пенсии. Так, работникам, имеющим пенсионные накопления, накопительная пенсия будет выплачиваться при достижении 55 и 60 лет (женщины и мужчины соответственно).

С учетом повышения пенсионного возраста важным фактором смягчения негативных последствий и гарантии поддержки социальных приоритетов над экономическими является ратификация Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (№ 102¹), которая содержит обязательства государства по соблюдению международно принятых норм социальной защиты (40% среднего заработка).

Пенсионный возраст должен обуславливаться не критерием экономии средств, а исключительно — ростом размера страховой пенсии, поскольку возраст назначения страховой пенсии играет системообразующую роль в государственной пенсионной программе, и его внутрисистемные изменения ограничены институциональными факторами, обусловленными страховыми принципами.

В зарубежной практике сформировалось три направления реформирования государственных пенсионных систем:

1. Сохранение классической распределительной системы с использованием «параметрического подхода», т. е. с коррекцией ее отдельных параметров.

---

¹ Федеральный закон от 3 октября 2018 года № 349-ФЗ «О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102)».

2. Комбинирование солидарно-распределительной системы с накопительными элементами.

3. Отказ от солидарной модели формирования пенсионных прав для вновь вступающих в трудовую деятельность поколений работников и переход на накопительную пенсионную модель с передачей прав управления пенсионными средствами негосударственным пенсионным фондам, управляющим компаниям и страховым организациям. Радикальность реформы усиливается тем, что вновь вступающим на рынок труда работникам безальтернативно предлагается только накопительная система.

Актuarные расчеты показывают, что риски накопительного компонента с учетом повышенных расходов на его администрирование (организация уплаты взносов, учета индивидуально-накопленных пенсионных прав), эффективное инвестирование и — главное — долгосрочное сохранение пенсионного капитала несопоставимо выше, чем в солидарно-распределительной пенсионной системе.

Для этих показателей в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации (до 2030 года), являющейся на сегодняшний день главным стратегическим документом по пенсионной реформе, предусмотрены целевые ориентиры:

- обеспечение коэффициента замещения трудовой пенсией по старости до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате;
- обеспечение среднего размера трудовой пенсии по старости не менее 2,5–3 ПМП;
- продолжительность стажа, при которой размер накопительной пенсии достигнет необходимого для решения

задач пенсионной системы коэффициента замещения и соотношения с ПМП;

- соотношение доходности пенсионных накоплений с величиной индексации страховой пенсии;
- соотношение накопительной и страховой пенсий в сравнении с соотношением тарифов страховых взносов на указанные пенсии.

Актuarный анализ результатов пенсионной реформы позволил обосновать основные причины неэффективности параметрических преобразований самой пенсионной системы без учета ее взаимодействия с внешними макроэкономическими и демографическими факторами (включая односторонний учет воздействия внешних факторов на отдельные сегменты пенсионной системы без учета синергетических последствий и обратного влияния пенсионной системы на макроэкономику и демографию (на примере повышения пенсионного возраста и внедрения накопительной пенсии)).

Главный целевой ориентир пенсионной реформы — повышение уровня жизни пенсионеров до международно-признанных минимальных стандартов — соотношение страховой пенсии по старости с прожиточным минимумом — до 2,5–3,0 ПМП — может быть достигнут только для лиц с зарплатой, составляющей 2,0 и более среднемесячных начисленных зарплат в экономике. Для застрахованных лиц с зарплатой ниже средней в экономике пенсия ни при каких условиях (снижение инфляции, увеличение продолжительности трудового стажа и др.) не достигнет 2,5 ПМП [4].

Суммарный объем пенсионных накоплений превышает 3,6% ВВП. Для сравнения отметим, что расходы на выплату страховой пенсии (включая фиксированную выплату) около 7% ВВП. Таким образом, суммарный объем пенсионных

накоплений составлял 52% от годового объема расходов на страховые пенсии, в то время как суммы пенсионных выплат из накопительного компонента незначительны. При этом абсолютное большинство их выплачивается не в виде пенсии, а в единовременной форме. Средний размер единовременной выплаты средств пенсионных накоплений составлял 10 тыс. руб. (для лиц, получающих страховую пенсию по инвалидности и СПК или пенсию по государственному пенсионному обеспечению), второй единовременной выплаты средств пенсионных накоплений (лицам, имеющим право на страховую пенсию по старости, если накопительная пенсия составит менее 5%) — 22,5 тыс. руб. Средние размеры срочной и пожизненной (которая и носит название накопительной) пенсионных выплат составляли соответственно 1,1 тыс. руб. и 0,78 тыс. руб., на 2017 — 1,1 тыс. руб. и 0,8 руб.

Доля срочной пенсионной выплаты в общей сумме пенсионных выплат из системы обязательного пенсионного страхования составляет для всех ее получателей не более 8%, а для новых назначений — 12%. Удельный вес накопительной пенсии в среднем размере пенсии ее получателей составляет 7%, а для новых назначений еще меньше — 5,8%

Таким образом, за весь период формирования накопительной пенсии, который охватывает почти половину среднестатистического стажа получателей пенсии по старости, из которых 12 лет характеризовались уплатой взносов и их инвестированием, а последние годы прирастали исключительно за счет инвестирования ранее уплаченных взносов, накопительная пенсия (для тех, кто может ее получать именно в виде пенсии) в среднем не превышает 7% от общей суммы выплат по обязательному пенсионному страхованию.

Наиболее наглядный пример неэффективности накопительной модели дает критерий уровня жизни пенсионеров, который предлагается измерять «вкладом» накопительной пенсии в общую сумму страховой пенсии, с одной стороны и с другой, — соотношением с соответствующих тарифов на накопление к общему тарифу, накопительная пенсия должна составить не менее 17,1% от общей пенсии, сформированной за этот же период

С учетом того, что накопительные права формируются только с 2002 г. (при среднем стаже в 34 года и тарифе), получается, что накопительная пенсия должна составлять для новых назначений не менее 6,7% общего размера пенсии по старости в 2017 г., тогда как, по отчетным данным на ту же дату, она на 0,9 п.п. ниже.

Для оценки эффективности госгарантии номинала взносов расчеты для гипотетического застрахованного лица при тех же допусках по тарифу и стажу и постоянной зарплате на уровне средней в экономике застрахованное лицо получит накопительную пенсию в размере всего 4,3% своей зарплаты, тогда как отложенный заработок должен обеспечивать пенсию в размере не менее 9%, т. е. гарантируемый размер накопительной пенсии в два раза ниже величины отложенного заработка.

В международной практике наиболее наглядным критерием оценки эффективности пенсионной системы в целом и накопительной пенсии, в частности, применяется коэффициент замещения. В данном контексте вместо солидарного применяется индивидуальный коэффициент замещения, который учитывает соответствие уровня накоплений отложенной части застрахованного заработка.

Учитывая высокий уровень дифференциации доходов работников, представляет практический интерес актуарная

оценка эффективности пенсионных накоплений работников с наиболее типичными размерами заработка. Для этого рассмотрены условия формирования накопительной пенсии в размере ежегодно уплачиваемого тарифа — 6% зарплаты, что на 4 п.п. ниже, чем эквивалент отложенной зарплаты, и на 10 п.п. ниже, чем целевой коэффициент замещения страховой пенсии застрахованных лиц с зарплатой на протяжении всего стажа, равной: 1 МРОТ (минимальный размер оплаты труда); 1 ПМТ (прожиточный минимум трудоспособного населения); 2 средних зарплаты в экономике (СЗП); 4 СЗП (выше предельно облагаемого заработка).

При доходности по темпу роста зарплаты для формирования его накопительной пенсии в размере 6% собственной зарплаты потребуется:

- 20–23 года трудового стажа для работников, чья зарплата не выше верхней границы облагаемого взносами дохода (МРОТ, ПМТ, СЗП, 2 СЗП) в нормальных условиях труда;
- 25–28 лет стажа для работников, занятым по Списку № 2 (с учетом продолжительности выплаты пенсии на 5 лет дольше);
- 30–34 года стажа для работников, занятым по Списку № 1 (с учетом продолжительности выплаты пенсии на 10 лет дольше).

Расчеты показывают, что работникам, чья зарплата превышает установленный «потолок», с части дохода которых взносы по индивидуальному тарифу не взимаются ни на накопление, ни на страховую пенсию (в рассматриваемых расчетах это зарплата, равная 4,0 СЗП), даже при доходности пенсионных накоплений по росту зарплаты, потребуется стаж 39 лет в нормальных условиях. При зарплате, равной

размеру ПМТ, который увеличивается в прогнозном периоде в 3–3,5 раза медленнее, чем МРОТ, при доходности от инвестирования по темпам инфляции, для накопления пенсии в размере 6% собственной зарплаты необходим стаж 25 лет в обычных условиях труда.

Для работника, зарплата которого на уровне 2,0 СЗП, для получения 6% своей зарплаты в качестве накопительной пенсии, что составит 12% СЗП, при доходности от инвестирования, равной темпам инфляции, потребуется соответственно при занятости в обычных условиях труда 30 лет стажа [5].

3. ПОВЫШЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В качестве главного аргумента повышения пенсионного возраста используется показатель роста продолжительности жизни и соответственно — количества пенсионеров, которые становятся «непосильной нагрузкой на экономику — на бизнес и госбюджет».

При этом акцент делается на повышение пенсионного возраста, проведенное в странах Запада в ответ на «демографический кризис». При этом не учитывается, для повышения пенсионного возраста практически во всех странах ОЭСР, в отличие от России, есть существенный резерв: в большинстве из них ожидаемая продолжительность жизни при рождении для мужчин существенно превышает 70 лет, женщин — выше 80 лет.

В России же такого демографического резерва нет: ожидаемая продолжительность жизни у нас составляет 62 и 74 года соответственно. При достижении возраста 65 лет ожидаемая продолжительность жизни в странах

ОЭСР для мужчин составляет 13–18 лет, женщин — 18–22 года. В России у мужчин она в 60 лет ниже, чем во всех странах ОЭСР в 65 лет. Более того, из числа мужчин, которым в настоящее время 20 лет, до 60 лет доживут 60,8 процентов (т. е. умрут 39,2 процентов), и в течение последующих 5 лет из оставшихся 60-летних мужчин умрут еще 18 процентов. Из 20-летних женщин до 60 лет доживут 85,6 процентов (т. е. умрут 15,5 процентов), и в течение последующих 5 лет из оставшихся 60-летних женщин умрут еще 7 процентов.

В настоящее время уровень занятости в возрастных группах, подпадающих под повышение пенсионного возраста, варьируется в пределах от 62 до 28% у женщин и от 58 до 49% у мужчин, понижаясь с возрастом. Увеличение его до 68,9% (для женщин) и 65,5% (для мужчин) даст прибавку соответственно на 5,9–39,7 п.п. и на 7,5–22,6 п.п. В наибольшей степени уровень занятости вырастет в старших возрастных группах, близких к новому пенсионному возрасту, в наименьшей — в группах, отстоящих от нынешнего общеустановленного пенсионного возраста на 1–3 года. Более того, учитывая резко возрастающий после достижения нынешнего пенсионного возраста уровень инвалидизации, вероятнее, что уровень занятости и, соответственно, увеличение численности работающих в возрастных группах, подпавших под повышение пенсионного возраста, будет ниже, чем прогнозируется в моделируемых вариантах.

При повышении пенсионного возраста необходимо учитывать все влияющие факторы и риски, просчитав с их учетом возможные последствия: демографические; макроэкономические; социальные (в том числе медицинские); трудовые и собственно пенсионные. Поэтому демографические условия в России не могут служить единственным ос-

нованием повышения пенсионного возраста. Пенсионный возраст является интегральным параметром страховой пенсионной системы, поскольку зависит как от параметрических характеристик самой государственной пенсионной программы, которая определяет условия и ограничения для формирования пенсионных прав каждой категории застрахованных лиц, так и от институциональных факторов развития пенсионного обеспечения в стране. В развитых страховых пенсионных системах параметрическими характеристиками являются продолжительность трудового стажа, учитываемого в пенсионных правах, и размер заработка, подлежащего обязательному пенсионному страхованию [6].

Адаптация пенсионной системы к демографической динамике должна сопровождаться адекватными государственными мерами по регулированию макроэкономических и институциональных факторов. Среди комплекса таких мероприятий следует выделить:

- адаптацию рынка труда к участию в нем граждан старших возрастных групп, с одной стороны;
- обеспечение ускоренного роста макроэкономики страны для создания новых рабочих мест, которые необходимы для увеличения занятости «дополнительной» численности трудоспособного населения, в первую очередь младших возрастных групп;
- снижение смертности в трудоспособных возрастах, в том числе путем развития социальных институтов, улучшения медицинского обслуживания населения, профилактики заболеваемости населения, диагностики смертельно опасных болезней на ранних стадиях их развития (при этом будет назначаться меньше трудовых пенсий по случаю потери кормильца);

- снижение инвалидности в трудоспособных возрастах, в том числе путем уменьшения числа рабочих мест с вредными и тяжелыми условиями труда, приводящими к утрате работником здоровья и трудоспособности, улучшение условий труда и охраны труда (при этом будет назначаться меньше трудовых пенсий по инвалидности);
- повышение рождаемости (не только за счет материального стимулирования — предоставления дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей (в виде выплаты материнского (семейного) капитала), но и с помощью комплекса мер, направленных на пропаганду ценностей семьи, имеющей нескольких детей, а также различных форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в целях формирования в обществе позитивного образа семьи со стабильным зарегистрированным браком супругов, имеющих нескольких детей или принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей);
- приведение в соответствие страховым принципам формирование пенсионных прав застрахованных лиц — наемных работников, занятых на рабочих местах с особыми и вредными условиями труда, в обязательные профессиональные пенсионные системы и/или установление для работодателей, применяющих труд наемных работников во вредных и тяжелых условиях труда, дополнительного тарифа страховых взносов в систему обязательного пенсионного страхования, чтобы компенсировать для системы выплату этим работникам трудовых пенсий в период до достижения общеустановленного пенсионного возраста;

- создание экономических и правовых условий для формирования пенсионных прав, обеспечивающих достойный уровень материального обеспечения при наступлении старости для страхователей, уплачивающих страховые взносы в ПФР в виде фиксированного платежа (необходимо уплачивать не минимум, а сумму, достаточную для получения пенсии в течение всего периода выплаты пенсии (хотя бы не ниже прожиточного минимума пенсионера (численность плательщиков фиксированного платежа составляет 2 млн человек)) [7].

Нерешенность проблем финансовой устойчивости пенсионной системы и достойного уровня жизни пенсионеров обусловлена внешними — макроэкономическими и демографическими — факторами, изменение которых, по прогнозу правительственных плановых органов, в долгосрочной перспективе не намечается. Исследование доказывает эффективность реформы пенсионного страхования только при условии преодоления негативных демографических тенденций и макроэкономических диспропорций (увеличение емкости рынка труда, сокращения теневой занятости, повышения уровня оплаты труда как финансовой базы для формирования пенсионных прав работников.

Библиографический список

1. Соловьев А.К. Пенсионная реформа: иллюзия и реальность. 2017.
2. Как мир реформирует пенсионные системы. — Ведомости. 23 декабря, 2016 год.
3. Ляшок В.Ю., Назаров В.С., Орешкин М.С. Факторы роста размера пенсий в России // Финансовый журнал. — 2016. — № 1. — С. 7–22.
4. Малева Т.М. Человек в солидарной пенсионной системе // Экономическая политика. — 2014. — № 2. — С. 55–84.

5. Соловьев А.К. Проблемы эффективности пенсионной системы России в условиях реформы // Мир новой экономики. — 2014. — № 4. — С. 39–50.
6. Соловьев А.К. и др. Пенсионный возраст: актуарно-статистическое обоснование 2018.
7. Соловьев А.К. Макроанализ пенсионной системы России // Вопросы экономики. — 2013. — № 4. — С.82–93.

List of References

1. Solovyov A.K. Pension reform: illusion and reality of 2017.
2. As the world reforms the pension systems. — Sheets. December 23, 2016.
3. Lyashok V.Yu., Nazarov V.S., Oreshkin M.S. Factors of growth of the amount of pensions in Russia//the Financial magazine. — 2016. — No. 1. — Page 7–22.
4. Mullewa the TM Person in the solidary pension system//Economic policy. — 2014. — No. 2. — Page 55–84.
5. Solovyov A.K. Problems of efficiency of the pension system of Russia in the conditions of reform//the World of new economy. — 2014. — No. 4. — Page 39–50.
6. Solovyov A.K., etc. Retirement age: actuarial and statistical justification of 2018.
7. Solovyov A.K. Macroanalysis of the pension system of Russia//economy Questions. — 2013. — No. 4. — Page 82–93.

Контактная информация:

119991, г. Москва, ул. Шаболовка, 4, sol26@100.pfr.ru

119991, Moscow, St. Shanolovka, 4, sol26@100.pfr.ru

СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ МОДЕЛИ РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

STRUCTURAL PROBLEMS OF A NEW MODEL OF GROWTH OF THE RUSSIAN ECONOMY

О.С. СУХАРЕВ

Главный научный сотрудник Института экономики РАН, д.э.н., профессор

O.S. SUKHAREV

Chief researcher of the Institute of Economics, doctor of Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные структурные проблемы, препятствующие или ограничивающие возможности российской экономики перейти к новой модели экономического роста. Исследуется структура инвестиций в технологическое обновление, перемещение ресурсов между секторами экономики с обоснованием структурной политики, нацеленной на изменение указанных параметров. Дается прогноз по инвестициям в новые технологии, если инструменты структурной политики влияют на выравнивание рисков ведения хозяйственной деятельности в секторах российской экономики. Приводится сценарное

изменение темпа роста в зависимости от наращивания факторов капитала и труда.

ABSTRACT

The paper discusses the basic structural problems that impede or limit the ability of the Russian economy to switch to a new model of economic growth. The structure of investments in technological renewal, the movement of resources between sectors of the economy with the justification of structural policies aimed at changing these parameters is investigated. It gives a forecast on investments in new technologies, if the structural policy instruments affect the leveling of the risks of doing business in the sectors of the Russian economy. An assessment is made of the changes in risks in the sectors, affecting the profitability of the sectors and affecting the movement of resources. Moreover, this circumstance is embellished as the main condition for the structural policy of the new growth model for Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Структура экономики, инвестиции, структурная политика, экономический рост, риск, новые технологии.

KEYWORDS

Economic structure, investment, structural policy, economic growth, risk, new technologies.

Экономический рост в России давно уже является актуальной повесткой дня. Начиная со второй половины 2012 года сначала наблюдалось неуклонное снижение темпа роста квартал к кварталу, затем в 2015–2016 гг. возникла рецессия, и в 2017–2018 гг. темп роста не удалось вывести за отметку, превышающую 2%. Для российской экономики указанного периода можно выделить следующие два момента, отличающие ростовую динамику. Во-первых,

по вкладу в темп роста среди экономических секторов (обработка, сырьевой, транзакционный) лидировал транзакционный сектор. Во-вторых, по вкладу в темп роста компонент ВВП по расходам основной вес приходился на валовое потребление.

Нужно отметить, что начиная с 2013 по 2016 год наблюдался абсолютный спад инвестиций — инвестиционный кризис. Поэтому закономерным выглядит необходимость стимулирования инвестиций с целью увеличения вклада валового накопления в темп экономического роста. Вместе с тем в 2017 году и в первые два квартала 2018 года вклад в темп роста валового потребления и накопления был практически одинаковым. В экономических дискуссиях утверждается, что необходимы инвестиции, что именно это условие составит основу для новой модели роста российской экономики. Однако следует заметить, что инвестиции — это часть валового продукта страны, причем не самая большая, в отличие от валового потребления. В связи с этим, чтобы вклад инвестиционных расходов стал большим вкладом в темп роста валового потребления, требуется существенно увеличить темп роста самих инвестиций. При имеющихся институциональных ограничениях, а также не самом хорошем состоянии объектов инвестирования, существенное увеличение темпа роста инвестиций при увеличении их доли в ВВП за счет, например, сокращения доли валового потребления представляется нереальным. Причина в том, что пять лет подряд снижалось валовое потребление вследствие отсутствия роста реальных располагаемых доходов населения. Это становится еще одним ограничением для существенного наращивания инвестиций, хотя при значительном снижении процентной ставки (в том числе при увеличении

монетизации экономики) можно предположить рост как инвестиций, так и валового потребления.

Если наибольший вклад в темп роста российской экономики вносит транзакционный сектор, в рамках которого основное место занимают услуги, то качество роста детерминируется именно влиянием услуг. Исходя из этого, возникает задача изменения вклада секторов, то есть увеличение вклада в темп роста обрабатывающего и сырьевого сектора, что даст большую величину темпа роста, при том же вкладе транзакционного сектора (в предположении, что его вклад не понизится).

Как видим, приведенные несколько соотношений являются выражением наличия структурных проблем развития российской экономики, которые накапливались и укреплялись десятилетиями, особенно за последние три десятилетия и в рамках модели роста 2000-х гг. Именно рост прежней модели возможен до 2%. Можно предположить, что с существенным напряжением для экономики, он возможен и большим темпом, скажем, в 3–4%, но как долго экономика сможет поддерживать такой темп роста — остается вопросом.

Для получения иной динамики требуется проведение структурной политики, которая бы приводила не только к изменению сложившихся пропорций между компонентами ВВП и секторами, но и вкладом этих компонент и секторов в темп экономического роста. Иными словами, стимулирования инвестиций недостаточно, важно то, в какие области и каким образом будут распределяться инвестиции, так как именно это обстоятельство закладывает основу перспективного роста, его качество. Кроме того, институциональные формы инвестиционной политики также имеют значение [1].

Дискуссия о том, можно ли обеспечить ускорение экономики при структурной перестройке экономики, велась давно, причем с новой силой в конце 1980-х гг. в СССР [2, 5]. Однако нужно заметить, что только если модификация экономической структуры придает ее элементам новые темпы вместе с изменением доли этих элементов, возможна положительная связь между динамикой экономики и изменением ее структуры.

Неоклассическая экономика длительное время не рассматривала структурную политику как правительственный инструмент воздействия на экономику, полагая, что саморегулируемые рынки сформируют ту структуру, которая отражает соотношение совокупного спроса и предложения в экономике, а стремление к равновесию даст нужную эффективность в распределении ресурсов и доходов. Изучение структурных сдвигов не входило и в задачу теории роста [6]. Даже сегодня, когда очевидно влияние инициируемых правительством институциональных коррекций и технологических сдвигов на развитие экономики, тем не менее приводятся данные, что в развивающихся странам распределение ресурсов между отраслями (секторами) уже не рассматривается как структурная политика [3]. Одновременно, структурная политика сводится к созданию бизнес-среды, инвестиционному климату, институциональным изменениям, повышению экономической активности в секторах хозяйства либо технологической области, а также росту социальных инноваций [3]. Трудности в измерении состояния среды, климата, активности делают предлагаемые меры воздействия весьма расплывчатыми, уводя от важной структурной проблемы соотношения секторов и видов деятельности в экономике, что опреде-

ляет режим и эффективность использования имеющихся ресурсов.

Поэтому подлинное содержание структурной политики, на наш взгляд, сводится к обоснованному формированию секторальной, региональной, технологической, институциональной структуры с тем, чтобы придать новую динамику и качество экономического развития. В связи с этим у структурной политики имеются три измерения:

- формирование (создание) абсолютно новых секторов технологической деятельности (новых производств, ресурсов, инфраструктуры);
- повышение эффективности уже функционирующей секторальной структуры;
- изменение конкретных экономических структур (доходов, спроса, технологий, фондов, инвестиций и т.д.).

Как видим, какой бы вариант не предполагала структурная политика, суть ее сводится к тому, чтобы обнаружить источники (ресурсы) развития и задействовать их. Следовательно, без управляемых воздействий на распределение ресурсов между секторами и видами деятельности осуществить это становится проблематично, как и обеспечить рост иного качества и динамики, не изменяя соотношение вклада секторов и компонент ВВП по расходам.

Источник ресурсов на новую модель роста российской экономики демонстрирует таблица, где отражен профицит федерального бюджета 2019–2021 гг., пополнение Фонда национального благосостояния.

Обычно, когда ищут источники развития, принято обращаться к возможностям бюджета, которые действительно имеются для того, чтобы финансировать развитие (таблица). Вместе с тем значительные ресурсы сосредоточены

в секторах экономики, причем наличие основной структурной проблемы функционирования российской экономики обеспечивает избыточность ресурсов в одних секторах и острый дефицит — в других секторах.

Таблица

Параметры трехлетнего бюджета РФ и вывод средств в ФНБ

	2019	2020	2021
Доходы бюджета, трлн руб.	19,969	20,219	20,978
Расходы бюджета, трлн руб.	18,037	18,994	20,026
Инфляция, %	4,3	3,8	4,0
Профицит бюджета, % ВВП	1,8	1,1	0,8
Величина профицита, трлн руб.	1,93	1,22	0,95
Фонд национального благосостояния ФНБ, трлн руб. (нач. года)	3,818	7,9	11,476
ФНБ, % ВВП	3,6	7,1	9,7

Источник: Бюджет РФ

Под основной структурной проблемой развития российской экономики понимается соотношение риска ведения хозяйственной деятельности и доходности этой деятельности в каждом из трех секторов: обработке, сырьевом и транзакционном (см. рис. 1). Как видим, наиболее высокодоходные секторы характеризуются явно меньшим риском, наименее доходные — явно более высоким (в среднем более чем в два раза) риском. Это обстоятельство выступает «структурным условием» для того, чтобы высокодоходные и низкорискованные секторы получали несравнимо больший ресурс.

Чтобы изменить ситуацию, необходимо изменить соотношение риска и рентабельности секторов (причем последние параметры могут быть связаны). На рис. 2 приведено, как

изменение риска в обработке повлияет на перелив капитала и труда в этом секторе [4]. Прилив капитала возрастет, отток труда существенно понизится. К 2018 году в России наблюдалась ситуация, когда обработка продолжала терять капитал и что важно — труд. При этом производительность труда ощутимо не росла, уровень технологичности был низок и не возрастал. Изменение риска в обработке дает возможность этому сектору развиваться, улучшить качество функционирования и со временем — вклад в общий темп роста.

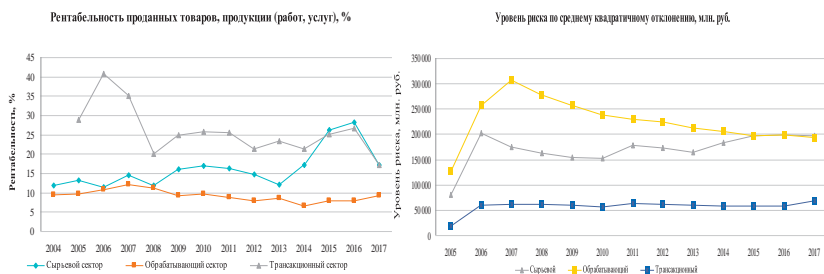
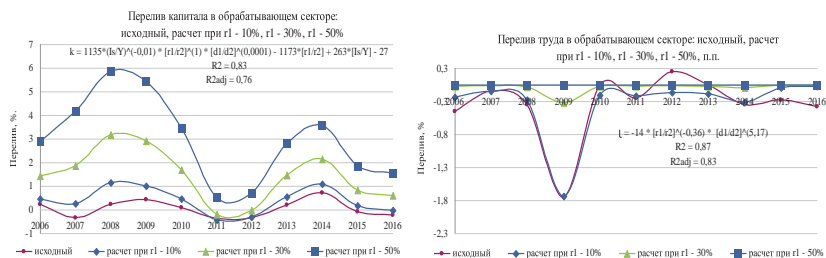

Рис. 1. Доходность (слева) и риск (справа) секторов экономики РФ

Как минимум это создает условие для новой динамики экономики, причем методы понижения риска связаны не только со страхованием (хеджированием) рисков, что при условии неразвитости страхового сектора для России выглядит слабо актуальным, в правительственных гарантиях по программам развития, национальным проектам, повышению степени их согласования и выделению ресурсов на технологическое обновление в рамках этих проектов. Возможный риск потерь при реализации инноваций должен иметь некую компенсацию. Кроме того, расширение доступности кредита для обрабатывающего сектора также вы-

ступает своеобразным инструментом демпфирования риска (проработки требует весь набор возможных инструментов). Помимо этого, важно не снижать, а относительно повысить уровень риска в транзакционном секторе, особенно в части финансовых и других спекуляций, предоставления «спекулятивных услуг».

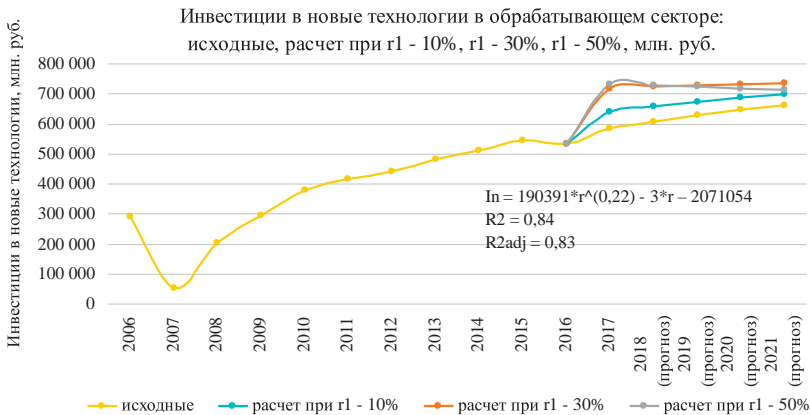
Рис. 2. Перемещение капитала (слева) и труда (справа) при снижении риска в обработке (на 10, 30 и 50% от исходного)

Для проведения структурной политики важно учитывать, каким образом распределяются инвестиции. Если имеется цель стимулирования технологического обновления, то инвестиций в старые и новые технологии¹ как раз воплощают достижение этой цели. На сегодня в России инвестиции в старые технологии на порядок превосходят инвестиции в новые технологии, причем в транзакционном и сырьевом секторах риск инвестирования и в те и другие технологии в среднем в 2–3 раза ниже, чем в обрабатывающем секторе. При этом инвестиции в старые технологии транзакционно-сырьевого сектора более чем в два раза превосходят инвестиции в старые технологии обрабатывающего секто-

¹ Под новыми понимаются вновь созданные передовые технологии, под старыми – уже используемые (статистический учет таких технологий ведется Росстатом).

ра. Проблема реализации новой модели роста при проведении обоснованной структурной политики, воссоздающей эту модель, сводится не просто к тому, чтобы увеличить инвестиции или норму накопления², а к тому, чтобы с учетом чувствительности секторов к инвестициям в новые и старые технологии изменять структуру инвестиций, обеспечивая технологическое обновление.

Проведенные расчеты показывают (см. рис. 3), что, изменяя только риск в обработке (до 50%), возможно существенно, на 10%, увеличить инвестиции в новые технологии [4]. Кроме того, как было показано выше, перемещение капитала и труда произойдет в сторону обрабатывающих секторов, что выступает добавочным ресурсом для их развития.

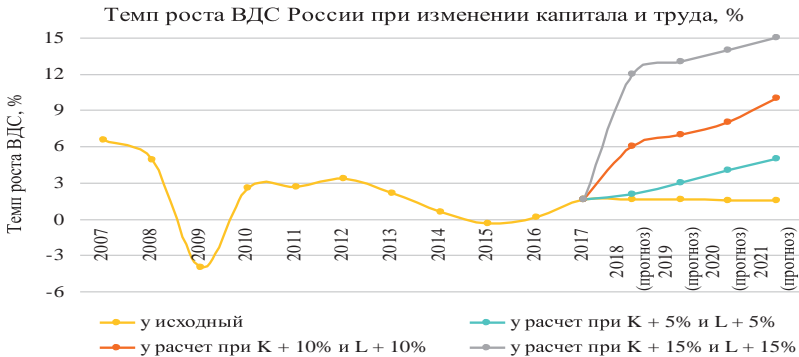

Рис. 3. Инвестиции в новые технологии, при снижении риска в обработке на 10, 30 и 50% соответственно (при неизменности иных условий)

² Известны примеры из экономической истории разных стран (в частности, СССР), когда высокая норма (превосходящая 25%) накопления не уберегала от снижения темпа роста.

Разумеется, на структуру инвестиций имеют сильное воздействие институциональные ограничения, которые принять во внимание в проводимых расчетах не всегда возможно. Вместе с тем, учитывая необходимость создания эффективного рынка кредитования обрабатывающего сектора, правила кредитования не должны увеличивать транзакционные издержки, а банки должны иметь стимулы размещать свой капитал в реальном секторе экономики. Именно такой институциональный механизм будет приводить к эффективному использованию капитала и труда в обработке, увеличивая вклад этого сектора в общий темп роста. Причем высокотехнологичные секторы нуждаются в кредите не менее, чем традиционные производства, отдельные элементы которых встраиваются в воспроизводственный контур секторов высоких технологий. По этой причине задача развития обрабатывающих секторов может решаться только системно. Если скудные ресурсы распределяются только на прорывные направления, без учета того, в какое состояние приходят при отсутствии должного ресурса даже на текущее функционирование традиционные секторы, то уже внутри обрабатывающего сектора будут созданы диспропорции, в дальнейшем способные затормозить развитие приоритетных секторов. В связи с этим требует решения задача макроструктурного содержания, а именно: дать обработке ресурс в виде капитала и труда, с перспективой расширения и укрепления внутренних рынков средств производства, промышленных товаров и потребительских серий. Одновременно это и будет политикой замещения импорта и даже создания «цифровой экономики», для которой нужна база в виде отечественных средств производства — продукция микроэлектроники.

На рис. 4 показана возможная динамика валовой добавленной стоимости России при различных сценариях увеличения капитала (оценивался по основным фондам) и труда [4].

Рис. 4. Варианты темпа роста экономики России для различных сценариев наращивания капитала и труда

Обозначение капитала — К плюс — означает увеличение капитала в заключительный год прогноза (2021), то есть запись К+5 нужно читать так, что в 2018 величина капитала возрастает на 2%, в 2019 — на 3%, в 2020 — на 4% и в 2021 году, соответственно, на 5%. Именно такой рост фактора, включая и фактор «труд» даст в 2020 превышение роста ВДС России 3%, а к 2021 году даже 5%. Конечно, подобные сценарные прогнозные оценки не учитывают изменяемой силы институциональных ограничений. Тем не менее полезность их в том, что они показывают общий вектор структурных воздействий на экономику, а именно то, что факторные соотношения, обеспечивающие определенный темп роста, таковы, что для ускорения темпа нужно нара-

щивание капитала и труда. Причем при постановке задачи индустриализации, чтобы развивалась обработка, создавая основу будущего роста, требуется перераспределение ресурсов в пользу этого сектора.

Рис. 4 подтверждает еще один важный вывод, что при сохранении экономической политики, если структурные воздействия на экономику не будут содержательными, экономический рост в России по темпу будет продолжать оставаться в районе 2%, может быть, с отдельными превышениями к 2021 году и далее. Используемые официальные прогнозы практически подтверждают этот вывод, как и то, что релевантных структурных изменений российской экономики не планируется. Данное обстоятельство выступает самым важным ограничителем роста экономики, а тезис о том, будто в развивающихся странах структурная политика, сводимая к распределению ресурсов, не дает эффекта [3] при перенесении его на Россию, как показывают количественные оценки, не имеет оснований. Во-первых, подорвана ресурсная база развития обработки, сложившееся «структурное соотношение» по риску и рентабельности таково, что одни секторы получают ресурс в избыточном количестве, другие имеют дефицит. Без изменения этого соотношения поиском добавочных ресурсов из имеющихся резервов ситуация вряд ли может быть изменена. Добавочные источники не в состоянии изменить «структурное соотношение», здесь нужны воздействия на сами секторы, причем макроэкономические и институциональные, касающиеся и банковской системы.

Так же расчетами подтверждается, что снижение риска в обработке на 50% на интервале 2007–2016 гг. обеспечило бы элиминирование кризиса 2009 и 2015–2016 гг. Для

2009 года темп роста снизился бы к нулю, а в 2015–2016 гг. был бы положительным — в среднем выше 2%.

Тем самым структурная политика, ориентированная на выравнивание риска в секторах и их доходности, должна быть направлена на обеспечение устойчивого темпа роста. Если бы она проводилась в том ключе, который здесь рассмотрен, глубина кризисов была бы меньше, колебания темпа роста — менее значительными, рост стал бы более устойчивым [4].

Учитывая, что в России основной капитал высоко изношен по многим направлениям деятельности, решение проблемы его замены, причем на базе создаваемых в стране средств производства — выступает основным направлением структурной политики.

Нужно заметить, что для российской экономики на официальном уровне предлагается так называемая сберегательно-инвестиционная модель, которая, на взгляд автора, имеет малые шансы на успех по следующим причинам.

Во-первых, в рамках такой модели предполагается относительно высокая процентная ставка³, которая позволяет аккумулировать сбережения, но одновременно именно высокая цена кредита лишает обработку необходимого кредитования (инвестирование за счет собственных средств предприятий).

Во-вторых, инвестирование зависит от состояния и способности объектов принять и освоить инвестиции. Исходное состояние фондов и низкая величина стоимости труда, как ни парадоксально, но ограничивают инвестиции, хотя на первый взгляд плохое состояние фондов должно мотивиро-

³ Нужно отметить, что ЦБ РФ за последний месяц 2018 года повысил ставку дважды: с 7,25 до 7,5, а затем и до 7,75 процентных пункта.

вать их замену. Однако этого не происходит в силу «развития притык», когда собственных средств хватает только на пополнение оборотных средств, а механизмы обеспечения обработки деньгами, по сути, отсутствуют. Кроме того, низкая стоимость труда затрудняет процесс технологического обновления, мотивы для которого существенно сильнее при условии высокой стоимости труда (в этом случае технологии вытесняют труд).

В-третьих, использование сбережений связано с эффективностью финансовых институтов. Если не рассматриваются источники ресурсов, сосредоточенные в самих секторах, то привлечение сбережений и трансформация их в инвестиции произойдет так, что транзакционные и сырьевые секторы получат в четыре раза и больше, как это было до сих пор (см. рис. 5).

Рис. 5. Соотношение инвестиций в основной капитал транзакционно-сырьевого сектора к обрабатывающему, раз, 2005–2017 гг. (рассчитано по данным Росстата)

В-четвертых, развитие инвестиционного сектора при высокой норме накопления и сбережений не предотвращает снижения темпа роста, как и не гарантирует высокого роста самого по себе, так как перенакопление⁴ (избыточность капитала) оборачивается проблемами с валовым потреблением. Снижение потребления на следующем шаге развития тормозит инвестиции. Еще в 1957 года проф. А.Н. Байков в своей лекции «Советский опыт инвестиционной политики в отношении к общей стратегии развития» [1] утверждал, что в условиях низкого уровня жизни эффективные инвестиции не совершаются, причем рынки капитала дают сбой. При советской индустриализации был введен налог с оборота, но весь сбор шел на перспективную индустриализацию. Кроме того, сбережения населения были привлечены посредством Государственных займов, причем короткие кредитные операции осуществлялись Государственным банком, а специальные кредитные учреждения⁵ аккумулировали долгосрочный кредит, позволяя развернуть длительные кредитные линии для промышленности. Какие-либо действенные аналоги таких институтов либо отсутствуют, либо не работают должным образом в современной России [1, с. 59].

В-пятых, в макроэкономическом смысле сберегательно-инвестиционная модель не видит «структурных деталей», которые настолько значимы, что могут полностью опреде-

⁴ Эффект перенакопления капитала характерен только для советской экономики. В царский период и в постсоветской России — обнаруживается явный дефицит капитала. Как видим, это становится своеобразной исторической характеристикой экономического развития России. Кстати, В.А. Базаров отмечал, на примере «затухающей кривой», что с вовлечением большинства факторов в рост, по мере их исчерпания, темп роста будет снижаться. Это обнаруживала советская экономика в период индустриализации, но это характерно и для современной российской экономики — стандартной политики роста.

⁵ Им давалось право выделять государственные субсидии (из бюджета), причем в них же размещались амортизационные фонды промышленности.

лить эффективность инвестиций. Например, инвестиции в новые технологии могут понижать общий технологический уровень экономики. В связи с такой чувствительностью явно требуются институциональные коррекции, как и кратное наращивание инвестиций в новые технологии не за счет отвлечения инвестиций от уже используемых технологий.

Чтобы преодолеть указанные ограничения, в рамках структурной политики, помимо рассмотренных вариантов, будет полезно предпринять следующие меры:

1) разработать инвестиционные проекты строительства новых заводов и секторов⁶ деятельности (высокотехнологичных), осуществляя инвестирование из средств специальной части федерального бюджета, привлекая возможности государственных корпораций, государственных банков, создающих «длинные» деньги в экономике. Задача здесь не просто обеспечить некие проекты, а создать взаимосвязанные внутренние рынки средств производства и контролировать их. Участие частного капитала в этом случае возможно и даже необходимо, но в такой доле и на таких условиях, чтобы данные секторы и рынки сохранялись⁷;

2) для решения комплекса задач первого пункта потребуются привлечение патентной базы России, а именно — продажа частнику новейших технологий (патента) с условием развертывания производства по этой технологии, защищенной патентом;

⁶ Аналог существует в виде мегапроектов, национальных проектов, но с повторяющимися ошибками, что и в федеральных целевых программах, когда выделяемые ресурсы подчинялись принципу только на проект, а на обновление фондов. На переобучение средств обычно не хватало, и уровень согласования программ был низкий.

⁷ Понадобится установить правило распределения прибыли и все вложения, включая государственные инвестиции, осуществлять на возвратной основе.

3) стимулировать банки размещать капитал в производстве при введении дифференцированной процентной ставки по кредитованию самих банков (ключевая ставка), а также норме резервирования. В случае, когда кредитный портфель банка содержит значительный объем кредитов спекулятивных видов деятельности, условия для такого банка должны быть хуже, нежели для такого, который кредитует производство. Норма обязательного резервирования и ключевая ставка должны быть выше для банков, которые втянуты в спекулятивную игру на рынке. Причем если банки начнут повышать ставки по кредитам и ограничивать сроки предоставления кредитов, данный подход должен охватить и подобные реакции банка, желающего сохранить норму прибыли и свою очень большую рентабельность (относительно иных секторов).

Макроэкономическая политика должна содержать меры структурного характера, влиять на риск ведения бизнеса в секторах и доходность, тем самым определяя характер размещения ресурсов. В противном случае, без структурных воздействий, будет складываться именно та хозяйственная система, которая оформилась к 2008–2010 году — сырьевой модели экономики, исчерпывающей саму себя.

Таким образом, преодоление структурных проблем составляет суть согласования всех инструментов экономической политики, которые интегрально способны обеспечить увеличение доли обрабатывающего сектора в экономике и вклада этого сектора в темп экономического роста, и это составляет главное направление в приобретении новой модели роста российской экономики. В противном случае модель роста будет оставаться прежней, рост по темпу невысокий, не выше 2–3% (в лучшем случае) с перманентной возможностью кризисной динамики.

Библиографический список

1. Байков А.Н. Советский опыт инвестиционной политики в отношении к общей стратегии развития // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Сб. научных трудов. Вып. 4 — М.: ИЭ РАН, 2005 — С. 51–66.
2. Сорокин Д.Е., Сухарев О.С. Структурно-инвестиционные задачи развития экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2013. — № 3. — С. 3–15.
3. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка // науч. рук. Е.Г. Ясин. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. — 32 с.
4. Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. Стратегия индустриализации экономики. Исследование структуры экономического роста и технологического обновления. — М.: Ленанд, 2019 — 320 с.
5. Яременко Ю.В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. — М.: Наука, 1999 — 414 с.
6. Gabardo F.A., Pereima J.B., Einloft P. The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal // *Economia*, Vol. 18, Issue 3, 2017, pp. 392–410.

List of References

1. Baykov A.N. The Soviet experience of investment policy in relation to the overall development strategy // From the history of economic thought and the national economy of Russia. *Sat scientific papers*. Issue 4 - M.: IE RAS, 2005 - P. 51–66.
2. Sorokin D.E., Sukharev O.S. Structural and investment objectives of the development of the Russian economy // *Economy. Taxes Law*, 2013, N 3. - p. 3–15.
3. Structural policy in Russia: new conditions and a possible agenda // *scientific. hands E.G. Yasin* - M.: Publishing House of the Higher School of Economics 2018 - 32 p.

4. Yaremenko Yu.V. Structural policy priorities and reform experience. М.: Science, 1999 - 414 p.
5. Gabardo F.A., Pereima J.B., Einloft P. Historical Appraisal // *Economía*, Vol. 18, Issue 3, 2017, pp. 392–410.

Сухарев Олег Сергеевич — главный научный сотрудник ИЭ РАН, доктор экономических наук, профессор, www.osukharev.com, 117418 Москва, Нахимовский проспект, 32

Sukharev Oleg Sergeevich - Chief Researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, www.osukharev.com 117418 Moscow, Nakhimovsky Prospect, 32

Подписка на печатные издания ВЭО России

Открыта подписка на 2-е полугодие 2019 года на «Научные Труды ВЭО России» и журнал «Вольная экономика». Издания доступны по подписке с 1 апреля по 15 сентября 2019 года во всех отделениях почтовой связи Российской Федерации или онлайн на сайте <http://vipishi.ru/>

Журнал «Вольная экономика»

Индекс издания «Вольная экономика»
в КАТАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ — 24513

Издание, рассчитанное на профессионалов в области экономики. Журналу удалось занять нишу на медиарынке, стать авторитетным изданием для людей, от которых зависит принятие экономических решений в разных областях. Все интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте <http://freeeconomy.ru>

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Индекс издания «Научные Труды Вольного экономического общества России»
в КАТАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ — 10920

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» были включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Научные труды ВЭО России представлены в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и научной электронной библиотеке elibrary.ru Тома Научных трудов размещена на сайте ВЭО России (раздел «Библиотека») www.veorus.ru

БУДУЩЕЕ РОССИИ ЗАВИСИТ БОЛЬШЕ ВСЕГО ОТ РАЗВИТИЯ НАШЕЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

RUSSIA'S FUTURE MOSTLY DEPENDS ON DEVELOPMENT OF DOMESTIC FINANCIAL SYSTEM

А.Г. АГАНБЕГЯН

Заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, академик РАН.

A.G. AGANBEGIAN

Head of the Economic Theory and Policy Department at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), RAS Academician, Doctor of Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

За несколько последних десятилетий финансы приобрели значительное воздействие на ход экономического развития. С их помощью стало возможно воздействовать на циклическое развитие экономики.

В данной статье автор анализирует состояние финансовой системы России. Он приходит к выводу, что в России финансовая сфера самая отсталая и крайне неэффективная. В результате она, по сути, тормозит экономическое развитие страны. Если ничего не менять в подходах, то обеспечить выполнение поставленных президентом страны задач по росту экономики будет невозможно. Автор предлагает вернуться к законодательным реформам, способным обеспечить рост экономики на 3–5% в год. Сделать это можно за счет пересмотра налоговой системы, амортизационной политики и т.п. Но главным источником роста должны стать инвестиции и вложения в человеческий капитал. Главным локомотивом здесь могут стать банки. Активы банковской системы в России – главный денежный мешок, который есть в стране. Поэтому главным источником социально-экономического роста могут стать активы банковской системы, используемые в виде инвестиционного кредита. По мнению автора, стране необходим «финансовый форсаж» за счет увеличения инвестиций и вложений на 8–10% в год.

ABSTRACT

Over the past several decades, finance has gained serious influence on the course of economic development as it helps impact the cyclic development of economy. The author of this article analyzes the current state of the Russian financial system. He comes to the conclusion about the backwardness and high inefficiency of the financial sector in Russia. Consequently, the financial system actually hampers the country's economic development. If nothing is changed in the approaches used, it will be impossible to accomplish the tasks of economic development set by the President. Therefore, the author suggests that the government comes back to the legislative reforms capable of ensuring the annual economic growth of 3–5%. It can be done by way of revising the tax system, depreciation policy, etc. Moreover, the investment in human capital should become the key driver of growth, while banks may act as the main locomotive here. The assets of Russia's banking system actually represent the

key “moneybag” of the country. Thus, being used in the form of investment credit, these assets may become the key growth drivers. According to the author, the country needs “financial acceleration” through raising investments by 8–10% annually.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Финансовая система, рынок капитала, внебанковские активы, «длинные» деньги, инвестиции, экономика знаний, инвестиционный кредит, «финансовый форсаж», реформа налоговой системы, изменение амортизационной политики, кризис, стагнация, рецессия, стагфляция, инфляция.

KEYWORDS

Financial system, capital market, extra-bank assets, “long-term” money, investments, knowledge-driven economy, investment credit, “financial acceleration,” tax system reform, changes in depreciation policy, crisis, stagnation, recession, stagflation, inflation.

ФИНАНСЫ — ВОЗРАСТАЮЩАЯ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

После Второй мировой войны, особенно с 70-х годов XX века, роль финансов в социально-экономическом развитии стала определяющей, прежде всего, в развитых странах. В Западной Европе активы банков в два-три раза превысили ВВП. В США фондовый рынок, а также государственный долг страны также существенно превысили ВВП, а объем страхования, ипотечных фондов, паевых фондов, активы инвестиционных компаний — каждый из них приблизился к объему ВВП. В разы вырос рынок капитала, объем «длинных» денег, доля госбюджета в ВВП в среднем достигла 30–40%, возникла система деривативов — произ-

водных ценных бумаг, и хедж-фондов, объем которых в 10–12 раз превысил ВВП.

Развился весь инструментарий финансового рынка, монетизация экономики в разы превзошла объем ВВП. Все большую роль в развитии экономики стала играть ставка рефинансирования Центрального банка, облигации. На первый план вышла рыночная капитализация компаний, связанная с курсом акций. Усилилась роль валютных курсов, денежных резервов и др.

Постепенно сложилась мировая финансовая система с сильной глобализацией финансовых потоков, переливом капитала из страны в страну, а также между сферами экономики. Резко повысилась роль государства в регулировании финансовой системы страны. Финансы приобрели столь значительное воздействие на ход экономического развития, что с их помощью стало возможно воздействовать на циклическое развитие экономики, облегчать бремя периодических кризисов, которые стали воздействовать на динамику ВВП не по 10–20%, как в довоенные годы, а всего на несколько процентов.

В глобальном кризисе 2007–2009 гг. ВВП развитых стран снизился в среднем на 3%, а у развивающихся стран снизились только темпы роста ВВП в среднем с 6 до 2,2%.

Все возрастающую роль стали играть совместные действия группы стран по регулированию финансов. Возросла роль МВФ, Всемирного банка, крупнейших международных банков по континентам. Воздействие на мировые финансы оказывают и решения саммита 20 крупнейших стран мира и более узкого саммита стран G7. Сформировался Европейский союз, а в его составе — Шенгенская зона, зона единой валюты евро. Процессы локальной ин-

теграции идут в Юго-Восточной Азии и на американском континенте.

Финансы приобрели определенную самостоятельность, во многом оторвались от своей прежней основы — объемов общественного производства и товарных потоков. Фьючерсы на нефть, например, по объему почти на порядок превышают реальный объем торговли нефтью между странами и во многом определяют цены на нефть.

В связи с самостоятельной динамикой финансов повысились риски финансовых кризисов — ипотечных, долговых, валютных. Время от времени происходит неконтролируемый обвал курса акций и катастрофическое падение фондовых рынков, на десятки процентов меняются курсы валют в отдельных странах. Сегодня фактически любой кризис начинается с финансовых неурядиц и лишь затем распространяется на экономику и социальную сферу. Поэтому все в большей мере кризисы приобрели не периодический, циклический характер, а структурный характер. Несколько лет назад, например, обвал на 1/3 курса акций на крупнейших китайских биржах лишил их владельцев 5 трлн долларов. На нашей памяти произошло несколько крупнейших обвалов американской биржи высокотехнологических компаний NASDAQ. Недавно на 8% просела главная Нью-Йоркская биржа. Владельцы акций лишились триллионов долларов.

В связи с этим резко выросла волатильность и даже турбулентность финансово-экономического развития. Время от времени это приводит к новым процессам длительной стагнации, например, 10-летняя стагнация в США в 70-х годах, когда два президента, Генри Форд и Джимми Картер, не смогли выправить ситуацию и поэтому проиграли выборы на второй срок, что бывает довольно редко. Все чаще отдель-

ные страны попадают в неглубокие, но весьма продолжительные кризисы, которые называются рецессией и обычно начинаются и завершаются стагнацией.

В 70-х годах возникло новое явление — стагфляция, когда при отсутствии спроса, при стагнации или падении общественного производства, росте безработицы не снижаются, как это всегда было раньше, а повышаются потребительские цены — инфляция. США с трудом, благодаря коренной реформе экономики в период президентства Рейгана, который перешел к «рейганомике», удалось справиться со стагнацией и стагфляцией в 70-х — начале 80-х гг. и обеспечить небывалый подъем экономики США.

Новым явлением после Второй мировой войны стал переход отдельных отсталых стран к финансовому форсажу, когда в 1,5–2–3 раза увеличивалось кредитование, монетизация, в 1,5 раза возрастала доля инвестиций в основной капитал, вдвое снижалась инфляция и процентная ставка. Этот финансовый форсаж обеспечивал в течение 10–20 лет небывалые для прошлых лет темпы социально-экономического роста в этих странах, их рывка от отсталости к передовому уровню. Такой рывок сделала послевоенная Франция, использующая для этого заимствованное в СССР планирование, приспособив его к рыночной экономике, Испания, Ирландия с 1990 года — самая отсталая страна Евросоюза, которая за 10 лет смогла существенно опередить Англию по основным социально-экономическим показателям, в том числе благодаря привлечению крупного американского капитала. Такие страны Юго-Восточной Азии, как Китай, Южная Корея, Тайвань, Малайзия, Сингапур, которых назвали «азиатскими тиграми». В последнее время речь идет и об Индии. Все эти страны за 10 лет стали увеличивать ВВП от

1,6 до 2,5 раз и смогли коренным образом преобразовать экономику.

Этот опыт, на наш взгляд, крайне важен для России, которая в последние 10 лет пребывает в кризисе, стагнации и рецессии, практически топчется на месте, отставая вдвое от темпов роста мировой экономики, втрое от прироста ВВП развивающихся стран и увеличивая экономику медленнее развитых стран.

Перед Россией сейчас стоит главная задача, поставленная Президентом РФ В.В. Путиным в его Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 года и Указом от 7 мая 2018 года, по ускоренному социально-экономическому росту до 2024 года с продолжением этого ускорения до 2030 года. Добиться такого перелома можно только с помощью коренного улучшения финансовой деятельности.

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Финансовая сфера в России, пожалуй, самая отсталая из крупных социально-экономических показателей. В международном рейтинге по развитию финансового рынка Россия занимает 107 место, уступая не только 25 развитым странам мира, но и еще 80 странам с развивающейся и переходной экономикой. Притом подавляющая часть этих стран имеет более низкий по сравнению с Россией экономический и социальный уровень. В 2–3 раза уровень монетизации России ниже в сравнении с большинством других стран. Ценовая доступность финансовых услуг в России на 94 месте в мире, возможность получения венчурного капитала — на 89-м, финансирование локальных производителей — на 90-м. В целом возможность получения финансовых услуг оценивается 101 местом, а легкость получения финансирования —

110 местом. По регулированию фондовых бирж Россия на 112 месте в мире, а по устойчивости банков — аж на 121-м. Можно было бы приводить и дальше цифры, свидетельствующие о слабости и отсталости нашего финансового рынка.

Его коренной недостаток — отсутствие рынка капитала, а, значит, отсутствие сколь-нибудь действенного финансового механизма развития. Тем более что мы резко отстаем по уровню конкурентности и стимулирования.

Если сравнить уровень экономического развития (ВВП на душу населения) и уровень социального развития с учетом ожидаемой продолжительности жизни, то в международном рейтинге Россия занимает примерно 45 и 65 места. А по общему объему ВВП, по паритету покупательной способности, по данным Всемирного банка, Россия занимает 6 место, вплотную подойдя к Германии.

За 25 лет существования новой России ни уровень экономического развития, ни уровень социального развития в целом не поднялись. Сегодня они близки к уровню 1989 года. Жизнь существенно изменилась, практически исчез дефицит, появились относительно развитые рынки товаров и услуг, недвижимости, кредитных ресурсов (в основном кратковременных). Люди получили большие свободы в выборе места работы, места проживания, проявлении своих способностей и зарабатывании денег и многого другого. Жизнь, безусловно, изменилась в лучшую сторону. Есть возможность поехать за рубеж, в том числе на отдых, получить желаемое образование при наличии средств и т.д.

Но если взять коренные показатели ВВП на душу населения, численность бедных, ожидаемую продолжительность жизни, то мы мало продвинулись за 25 лет. Россия по объему ВВП 25 лет назад уступала только США и Японии, намного

превосходя Германию, Китай, Индию, а сейчас переместилась на 6 место. Если же ВВП считать не по паритету покупательной способности, а по официальному курсу доллара, то Россия не войдет даже в десятку ведущих мировых стран, а займет 12–13 место.

Самое слабое место в финансировании России — это инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал, то есть, прежде всего, в сферу «экономика знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение). Доля инвестиций в основной капитал в ВВП России в последние годы составляет 17–18%, а доля вложений в «экономику знаний» — всего 13%. Развитые страны имеют норму инвестиций в ВВП — около 30% в Западной Европе и 40% — в США. Понятно, что при таких показателях мы не сможем вырваться из отсталости. Развивающиеся страны, к примеру, имеют норму инвестиций в ВВП 30–35%, почти вдвое выше, чем в России, а долю инвестиций в «экономику знаний» — 15–20%. То есть существенно опережают Россию. И поэтому развиваются втрое быстрее.

Отсутствие сколь-нибудь значительных объемов «длинных» денег в России приводит к повышенной волатильности и турбулентности на наших финансовых рынках, поскольку в акции и в приобретение облигаций вкладываются не «долговременные», а «кратковременные» деньги. По инвестициям идет явное недофинансирование нашей экономики, особенно передовых, высокотехнологических отраслей, ибо значительная часть инвестиций вкладывается в нефтегазовые и сырьевые отрасли, а также в производство материалов. А отрасли, производящие готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью, особенно высокотехно-

логические товары и услуги, получают инвестиции на минимальном уровне.

Крупнейшие российские компании в период подъема экономики в 1999–2008 годах изыскивали средства для инвестиций в основной капитал из дополнительных доходов от экспорта нефти в связи с повышением ее цены за баррель за этот период в восемь раз.

В последующие годы ведущие российские компании основные инвестиционные средства занимали на мировом финансовом рынке, в виде инвестиционных кредитов у западных банков, особенно при покупке оборудования за рубежом для развития своего предприятия. Поэтому внешний долг России на 1 января 2014 года, до введения санкций, превысил 730 млрд долларов, а до этого был 470 млрд долл., и в основном это был корпоративный долг, составивший 50% ВВП по внутреннему валютному курсу.

Введение санкций с ограничением доступа на мировой финансовый рынок для России привел к сокращению этого долга более чем на 200 млрд долларов. И сейчас мы наблюдаем явное недофинансирование нашей экономики и социальной сферы.

В 2014–2017 годах инвестиции в России снизились на 8%, главным образом за счет сокращения инвестиций со стороны предприятий, организаций и банков, контролируемых государством. Здесь снижение инвестиций составило более 20%. И оно продолжилось в 2017 году. Инвестиции немного растут только за счет частных инвестиций. Поэтому сейчас у нас практически нет источников социально-экономического развития. И Минфин изыскивает эти источники за счет снижения расходов госбюджета на пенсии с помощью увеличения возраста выхода на пенсию на пять лет, повы-

шения ставки НДС с 18 до 20%, а также за счет изменения налогообложения нефтяных компаний. Кроме того, принято решение о государственно-частном партнерстве с ведущими олигархическими и полуолигархическими организациями в России солидарно за счет частных и государственных инвестиций. Но эти изысканные Минфином источники дают не триллионы рублей дополнительных инвестиций, которые нам нужны, а только сотни миллиардов.

Говоря об острой нехватке «длинных» денег, а это, прежде всего, инвестиционные средства, нужно сказать, что в России отсутствуют сколь-нибудь значительные внебанковские фонды «длинных» денег: накопительные пенсионные фонды, паевые фонды, страховые фонды, венчурные фонды и т.д. Все вместе это лишь десятая часть банковских активов. Сфера совершенно не развита, и Центральный банк, который уже несколько лет руководит внебанковскими активами денежных средств в России, ничего не сделал для ускоренного формирования этих фондов «длинных» денег.

На протяжении 25 лет новой России наши органы управления не приобрели навыков мобилизации резервных средств страны, не освоили новых источников инвестиций и вложений, к которым их призывал В.В. Путин еще в 2014 году на заседании Экономического совета. Тогда он прямо сказал, что старые источники финансовых средств в России исчерпаны. И если мы будем на них опираться, нас ждет нулевой рост. Нужны новые источники. Минфин и правительство способны изыскать их, как мы видим, только за счет социальных расходов — экономия на пенсиях, увеличение розничных цен в связи с повышением НДС. Они не ищут и не умеют искать высокоэффективных вложений средств, где за счет высокоэффективных инвестиций можно получить на-

много больше средств. Причем само инвестирование капиталовложений Минфин осуществляет главным образом через бюджет на безвозвратной основе. Эти деньги не возвращаются, и каждый год приходится что-то придумывать, чтобы за счет сокращения тех или иных расходов получить эти средства.

Вся финансовая система России, если на нее взглянуть с позиции эффективности, является крайне неэффективной. Система налогообложения является чисто фискальной. Она не выполняет стимулирующей роли. Даже прибыль предприятий, из которой формируется основная часть инвестиций в России, не освобождена от налогов, что сразу бы добавило инвестиционных средств и позволило бы вывести из тени значительные средства, которые предприятия прячут в себестоимости, сокращая налогооблагаемую прибыль. Ничего не сделал Минфин и для изменения давно устаревшей амортизационной системы России, где крайне велики амортизационные сроки, если сравнить их с передовыми странами, нет эффективных правил ускоренной амортизации и т.п. Поэтому и из амортизационного фонда изымается намного меньшая часть инвестиций, которые можно было бы здесь изыскать. Крупные инвестиции могут быть получены и в рамках госбюджета, если все окупаемые проекты, прежде всего в национальную экономику (а это — 2 трлн руб.), финансировать в виде инвестиционного кредита на возвратной основе по низким процентам, покрываемым за счет бюджета. Такая мера сократит бюджетные средства на это финансирование по крайней мере в 10 раз и высвободит их для инвестиций и вложений.

У Минфина нет даже попытки использовать хотя бы часть золотовалютных резервов в виде инвестиционного кредита

для надежных, высокоэффективных проектов, которые будут возвращаться через 5–7 лет, а ведь золотовалютные резервы в России превысили 450 млрд долларов, из которых 150–200 млрд не понадобятся нашей стране в обозримом будущем. Они лежат без дела и обесцениваются по 20–25 млрд долларов в год.

Крупные средства на жилищное строительство и вложение в развитие автомобильной промышленности можно было бы получить за счет взаимовыгодных облигаций для населения, у которого 40 трлн рублей лежит в России, и еще 700–1000 млрд долларов — на счетах в зарубежных странах. А ведь значительная часть этих людей нуждается в улучшении жилья, приобретении легковых машин, и здесь можно было бы найти баланс интересов государства и населения.

Огромные средства, по 1 трлн рублей ежегодно, можно было бы получить, по примеру московских властей, от приватизации государственного имущества. Сегодня, по данным Всемирного банка, государственные предприятия и организации, включая бюджетные, контролируют 71% производства ВВП России, в то время как 15 лет назад они контролировали всего 35% этих средств. Конечно, эти средства нужно тоже использовать в национальной экономике на возвратных условиях в виде инвестиционного кредита, например, для создания современной инфраструктуры, выдавая кредит на строительство двусторонних автострад, скоростных железных дорог под 3% годовых на 20–25-летний период, как это делает Китай.

Но самый главный неиспользованный резерв для инвестиций и вложений — банковские активы. Они составляют около 88 трлн рублей и практически равны объему ВВП. Используются они крайне неэффективно, только для выдачи

неинвестиционных краткосрочных кредитов. Доля банковских инвестиционных средств — объем инвестиционного кредита сократился до 8% от общей суммы инвестиций в стране, в то время как в США, Германии и других развитых странах эта доля доходит до 40–50%, несмотря на наличие огромных, несопоставимых с Россией фондов «длинных» внебанковских денег, откуда тоже черпаются инвестиции. Можно было бы в 3–5 раз увеличить долю инвестиционного кредита за счет банковских активов, заинтересовав банковскую систему в этих вложениях под государственные гарантии и тому подобное.

Конечно, чтобы мобилизовать все эти средства, нужна серьезная законодательная реформа, включая изменение налоговой системы, которую нужно нацелить на стимулирование. Нужны существенные реформы с привлечением средств из зарплаты и доходов по примеру всех зарубежных стран в области финансирования пенсионного обеспечения, страхового обеспечения, финансирования здравоохранения, введения нормального налога на недвижимость и перехода к частной собственности в обслуживании жильем и рыночным ценам на коммунальные услуги. Но все это надо делать постепенно, продуманно, с возмещением людям возможной потери их заработка и дохода, через индексирование заработной платы и т.д. Удивляет не то, что это не делается, хотя весь опыт мирового социально-экономического развития использует эти методы. Удивляет то, что это даже не обсуждается. Никому в голову не приходит такая простая мысль, что нельзя в перспективе 50 млн пенсионеров обеспечить достойной пенсией за счет предприятий и госбюджета без использования средств населения. Таких стран просто нет и не может быть в рыночной экономике, это тупик по фи-

нансированию пенсий. Практически нет стран, где бы люди не участвовали в оплате части обязательного страхования по здравоохранению. Невозможно достойное финансирование здравоохранения без привлечения средств населения, тем более при крайне низком подоходном налоге.

ПРЕОДОЛЕТЬ ГЛУБОКИЙ БЮДЖЕТНЫЙ КРИЗИС

Начать здесь нужно, по-видимому, с налоговой системы, которая в России не соответствует сложившейся рыночной системе. 200 лет существует налоговая система в мире. Каждая страна строила свою налоговую систему, экспериментировала. Но вот прошло 200 лет, и все рыночные страны пришли к одному и тому же — надо, чтобы примерно половину налоговых средств платило население, а другую половину — бизнес. Россия пошла, как всегда, своим путем. В России 15% налогов платит население и 85% — бизнес. В результате у бизнеса остается недостаточно средств для развития, а, значит, и для увеличения налоговых сумм.

Отсутствие прогрессивного налога на доходы людей увеличивает разницу между богатыми и бедными в России. Здесь средний доход 10% богатых семей в 15,5 раз выше душевого дохода 10% бедных семей. В западноевропейских странах эта разница составляет 8–10 раз, в том числе в странах социал-демократической направленности и в Японии — 5–6 раз. Напомню, что в Советском Союзе эта разница составляла 3 раза и только к 1990 году поднялась до 4 раз.

У нас отсутствует нормальный налог на недвижимость и на землю, при введении которого богатые бы получали относительно меньше средств. К тому же у нас нет и обязательных платежей со своих доходов на пенсии и на страховку по здоровью, которые тоже носят в других странах

солидарный характер. И поэтому за счет средств богатых частично обеспечиваются и пенсии, и медицинская страховка малообеспеченных семей.

В то же время десятки миллионов человек, включая и обеспеченных людей, получают разного рода пособия и льготы от государства, что совершенно неуместно для хорошо обеспеченных людей. В налоговой системе России нет реального понятия «налогоплательщик». Ведь во всем мире налогоплательщиком является семья, ведущая общее хозяйство, и поэтому через налоговую систему государство знает душевой доход своих граждан, оно освобождает от налогов людей с низким душевым доходом. В России ничего подобного нет. Мы реально не знаем, как живут люди, пользуясь лишь выборочными обследованиями. Платим пособия отнюдь не малообеспеченным и т.д. Так что налоговая система нуждается в крупных изменениях.

Если взять налоги для бизнеса, то доля нефти в ВВП России составляет 10%, а доля взыскиваемых с нефтяных компаний составляет 40% от всех налогов. Это хорошо, когда цена на нефть росла, и тогда бюджет увеличивался быстрее, чем ВВП, и тянул его за собой. Но это было в 1999–2008 годах. А в 2008–2018 годах положение обратное. Цена на нефть с 110–115 долларов за баррель снизилась сначала до 60, потом до 30–40 и снова стала повышаться после соглашения о замораживании добычи нефти и достигла уже 66. И поэтому доходы бюджета стали расти медленнее ВВП. Бюджет стал просто сокращаться из-за высокой доли нефтяных налогов и потянул экономику вниз. Поэтому стагнация экономики с 2013–2014 гг., переход к рецессии в 2015–2016 гг., а потом от рецессии опять возврат к стагнации в 2017–2018 годах — это все во многом рукотворное творение Минфина, Минэ-

кономразвития и Центробанка. Их политика вызвала на «пустом месте» стагнацию.

После того как мы восстановили докризисный уровень 2008 года, разогнали инвестиции в 2010–2012 году до 8–10% в год, стали увеличивать ВВП по 4%, реальные доходы по 3% в год, снизили годовую инфляцию в 2012 г. до 5,1% в год при ключевой ставке 5,5%. К тому же цена на нефть выросла до 110–115 долларов за баррель, и объем экспорта увеличился на 50 млрд долларов. Помимо этого, в эти годы мы заняли на мировом рынке 80 млрд долларов в 2010 году, 100 млрд — в 2012 году и 90 млрд — в 2013 году, а всего — 270 млрд долларов, доведя наш долг с 470 до 730 млрд долларов. Баснословная цифра! Казалось, что в 2013 году и последующие годы мы, по крайней мере, продолжим развиваться по 3–4% в год, а может быть и лучше, если немножко мобилизоваться. Радужные планы строились до 2020 г. Оптимизм пронизывал и указы Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2012 г.

И вдруг с 2013 года мы оказались в стагнации. Промышленность — нулевой рост. Инвестиции — ноль против большого роста в предшествующие годы. Финансовый результат предприятий и организаций на 15% снизился и т.д. А в первом квартале 2014 года еще до присоединения Крыма, до санкций, до снижения цен на нефть и девальвации рубля прирост ВВП упал в 2 раза с 1,3% в 2013 году до 0,6% в первом квартале 2014 года, который, кстати, сохранился на весь год. Как это могло произойти? Никаких внешнихотягощающих факторов не было. Это было создано руководителями госорганов. С 2013 года бюджет ежегодно стал сокращать инвестиции и по федеральной линии, и по линии регионов. Крупнейшие корпорации, контролируемые государством

(Газпром, Роснефть, РЖД, Ростехнологии, Росатом и др.), на 30% за последующие 3 года снизили инвестиции, на 25% сократили инвестиционный кредит банки, прежде всего государственные — Сбербанк, ВТБ и др.

Так что снижение инвестиций по предприятиям и организациям, контролируемым государством, составило в 2013–2016 годах 25%. Частные инвестиции в основной капитал за это время выросли по физическому объему на 10%. Но это не смогло компенсировать 20-процентное снижение инвестиций у государства. Их доля была около 50%. Поэтому инвестиции сократились на 11%. Какой экономический рост может быть при сокращении инвестиций?

Одновременно снизилось финансирование человеческого капитала, прежде всего по линии образования — ключевой части «экономики знаний», оно снизилось на 15% в составе ВВП. В рейтинге финансирования образования (4,1% к ВВП) Россия занимает 98 место из 153 стран, а по здравоохранению (5% к ВВП) — 122-е из 190 стран.

Так что динамика нашего бюджета в годы стагнации и рецессии играла двоякую негативную роль в прекращении социально-экономического роста нашей страны. Во-первых, из-за того, что сам объем бюджета сокращался. И во-вторых, в составе бюджета статьи расходов, которые вызывали экономический рост (национальная экономика, образование и здравоохранение), тоже сокращались, поскольку шло перераспределение средств в пользу оборонных и силовых ведомств.

Президентом России, как уже говорилось, поставлена задача о возобновлении ускоренного экономического роста. ВВП на душу населения предстоит поднять до 2025 года в 1,5 раза. Поэтому каждый год дорог.

С чего надо начать, если поставлена эта главная задача?

С поиска инвестиций из активов банков, из средств предприятий, за счет приватизации, за счет использования золотовалютных резервов, за счет облигационного займа у населения, за счет увеличения госдолга и других новых источников. На этот период можно пойти на увеличение дефицита бюджета до безопасного уровня в 3% к ВВП, а это — 3 трлн рублей дополнительных средств в год, которые могут быть направлены на развитие страны. Но ничего этого не сделано.

Главное внимание в начале процесса шестилетнего срока Президента РФ уделено, во-первых, повышению пенсионного возраста. И, во-вторых, повышению ставки НДС. Этому сопутствует постепенное увеличение налогов на недвижимость, увеличение налогов в нефтяной сфере, прекращение долевого жилищного строительства, а значит, повышение цен на жилье на 20–30% и сокращение его строительства на 30 и более процентов. В результате, как считает Минэкономразвития, в 2019 году будет не ускорение социально-экономического развития, а его значительное замедление и по инвестициям, и по реальным доходам, и по промышленности, и по валовому внутреннему продукту.

Все мы понимаем, что инвестиции, которые вкладывались в 2015–2016 годах в период рецессии, когда они резко сокращались, приведут в 2019–2020 года к сокращению ввода основных фондов. А небольшой рост инвестиций в 2017–2018 годах приведет к стабилизации ввода основных фондов в 2021–2022 годах. То есть мы уже заложили фундамент сокращающихся темпов на ближайшие 3–4 года.

С большой вероятностью можно сказать, что в эти годы будет продолжена стагнация. Как же за счет последних 3 лет

нам удастся выполнить крайне высокие и напряженные показатели, намеченные в Указе от 7 мая 2018 года? Думаю, что большинство этих показателей обречены на невыполнение. Государственная Дума рассмотрела уже проектировки бюджета до 2020–2021 года. Никаких структурных реформ, никаких серьезных стимулов, никаких крупных новых источников инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал там не предусмотрено. Составленный бюджет — это бюджет стагнации.

Крупные изменения в доходах и расходах бюджета, на наш взгляд, должны быть осуществлены за счет новой реформы пенсионного обеспечения с позиции участия людей в финансировании накопительных пенсий. Такое же участие должно быть и в финансировании медицинского страхования. Предстоит также активная работа по скорейшему формированию в России небанковских фондов «длинных» денег, для чего нужна реформа в области страхования жизни, новые льготы и стимулы по развитию паевых фондов, снижению процентных ставок по ипотеке и др.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ РОЛЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Активы банковской системы в России — главный денежный мешок, который есть в стране. Он в два с лишним раза больше всех государственных средств, не говоря уже о других, более мелких ресурсах. Поэтому главным источником социально-экономического роста могут стать активы банковской системы. Сегодня меньше 2% этих активов используется в виде инвестиционных кредитов. Их можно увеличить в 3–5 раз: вместо 1,5 трлн рублей до 4–7 трлн. По примеру

США, Японии и других развитых стран формирование столь крупных «длинных» денег банковской системы можно было бы осуществить следующим образом.

Минфин переходит к дефицитному бюджету в 3 трлн рублей. И на эту сумму под 2–3% годовых выпускает долговременные ценные бумаги — от 5 до 25 лет (кстати, США такие бумаги выпускают на 40 лет, а в Японии — даже на 50). Эти ценные бумаги частично покупает Центробанк, у которого около 5 трлн денежных средств, меньшую сумму — Внешэкономбанк, Сбербанк-Капитал, ВТБ-Капитал, Агентство по жилищной ипотеке и другие крупные инвестиционные фонды. Под залог купленных ценных бумаг Центральный банк, Внешэкономбанк, Агентство по ипотеке и другие инвестиционные фонды могут выдавать кредиты под 3–4% годовых коммерческим банкам или напрямую крупным хозяйственным организациям на срок от 5 до 25 лет. Технологическое обновление действующего производства обычно обеспечивает окупаемость 5–7 лет, создание новых предприятий в высокотехнологических отраслях — 10–15 лет, а создание транспортной инфраструктуры — до 20–25 лет. Кроме того, и инвестиционные кредиты можно финансировать за счет средств от приватизации, 150–200 млрд долларов золотовалютных резервов при заимствовании по 20–30 млрд долларов в год, облигационных займов для населения по жилью и автомобильной промышленности. Наше государство сегодня имеет внешнеэкономический долг 3–4% ВВП, а с внутренним долгом — около 15%. Так что оно может нарастить этот долг до 30–40% ВВП, то есть занимать по 30–40 млрд долл. в год дополнительно суммарно до 400–500 млрд долларов у Китая, Тайваня, Японии, Саудовской Аравии и стран ОПЕК, у инвестиционных фондов и международных банках.

Эти средства тоже надо использовать на возмездных началах, чтобы гарантировать государству их возврат в запланированные сроки.

Вообще резкий рост инвестиционного кредита для новых инвестиций позволит более целеустремленно использовать деньги, поскольку их надо возвращать. Под них составляются конкретные проекты. Очень важно привлечь к этому коммерческие банки, располагающие квалифицированными кадрами, которые могут помочь предприятиям и организациям заказать нужное им оборудование за рубежом по приемлемым ценам с хорошей юридической проработкой этих вопросов и так далее. Как видно, банки здесь сыграют главенствующую роль в том, чтобы раскрутить народное хозяйство и обеспечить быстрый рост инвестиционного кредитования, наиболее эффективного инструмента для инвестиций. Такой подход обяжет Центральный банк повернуться лицом к социально-экономическому развитию, которое должно стать главной его задачей.

ПЕРЕХОД К ПОЛИТИКЕ ФИНАНСОВОГО ФОРСАЖА — ПУТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА

Как известно, основными источниками экономического роста являются инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал — в «экономику знаний», которая является главной составной частью человеческого капитала. На наш взгляд, чтобы переломить ситуацию и выйти на реальный экономический рост, нужно увеличивать инвестиции и вложения по 8–10% в год. Тогда доля инвестиций к 2020 году достигнет 22%, доля «экономики знаний» — 18% в ВВП, а к 2025 году, если это продолжить, то доля инвестиций может вырасти до 27%, а доля вложений в «экономику

ку знаний» — до 25%. Это обеспечит экономический рост в размере 3% к 2021 году, если со следующего года начать финансовый форсаж, и до 4–5% к 2025 году. При продолжении такого темпа до 2030 года удельный вес инвестиций в основной капитал надо довести до 30–33%, а долю вложений в человеческий капитал — до 35%. Тогда ежегодный рост экономики поднимется до 5–6%.

Поскольку объем инвестиций в основной капитал составляет около 16 трлн рублей, а вложения в «экономику знаний» — около 11 трлн рублей в 2017 году, то для 10-процентного их роста требуется 1,5–2 трлн ежегодно до 2020 года средств в инвестиции и до 1,5 трлн рублей средств в «экономику знаний». Эти средства легко собрать и за счет увеличения инвестиционных кредитов банковской системы, и за счет других мер, о которых было сказано выше. Крайне важно, конечно, чтобы эти инвестиции были нацелены на принципиальное технологическое обновление действующего производства и на быстрый рост высокотехнологических отраслей, а также на формирование современной транспортно-логистической инфраструктуры.

Термин «финансовый форсаж» заимствован из книги под редакцией Я. Миркина по ускоренному развитию стран Юго-Восточной Азии и, прежде всего, Японии, Китая и Южной Кореи. Рост в Японии пришелся на 1950–1970 годы, Южной Кореи — на 1970–1990 годы и Китая — на 1980–2010 годы. В среднем за 10 лет эти страны увеличивали свой ВВП в 1,6–2 раза. Наивысшие темпы имел Китай.

Мною предпринята попытка примерить этот опыт к России. Сегодняшний уровень России, надо сказать, существенно выше, чем был у Китая, Японии и Южной Кореи, когда они начинали финансовый форсаж. Мы намного

выше и по уровню экономического и социального развития, и особенно по уровню образования, имеем более развитую промышленность, серьезные научно-технические заделы в отдельных отраслях, устойчивость социально-политического положения.

Эти страны, прежде всего, повысили долю инвестиций в валовом продукте в 1,5–2 раза, увеличили объем кредитования, особенно инвестиционного, в 2–2,5 раза. Они увеличили монетизацию экономики за весь период в 2,5–3 раза при снижении ссудного процента в банках и инфляции в 2–2,5 раза. При этом часть кредитов была получена за счет дефицита бюджета, использования резервов и наращивания долгов, в том числе по линии государства. Серьезную работу они провели по стимулированию экономического роста и инвестиций. Широко использовались также средства населения.

Вся работа центральных банков и бюджета была подчинена этому процессу, который довольно жестко управлялся. Был создан специальный орган управления при высшей власти — Агентство по реформам, которое осуществляло координацию всей деятельности через систему планирования. В это же время они существенно развили конкурентную среду, ввели более жесткое антимонопольное законодательство, широко используя иностранный опыт, иностранную технику. Они создали лучшие условия для привлечения в страну зарубежного капитала, хотя ни в одной из этих стран он не играл главной роли.

При финансовом форсаже, о котором говорилось выше, к 2024–2025 году можно выйти на темпы 4–5%, а к 2030 году — на темпы 5–6%. При этом будет выполнена поставленная президентом задача о том, чтобы вывести экономику

России с 6-го на 5-е место в мире по паритету покупательной способности, опередив Германию.

Если же продолжить действующие тренды, то ВВП России будет увеличиваться ежегодно до 2024 г. по 3%, как это предусматривает Минэкономразвития, представившее в сентябре 2018 г. эти прогнозные показатели в правительство. В этом случае Россия, скорее всего, не поднимется с 6-го на 5-е место по паритету покупательной способности ВВП, а опустится на 7-е место, пропустив вперед Индонезию с ее 240 млн населения, которая развивается существенно быстрее.

В современных условиях, в отличие от указанного опыта азиатских стран, ключевое значение в эффективности финансового форсажа имеет ставка на цифровую экономику, широкое использование информационных технологий, искусственного интеллекта, автоматизированных систем управления. Если дальше развиваться по 5% в год, то к 2030–2035 годам мы достигнем уровня развитых стран мира по экономическим и социальным показателям, а к 2035–2040 годам уровня самых развитых стран — стран G7 по этим показателям. Ориентиром здесь может быть Германия, которая сегодня производит на душу населения ВВП около 50 тыс. долл. против 25–28 тыс. долл. в России. При этом к 2030 году по экономическим показателям мы достигнем уровня развитых стран и по социальным показателям, особенно по продолжительности жизни, жилищной благоустроенности и обеспеченности жильем и по здравоохранению — до 2035 года.

В международных рейтингах к 2035 году по этим показателям мы могли бы достигнуть примерно 10 места по образованию, 30 места — по здравоохранению, 20 места — по ВВП на душу населения.

СТОЛЫПИНСКАЯ РЕФОРМА И «РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТРЕВОЖНЫХ СЛУХОВ» STOLYPIN REFORM AND “SPREADING ALARMING RUMORS”

Е.И. ЩЕРБАКОВА

Кандидат исторических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой
общественно-гуманитарных дисциплин
Московской школы экономики МГУ
им. М.В. Ломоносова

E.I. SHCHERBAKOVA

Ph.D (History), associate professor, Social and
Political Sciences Department Deputy Head
of Moscow School of Economics M.V. Lomonosov
Moscow State University

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам реализации Столыпинской реформы, нашедшим отражение в отчетах Департамента полиции о настроениях населения. Отмечены многочисленные случаи сопротивления землемерам, препятствия, которые чинили односельчане своим соседям, пожелавшим выделиться из общины. Слухи, которые циркулировали в крестьянской среде, рассматриваются как фактор, тормозивший проведение экономических преобразований в деревне. Крестьяне надеялись получить помещичьи земли даром. Проведение аграрной реформы с 1 мая 1915 года было приостановлено.

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of Stolypin's reform implementing, which reflected in the reports on the moods of the population preserved in the Police Department fund. There were numerous cases of resistance to surveyors, various difficulties that fellow villagers raised to their neighbors, who wished to stand out from the community. Rumors that were spreading among peasants are considered as a factor hampered agrarian reform. Peasants hoped to obtain lands of the landlords free of charge. They said, that the land will be given in connection with the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 and the 300th anniversary of the Romanovs House. Since the beginning of the World War, the situation has worsened, because of soldiers' wives demanded to stop land management before their husbands return. The agrarian reform was suspended since May 1, 1915.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Столыпинская аграрная реформа, слухи, отчеты, настроения населения, Департамент полиции, землеустроительные работы, крестьянская община, сопротивление, крестьяне.

KEYWORDS

Stolypin's agrarian reform, rumors, reports, moods of the population, Police Department, land management works, peasant community, resistance, peasants.

*«Чтобы стать хорошим экономистом,
нужно быть историком и философом»*

Джон Кейнс

Экономика, несмотря на математизированность, — гуманитарная наука, она не может не учитывать человеческий фактор. Экономические процессы происходят

в социуме в тесной взаимосвязи с политическими и культурными явлениями. Причем не только пресловутый «базис» влияет на «надстройку», бывает и наоборот. Экономические преобразования нередко тормозятся факторами, имеющими совершенно нерациональные свойства, например — слухами. В этом нетрудно убедиться, познакомившись с тем, как протекала столыпинская аграрная реформа.

Источник, на который мы будем опираться, достаточно информативен. Слухи как показатель «общественных настроений» тщательно фиксировала политическая полиция Российской империи. С 1909 по 1915 год, согласно распоряжению председателя Совета министров и министра внутренних дел Петра Аркадьевича Столыпина¹, Департамент полиции ежемесячно получал отчеты (или отзывы) губернаторов о настроениях населения.

Реализация столыпинской реформы, как известно, была связана с немалыми трудностями. Причем исходили они не от бюрократических препон, как это обычно случается в нашем царстве-государстве, а от самой деревни, усугубляясь различными слухами, которые могли носить самый фантастический характер.

Нормативную базу аграрной реформы составляли положения о землеустройстве от 9 ноября 1906 года и от 14 июня 1910 года. 9 ноября 1906 года Столыпин, не дожидаясь созыва II Думы, царским указом провел отмену закона 1893 года о неприкосновенности общины. Отныне крестьяне получали право выхода из общины с закреплением в личную собственность причитающейся им части общинной земли. Для поощрения выхода из общины указ предусматривал

¹ Циркуляры от 8 мая и 16 ноября 1907 г. за № 290 и 695.

льготы: излишки сверх нормы душевого надела можно было получить по выкупным ценам 1861 года, если же в данной общине переделы не производились в течение 24 лет, то бесплатно. Крестьянин имел право требовать выделения всех угодий к «одному месту» в виде хутора или отруба. Для этого требовалось согласие сельского схода, однако если в течение 30 дней сход согласия не давал, то выдел производился распоряжением земского начальника. 14 июня 1910 года положение «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» появилось уже в качестве закона, принятого Государственной Думой, одобренного Госсоветом и утвержденного императором Николаем II. И, наконец, 29 мая 1911 года был издан закон «О землеустройстве», который существенно детализировал вышедшие ранее положения. На его основе 9 июня 1911 года был опубликован «Наказ Землеустроительным комиссиям».

Уже в 1909 году чинам Департамента полиции было очевидно, что «выделение надельных земель на отруба может вызвать недовольство крестьян, остающихся в общине» [1, л. 31]. В 1910–1912 гг. в большинстве общин должен был произойти очередной передел пахотной земли. Размер семейного надела определялся по ревизским мужским душам. То есть, если за 12 лет, прошедших с последнего передела, семья уменьшилась, фактический размер душевого надела увеличивался, и — наоборот. Те крестьяне, у которых получился «прибыток» земли, были обеспокоены грядущими неизбежными отрезками, и закрепить излишки оказавшейся в их распоряжении общинной земли в собственность по новому закону о землеустройстве представлялось им хорошим выходом из ситуации. Они-то и стремились выйти на отруба. Кроме того, при выделе участков им была предоставлена

возможность укреплять в собственность лучшие общинные земли. Естественно, это не могло не задевать интересы остальных общинников, в особенности тех, кто ожидал прирезки земли.

В 1909–1910 гг. волнения происходили по всей центральной России, особенно в конце весны и летом, когда погода в нашей зоне рискованного земледелия позволяет проводить землеустроительные работы. В течение лета неоднократно наблюдались случаи сопротивления землемерам, которые межевали землю для выделяющихся из общины [1, л. 32, 38, 44, 92, 92 об., 100, 110, 125]. Перепадало на орехи и самим «отрубщикам». Для того чтобы вызвать гнев односельчан, выражавшийся, прежде всего, в «мордобитии» и поджогах имущества, достаточно было простого стремления выделиться из общины [1, 32, 92 об., 111].

В Департаменте полиции отмечали также нежелание части крестьян укреплять в собственность свои надель, объясняя это явление не пропадающей у крестьян надеждой получить помещичьи земли даром. Испокон веков в народе считали, что земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. «Мы ваши, — говорили крепостные помещикам, — а земля наша». Как и много лет назад, крестьяне ждали улучшения своего положения от щедрот царя-батюшки в связи с различными юбилейными датами, которых на ближайшее время приходилось целых две — 100-летие Отечественной войны 1812 года и 300-летие Дома Романовых. Ждали как минимум «сложения недоимок» [1, л. 55 об.; 2, л. 53], такое действительно случалось, например, при восшествии на престол нового императора. Ждали и земли...

Внимание политической полиции было сосредоточено не только на фиксации «тревожных слухов», но и на поис-

ке источников их распространения. Среди этих источников указывалось «возвращение на родину административно-высланных» [1, л. 92 об.] — заведомо вредоносных элементов, и молва о предстоящем в 1912 году «отобрании земли у помещиков», которым оставят одни лишь усадьбы [2, л. 25 об., 41]. Этот слух впервые зафиксирован летом 1911 года в Нижегородской губернии. К сентябрю 1911 года слух конкретизировался. В Тверской губернии говорили, что «крестьяне-общинники получают дополнительные наделы и что на эти наделы будут обращены казенные, удельные и помещичьи земли» [2, л. 30 об.].

Кроме того, Департаменту полиции удалось обнаружить форменную диверсию со стороны Всероссийского комитета партии крестьян — организации со штаб-квартирой в Москве, которая возникла, как и многие другие вполне легальные общества, после Манифеста 17 октября 1905 года, провозгласившего свободу собраний и союзов.

«Означенные толки, — считали в политической полиции, — появились, по-видимому, вследствие рассылки из Москвы Всероссийским комитетом партии крестьян, объединенных на почве Высочайшего Манифеста 17 октября анкетных листов» [2, л. 37]. В анкетах, которые были распространены по волостным правлениям в количестве 30 000 экземпляров, на сельских и волостных сходах предлагалось обсудить вопросы, «совершенно недопустимые и могущие вызвать смуту в крестьянской среде», а именно — малоземелья, обременительности податей, отношения к крупным землевладельцам. Крестьяне должны были сообщить о результатах обсуждения «Всероссийскому комитету партии крестьян, объединенных на почве Высочайшего Манифеста 17 октября» и уведомить, придет ли то или иное

сельское общество делегатов на съезд партии, который планировалось провести в январе 1912 г. В предисловии к анкете говорилось, что крестьянам необходимо объединиться для выборов в IV Думу и послать туда своих представителей.

Партию, как угрожающую общественному спокойствию, естественно, немедленно закрыли. А на места полетел циркуляр от 12 сентября 1911 года за № 58977, в котором губернаторам настоятельно рекомендовалось не допускать распространения этих анкет и обсуждения их на крестьянских сходах.

Во Владимирской губернии беспокойная молва приобрела новый аспект. Там рассуждали о том, что «будто бы депутаты Государственной Думы передавали летом, что ими внесен законопроект о принудительном отчуждении помещичьей земли в пользу крестьян, но законопроект этот нынешней Думой „положен под сукно“, новую же Думой будет рассмотрен в первую очередь» [2, л. 41]. Действительно, грядут думские выборы и брожению в крестьянской массе можно найти еще одно объяснение — предвыборную агитацию.

Между тем слухи ширились и усложнялись, приобретая все более тревожный характер. В Тамбовской губернии на фоне продолжающихся беспорядков при землеустроительных работах и пожаров в помещичьих имениях ходили упорные толки о разделе помещичьих земель в связи с предстоящим в 1912 году восстанием. Под влиянием этих известий крестьяне отказывались от укрепления за собой земли даже на самых выгодных условиях, «опасаясь лишиться по случаю выхода из общины дополнительного надела» [2, л. 50]. Местные власти сообщали, что слух этот идет из соседней Воронежской губернии — так делали нередко, чтобы снять с себя ответственность.

Но Департамент полиции волновало общее состояние дел: губернаторам, капитанам-исправникам и земским начальникам, независимо от местонахождения, было предписано при каждом удобном случае разъяснять крестьянам вздорность этих слухов. Секретным циркуляром министра внутренних дел от 19 января 1912 года за № 7566 губернаторам предлагалось издать «обязательное постановление» следующего содержания: «Воспрещается публичное разглашение или распространение имеющего общегосударственное значение ложного, возбуждающего общую тревогу слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии» [2, л. 87].

Рассуждая о жизни крестьянского мира, нельзя сбрасывать со счетов такие явления, как неурожай или, наоборот, урожайный год, страда и тому подобные факторы бытия деревни. В 1911 году Поволжье постиг неурожай, и в Казанской губернии возникли совершенно фантастические слухи, «будто бы, Государь Император намерен отказаться от престола и выехать за границу; что Государыня Императрица пред рождением Наследника Цесаревича дала обет наделить крестьян землей, но Его Величество не позволил исполнить это, ввиду чего Государыня Императрица уже три года тому назад выехала за границу, к своему Августейшему Родителю, с Наследником Цесаревичем, не просвещенным даже св. крещением...» [1, л. 54]. В Тверской губернии говорили, «будто бы у Государя Императора родился второй сын, остающийся второй месяц некрещеным, ввиду нежелания Государыни Императрицы Марии Федоровны согласиться на необходимость дополнительного наделения крестьян землей по случаю этого события» [1, л. 69]. Рассуждали, что «в 1912 году предстоит наделение крестьян землей и если

такое не состоится почему-либо, то надо ожидать беспорядков, подобных бывшим в 1905 г.; что совпадение первого дня Св. Пасхи с днем Благовещения является в этом отношении предзнаменованием весьма важного значения, и т.п.» [1, л. 54; 2, л. 1 об.]. Крестьяне пытались найти объяснение своим бедам, так же как Департамент полиции пытался обнаружить источники будоражащих народные умы толков.

«Вздорные слухи» касались и самих столыпинских законов о землеустройстве. «Зажиточные крестьяне, — сообщали из Воронежской губернии в январе 1912 года, — агитируя против землеустроительного закона 14 июня 1910 года, рассказывают, что закон этот издан правительством не для улучшения крестьянского быта, а для удобства господ и управления» [2, л. 1 об., 6]. В Миргородском уезде Полтавской губернии говорили даже о том, что Столыпин «противился увеличению крестьянского землепользования», и после его гибели этот вопрос получит «благоприятное направление, что к весне будет новая нарезка земли и столь высокое обложение ее, что богатые люди принуждены будут отказаться от земли, которую казна поделит между всеми, что поэтому покупку земли у помещиков надо прекратить, так как впоследствии ее будут раздавать даром». «Осведомленные» люди уточняли, что «Государь Император после убийства Статс-Секретаря Столыпина уехал в Крым, оставив управление государством, так что ныне некому управлять страной» [2, л. 5].

Кстати, наиболее толковое объяснение состоянию крестьянского мира поступило от подведомственных Департаменту полиции учреждений Киевской губернии, которые серьезно проштрафились в сентябре 1911 года в связи с убийством Столыпина и наверняка были не прочь загла-

дить вину: «Настроение крестьянского населения может быть признано наружно спокойным; внутренней политикой оно не интересуется и лишь мечтает об увеличении своего землепользования, будучи убеждено в том, что обладает исключительным правом извлекать доход из земли. Поэтому по всей губернии существует скрытое, все возрастающее раздражение крестьян против помещичьего класса и недоверие к правительственной власти, защищающей будто бы помещиков за подкуп, и в случае появления ловких агитаторов события революционного времени неминуемо повторятся» [1, л. 73].

Ко всем прочим бедам губернии прибавилась очередная «диверсия» со стороны абсолютно лояльных властям, но, вероятно, недалеких представителей черносотенного «Союза русского народа». «В отчетном месяце, — докладывали из Киева, — отделы союза русского народа начали среди крестьян нескольких уездов агитацию, обещая записывающимся в союз надел землями, принудительно отнятыми от помещиков» [1, л. 73]. Вскоре усилиями местных властей эта порочная предвыборная агитация была прекращена.

Помимо упования на «высочайшую милость», крестьян Московской, Нижегородской, Орловской, Тверской, Новгородской, Рязанской, Смоленской и прочих губерний не покидала надежда разжиться помещичьей землей с помощью «всеобщей экономической забастовки». Видимо, 1905 год ясно показал эффективность подобных мер воздействия на правительство. И чем дальше, тем больше расчет на «Всемиловнейшие Манифесты 1912 и 1913 гг.» уступает место угрозам: всеобщая забастовка, революционные выступления, «всеобщий российский пожар», «предстоящее избие-ние чинов полиции и других должностных лиц» [1, л. 56 об.;

2, л. 2] и, наконец, «политико-экономический переворот в пользу крестьян» [1, л. 69]. К концу 1911 года слух о том, «что последует революция, которая освободит крестьян от притеснений других сословий, что помещики лишатся принадлежащей им земли, которая будет разделена между крестьянами» [1, л. 57; 2, л. 7], стал устойчивым. И в течение 1912 года в крестьянском мире явно нарастает тенденция к радикальному решению насущных проблем без участия правительства.

В Воронежской губернии в январе 1912 года среди крестьян ходили слухи об «особом „народном“ правительстве, которое весной, во время всеобщей забастовки, отберет всю землю от помещиков и крестьян, вышедших на отруба, и отдаст таковую общинникам, помещиков же и отрубщиков будут жечь, что нечего покупать землю при посредстве банка, так как впоследствии земля будет раздаваться всем даром, что весной не надо сеять хлеб, так как явится вооруженная боевая партия, которая возьмет верх над господами, ограбит их и раздаст все крестьянам, которым хватит дарового пропитания на целый год» [2, л. 1 об.; 2, 5]. Подобный «перedel» имущества, как минимум «отнятие земель у богатых и раздача ее бедным» [1, л. 69], наверняка был бы с энтузиазмом встречен наименее состоятельной частью крестьянства. Причем кто-то действительно этим слухам верил — Департамент полиции фиксировал «случаи отказа ... от покупки земель у частных владельцев, несмотря на выраженное ранее согласие» [2, л. 5].

К весне 1912 года снова активизировались толки о том, что перемен надо ждать на Пасху — в страстную субботу предстоит разгром помещичьих усадеб и ожидается «отобрание помещичьей земли в пользу крестьян-общинников»

[2, л. 7]. Возобновились и фантастические известия, которыми особенно отличалась Тверская губерния (возможно, потому, что расположение между двух столиц делало ее перекрестьем путей разнообразных «приближенных ко двору» проходимцев). В городе Осташкове «распространяется слух, — говорится в отчете, — о несогласиях между Государыней Императрицей и вдовствующей Государыней Императрицей из-за желания ее Величества возвести на престол Великого Князя Михаила Александровича» [2, л. 14]. Вероятно, недовольство в народной среде вызывал не только Столыпин, но и Николай II. О Михаиле Александровиче как о претенденте на российский престол и народном благодетеле в Тверской губернии поговаривали и раньше. В Тверской губернии «осведомленные» люди рассказывали, что «Великий Князь Михаил Александрович будет добиваться силою оружия, с помощью крестьян и солдат, восстановления утраченных прав на престолонаследие, которых Его Высочество лишен своими врагами, и в награду за помощь будет бесплатно раздавать помещичьи земли» [1, л. 57].

Слухи о долгожданном «Всемиловейшем Манифесте» постепенно затихают, появляясь все реже и реже лишь в некоторых губерниях, например, в Московской, Новгородской, Херсонской и Черниговской. В 1913 году 300-летие Дома Романовых прошло, ничего не изменилось, и стало окончательно ясно, что власти крестьян не облагодетельствуют. Теперь все проблемы на селе были связаны уже с вполне реальными «недоразумениями на аграрной почве» и «деятельностью землеустроительных учреждений». В Новгородской и Астраханской губерниях спорили о месте и качестве участков, которые выделяли хуторянам. В Рязанской жгли усадьбы помещиков, чтобы вынудить их продать свои земли

по дешевым ценам, — а значит, на даровую раздачу земли уже не надеялись.

Довоенный 1914 год не принес ничего нового. Изредка повторяющиеся конфликты общинников с хуторянами и отрубщиками, никакой политической активности...

А вот с началом войны ситуация изменилась. Несмотря на подъем патриотических чувств и «единение общества», жены призванных в армию повсеместно требовали приостановления землемерных работ до возвращения их мужей. В Воронежской губернии «разверстку довели до конца под охраною отряда стражи». И там же возникли толки о предстоящем после войны «черном переделе», так как «в виде награды за понесенные ... во время войны жертвы» крестьянам будет передана вся частновладельческая земля. В сущности, мысль о наделении землей не покидала крестьян никогда, активизируясь при каждом случае, который народное сознание воспринимало в качестве значимого исторического события.

В 1915 году эта ситуация получила дальнейшее развитие. Сопротивление женщин землеустроительным работам не ослабевало; тем, кто уже получил землю по столыпинской разверстке, они упорно не позволяли пользоваться своими участками [3, л. 228 об., 235, 244, 249, 251]. Вероятно, во многом из-за этого проведение столыпинской аграрной реформы с 1 мая 1915 года было приостановлено.

В том же 1915 году в Тамбовской губернии зафиксирован слух о том, что «возвратившиеся с войны солдаты будут завоевывать крестьянам землю и без того не положат оружия» [3, л. 244]. Департамент полиции счел этот слух «ложным». Через два года он оказался правдой. Именно лозунг «Землю крестьянам!» принес большевикам победу в аграрной России.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 255. Д. 54.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 255. Д. 55.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 255. Д. 58.

List of Refrences

1. State Archive of the Russian Federation (SA RF). Fund 102. Inventory 255. Case. 54.
2. State Archive of the Russian Federation (SA RF). Fund 102. Inventory 255. Case. 55.
3. State Archive of the Russian Federation (SA RF). Fund 102. Inventory 255. Case. 58.

Контактная информация

Россия, Москва, Ленинские горы д. 1, строение 61

8 495 510-52-67

Igorfom63@gmail.com

Contacts

Russia, Moscow, Leninskie Gory 1, Building 61

8 495 510-52-67

Igorfom63@gmail.com

**ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
В РОССИИ:
ВСЕ ВНИМАНИЕ
К СРЕДНЕ- И ВЫСОКО-
ТЕХНОЛОГИЧНЫМ
ПРОИЗВОДСТВАМ**
**THE PROCESSING
INDUSTRY
IN RUSSIA: MID- AND
HIGH-TECH PRODUCTION
GETS SPECIAL ATTENTION**

Н.Н. ТЮТЮРЮКОВ

Профессор департамента налоговой политики и тарифно-таможенного регулирования ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», д.э.н.

N.N. TYUTYURYUKOV

Dr.Sc., Professor of the Department of tax policy and tariff and customs regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Г.Б. ТЕРНОПОЛЬСКАЯ

Профессор департамента учета, анализа и аудита ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», к.э.н.

G.B. TERNOPOLSKAYA

C.Sc., Professor of the Department of accounting, analysis and audit, Financial University under the Government of the Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Развитию промышленности в России уделяется серьезное внимание. Вместе с тем объем промышленности далек от того уровня, на которое может претендовать Россия. Рассмотрено место развития промышленности в России в мировом аспекте и в региональном разрезе – на территории СНГ. Показано, что в текущих условиях особое внимание необходимо уделять развитию тех видов деятельности в промышленности, которые реализуют средне- и высокотехнологичные производства. Предложен комплекс налоговых мер, обеспечивающих при устойчивом наполнении бюджетной системы рост средне- и высокотехнологичных производств.

ABSTRACT

The development of industry in Russia gets special attention from the policymakers. At the same time, the volume of industrial production is far from one that Russia may generate. This article considers the place of Russia in the world and in CIS in terms of industrial development. The authors further show that the Russian policymakers should put special emphasis on the development of mid- and high-tech industries and suggest the complex of tax measures to stimulate their development while maintaining stable inflows into the budget.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Обрабатывающая промышленность, средне- и высокотехнологичные производства, налоговая система, НДС, налог на прибыль, налоговое стимулирование, бюджет.

KEYWORDS

Processing industry, mid- and high-tech industry, tax system, VAT, corporate profits tax, tax stimuli, budget.

В настоящее время снова весьма актуальной стала задача проводить политику промышленного развития России, особенно когда возросли геополитические риски, усиленные технологическими санкциями со стороны других стран. Снова актуально звучат слова известного российского ученого начала XX века И.Х. Озерова: «Для развития промышленности той или иной страны нужны: 1) естественные богатства; 2) благоприятные условия для ее развития, заключающиеся в коллективной работе целого; 3) благоприятный человеческий материал, который мог бы пробудить эти богатства и обратить их на потребу человека (индивидуальные условия)»¹.

Естественные богатства в России имеются. Благоприятные условия для ее развития и благоприятный человеческий материал также имеются: это работающее население, имеющее среднее и высшее образование. А.А. Дынкин, выступая на Совете по науке и образованию 23 ноября 2016 г., сказал, что надо строить цепочку: производство высокой добавленной стоимости, высокая зарплата, высокое качество жизни, спрос и удержание высококвалифицированных рабочих мест на территории России².

¹ Три века. Россия от смуты до нашего времени. Исторический сборник под ред. В.В. Калаша. — М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1913. С. 286. (Библиотека «Руниверс»).

² Заседание Совета по науке и образованию, 23 ноября 2016 г. www.kremlin.ru/events/president/news/53313 — дата обращения — 24.11.2016.

Но если в начале XX века промышленность развивалась вне глобализационных процессов, то в XXI веке на развитие промышленности сильно влияют два взаимодополняющих процесса — глобализация и регионализация экономики. Наша страна развивается не в вакууме: нашими ближайшими соседями являются страны СНГ, с которыми у нас образован региональный Евразийский экономический союз, а нашим крупным торговым партнером является Европейский союз. Наши соседи также развивают свою промышленность, и на их успехи и неудачи мы также должны обращать пристальное внимание. Именно развитие промышленности позволит решить задачу роста производительности труда на 5% к 2024 г.

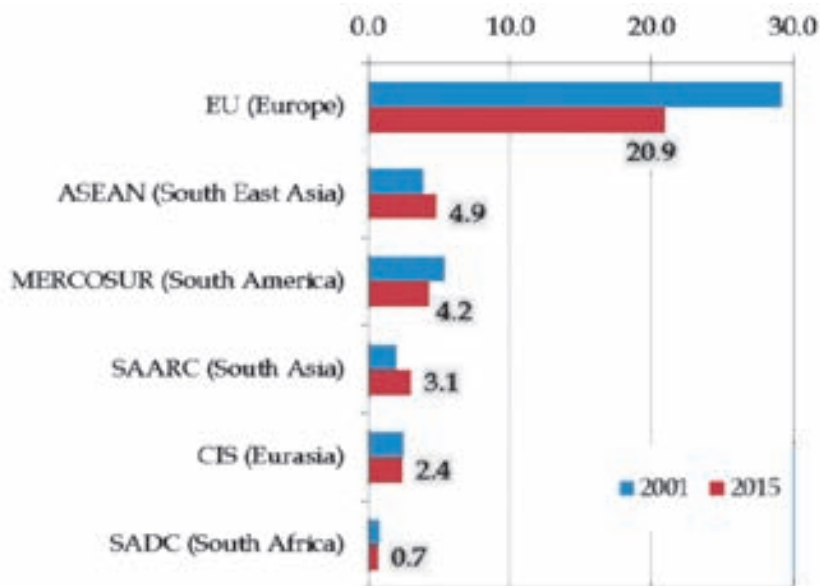
Рассмотрим объемы промышленного производства в разрезе региональных экономических союзов. СНГ (в котором лидирует Россия) по этому показателю находится между Южной Азией и Южной Африкой (см. рис. 1).

Каковы сейчас предпосылки создания и преумножения богатства любой страны? Это не просто ускорение промышленного роста, но переход к высокотехнологичной промышленности. Позиция России представлена на рис. 2.

К сожалению, в 2011 году вклад обрабатывающих производств в ВВП России резко снизился (см. рис. 3).

Пояснение — зоны (сверху вниз): услуги; оптовая и розничная торговля; строительство; производство и распределение электроэнергии; обрабатывающие производства; добыча полезных ископаемых; сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство.

При всем при этом доля валовой добавленной стоимости (ВДС) обрабатывающей промышленности России в СНГ растет (см. табл. 1).

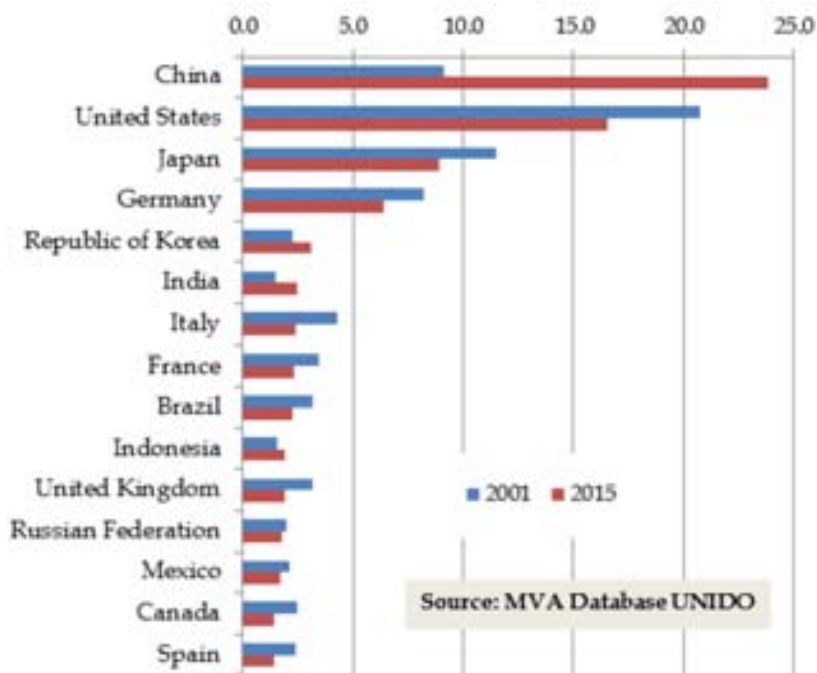

Source; UNIDO Database

Рис. 1. Удельный вес экономических объединений в мировом объеме промышленного производства, % (в постоянных ценах, 2010 г.)

Источник: материалы семинара Росстата и ЮНИДО о промышленном развитии в СНГ 2016, доклад «Международное сравнение показателей промышленного производства России и стран региона СНГ»

ВДС исследуется по трем укрупненным компонентам: переработка сырья, низкотехнологичные производства, средне- и высокотехнологичные производства. К сожалению, в структуре ВДС России все еще преобладают низкотехнологичные производства: до 2009 г. их доля в ВДС обрабатывающей промышленности России была несколько выше 50%, а в 2014 г. составила 48,9% ВДС. После 2009 года ВДС ускоренно создавалась лишь в транспортном машиностроении.

Рис. 2. Лидирующие производители обрабатывающей промышленности (в % к мировому итогу)

Источник: материалы семинара Росстата и ЮНИДО о промышленном развитии в СНГ 2016, доклад «Международное сравнение показателей промышленного производства России и стран региона СНГ».

С 2005 по 2014 гг. средне- и высокотехнологичные производства лучше всего развивались на территории СНГ в Казахстане (+7,1%) и в Азербайджане (+5,8%). Но максимальные значения ВДС средне- и высокотехнологичных производств на душу населения в СНГ на протяжении исследованных лет сохраняются в России: с 361,7 долл. США в 2005 г. достигли к 2014 г. 410,8 долл. США

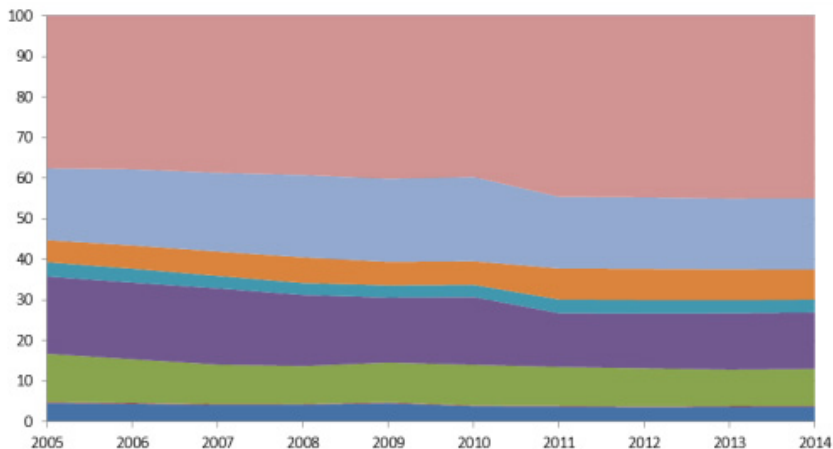

Рис. 3. Вклад основных секторов в ВВП экономики России

Вот с таких позиций России предстоит сделать рывок. Как его обеспечить? Обратимся к мировому опыту. ООН определило долгосрочные цели устойчивого развития, из которых цель 9 (создание устойчивой инфраструктуры, содействие всеохватной индустриализации и инновациям) наиболее отвечает названию Круглого стола. В развитие этой цели к 2030 г. предполагается существенно повысить уровень занятости в промышленности, увеличить долю промышленного производства в ВВП, расширить доступ малых предприятий к финансовым услугам, усилить их интеграцию в производство. Современной задачей развития промышленности определено улучшение благосостояния населения, основные факторы которого — зарплата и занятость.

Весьма интересен факт, каких именно изменений в промышленной политике требуют эксперты Евросоюза: чтобы сохранить рабочие места в промышленности, бюджет ЕС на образование и инновации с 2020 года должен быть увели-

чен в два (!) раза. По их данным, с 2008 по 2012 годы число рабочих мест в промышленных отраслях в странах ЕС сократилось на 3,8 млн. Однако с 2013 года ситуация изменилась, и появилось 1,5 млн новых рабочих мест. Качественно новые рабочие места, высококвалифицированный персонал позволят также стимулировать рост производительности труда, полагают эксперты. Этот показатель в странах ЕС до сих пор составлял 2,7 процента в год, то есть гораздо больше, чем в США (+0,7 процента) и Южной Корее (+2,3 процента).

Таблица 1

Влияние стран на общерегиональную ВДС обрабатывающей промышленности СНГ в 2005–2014 гг., %

Доля в общей ВДС обрабатывающей промышленности СНГ, %			
	2005	2009	2014
Страны ЕАЭС			
Армения	0,27	0,35	0,47
Беларусь	4,48	5,63	1,70
Казахстан	5,06	5,92	6,80
Кыргызстан	0,22	0,25	0,32
Россия	77,90	78,93	85,31
Молдова (наблюдатель)	0,24	0,24	0,25
Прочие страны, входящие в СНГ			
Азербайджан	0,72	0,98	1,14
Таджикистан	0,25	0,18	0,29
Украина	10,86	7,52	3,71

Источник: материалы семинара Росстата и ЮНИДО о промышленном развитии в СНГ 2016, доклад «Стратегии и тенденции промышленного развития в России и государствах-участниках СНГ: есть ли условия для наращивания интеграционного потенциала реиндустриализации».

С производительностью труда тесно связан такой показатель развития промышленности, как добавленная стоимость на душу населения. В России он постепенно растет, и в 2015 г. составлял 1483 долл. США на душу населения (примечательно, что Китай по этому показателю нас обогнал — 2025 долл. США на душу населения).

Ясно, что повышенное внимание следует уделять подготовке и переподготовке кадров, а также образованию в целом. Этот призыв не нов. Еще столетие назад И.Х. Озеров утверждал, что «народное образование стоит в России весьма низко. Ясно, что темному человеку не овладеть и не подчинить себе естественных богатств страны»³. И это при том, что еще в середине XIX века тогдашним министром финансов графом Е.Ф. Канкриным для развития промышленности был учрежден в Петербурге Технологический институт! В то время ход экономической жизни России и страх перед все усиливающейся конкуренцией со стороны Западной Европы заставляли правительство императора Николая I всячески покровительствовать русской обрабатывающей промышленности. Видимо, и тогда принятых мер было недостаточно...

Что еще, помимо недостатка квалифицированных кадров, может помешать развитию промышленности в России? Назовем основные препятствия.

Тот же И.Х. Озеров отмечал, что в царское время желательным было все нити экономического существования сильных групп иметь в своих руках. Это создавало род экономического закрепощения сильных групп центральной властью⁴. Актуальное исследование ООН показало, что и в современ-

³ Там же, с. 288.

⁴ Там же, с. 290.

ной России все еще имеет место значительное присутствие государственных предприятий в базовых отраслях промышленности, что является одним из основных препятствий потенциального экономического роста.

Препятствием является также снижение доходов населения и использования заемных средств. И.Х. Озеров писал и об этом: «Но если промышленность в России и растет, то все-таки в ряду других стран Россия занимает место, далеко не соответствующее ее территории и количеству населения. Это объясняется малой покупательной способностью нашего населения: промышленности трудно при этих условиях развернуться у нас»⁵. Этот же фактор, по данным В.В. Миронова (зам. директора Института «Центр развития» НИУ ВШЭ) и в XXI веке занимает первые-вторые места среди факторов, ограничивающих экономический рост⁶.

Что же может помочь преодолеть эти препятствия?

В настоящее время правительство использует такой стимулирующий экономический инструмент, как налоговые льготы. Но всегда ли целенаправленно?

Рассмотрим, например, налог на имущество организаций (НПО) и льготы по нему (см. табл. 2).

Странно, что в 2016 г. более 50% налогоплательщиков применяли льготы. Не менее странно, что доля не поступивших в бюджет сумм также более 50% начисленных сумм налога. С точки зрения авторов, экономическое управление льготами потеряно. Они превратились в законное, но все же банальное средство уклониться от наполнения бюджета. Вряд ли сейчас льготы выполняют стимулирующую экономическую роль. В России потеря денег для бюджета и одновременно

⁵ Там же, с. 296.

⁶ Материалы семинара Росстата и ЮНИДО о промышленном развитии в СНГ 2016.

поиск бюджетных средств для реиндустриализации — постоянная борьба противоположностей.

Таблица 2

Льготы по налогу на имущество организаций

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего организаций — плательщиков НИО, тыс. ед.	728,5	705,9	636,8	588,3	603,3	605,9	615,7
в том числе применяющих налоговые льготы, тыс. ед.	124,4	93,7	73,0	65,4	267,5	303,4	333,7
Доля налогоплательщиков, применяющих льготы, %	17,1	13,3	11,5	11,1	44,3	50,1	54,3
Общая сумма налога, исчисленная к уплате в бюджеты субъектов России, млрд руб.	485,4	551,2	625,2	655,4	727,6	786,3	877,5
Сумма налога, не поступившая в бюджет в связи с предоставлением налоговых льгот, млрд руб.	324,6	364,4	184,0	191,0	321,9	398,5	445,5
Сумма налоговых льгот к исчисленным к уплате суммам налога, %	66,9	66,1	29,4	29,1	44,2	50,7	50,8

Источник: отчеты по форме 5-НИО за соответствующие года (www.nalog.ru), расчеты авторов

На круглом столе «Финансовое обеспечение реализации национальных проектов», состоявшемся 24 декабря 2018 г. в Совете Федерации России, представители МЭР России

как о большой достижении заявили о проведении первого федерального форума по производительности «Производительность 360», на котором присутствовало 400 участников из 33 регионов. Остается надеяться, что на следующем форуме будут представители более половины числа субъектов России — не менее чем из 43 субъектов. Тогда можно сказать, что национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» стал действительно федеральным.

На развитие и финансовое обеспечение реализации этого национального проекта, который увязан с обрабатывающими производствами, предполагается направить в 2019–2021 годах:

- на Федеральный проект «Системные меры по повышению производительности труда» — 2805,6 млн руб.;
- на Федеральный проект «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях» — 12421,1 млн руб.⁷

Закреплению положительных тенденций в развитии средне- и высокотехнологичных производств, роста их экспортного потенциала могут способствовать следующие инструменты налоговой и бюджетной политик:

- стимулировать только эти производства через механизм снижения ставки налога на прибыль или полное освобождение от налогообложения прибыли, оставляемой в организации на развитие этих производств;
- стимулировать население приобретать товары этих производств, снижая налоги на владение имуществом, созданных в этих производствах;

⁷ Материалы «круглого стола» на тему «Финансовое обеспечение реализации национальных проектов» (<http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/100236/> — доступ 27.12.2018)

- распространить пониженную ставку НДС 10% на реализацию всех продуктов питания, а не только весьма ограниченного перечня, что позволит не увеличивать долю потребительских расходов, расходуемых на продукты питания (сейчас эти расходы превышают 30% для третьей — восьмой децильных групп населения России⁸, а в первой — второй группах приближается к 50%!);
- для сохранения доходной части бюджетной системы России планомерно снижать долю возмещения НДС при экспорте сырья, товаров переработки сырья вплоть до полной отмены возмещения, а при экспорте товаров низкотехнологичных производств — до 50%;
- дать возможность организациям средне- и высокотехнологичных производств уплачивать начисленный НДС в меньшем размере, так как этот механизм существенней других стимулирует развитие инновационного процесса;
- стимулировать принудительное обновление активной части основных средств предприятий обрабатывающей промышленности (и не только!) через налоговый механизм запрета отнесения на расходы стоимости ремонта полностью самортизированных активной части основных средств, а также запрета вычета входящего НДС по этим работам.

Библиографический список

1. Идрисов Г.И. Промышленная политика России в современных условиях. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.

⁸ Структура потребительских расходов по 10-процентным группам населения (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# — доступ 26.12.2018).

2. Тютюрюков Н.Н., Тютюрюков В.Н., Чванов Р.А. Налоговые льготы — стимулы или потери? // Экономика и управление: проблемы, решения. Журнал. № 12, том 1 (60) — 2016, с. 107–113.

List of References

1. Idrisov G.I. The industrial policy of Russia in modern environment. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2016.
2. Tyutyuryukov N.N., Tyutyuryukov V.N., Chvanov R.A. Tax benefits — incentives or budgetary losses? In: Economics and managements: issues and solutions, 2016, No.12(60), pp.107–113. ISSN: 2227–3891.

**ОЦЕНКА
ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ
ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ
ОБОРОТНЫХ СРЕДСТВ**
EFFICIENCY
EVALUATION
OF VARIOUS MODELS
USING IN THE PLANNING
OF WORKING CAPITAL

Н.А. МЕЗЕНИН

К.э.н., доцент кафедры финансового менеджмента Уральского государственного экономического университета

N.A. MEZENIN

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Department of financial management, Ural State University of Economics

С.Г. ПЬЯНКОВА

Д.э.н., доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, член Правления и член Президиума Уральского отделения Вольного экономического общества России, член-корреспондент РАЕН

S.G. PYANKOVA

Ph.D., Associate Professor, Department of Regional, Municipal Economy and Management, Ural State University of Economics, Member of the Board and Member of the Presidium of the Ural Branch of the Free Economic Society of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

С.Д. ФИЛИПОВ

К.ф.-м.н., доцент кафедры финансового менеджмента Уральского государственного экономического университета

S.D. FILIPPOV

Cand. Sc. (Physics and Math.), Associate Professor of the Department of financial management, Ural State University of Economics

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются вопросы применимости различных моделей при планировании оборотных средств. Обосновывается, что оптимизация планов возможна только при детальном учете конкретики технологии и логистики, реализуемых на предприятии. Для оптимизации планирования необходимо использовать современные информационные системы.

ABSTRACT

The questions of the applicability of various models in the planning of working capital are considered. It is founded that optimization of plans is possible only with a detailed account of the specifics of technology and logistics implemented at the enterprise. To optimize planning is necessary to use modern information systems.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Оборотные средства, логистика и управление цепями поставок, математическая модель, оптимизация, EPR-системы.

KEYWORD

Current assets, logistics and supply chain management, mathematical model, optimization, EPR-systems.

Важнейшим объектом управления финансового менеджмента предприятия является оборотный капитал, основа которого — оборотные средства. В состав оборотных средств входят оборотные производственные фонды и фонды обращения. К первому относят запасы сырья и материалов, а также незавершенное производство, ко второму — готовую продукцию, дебиторскую задолженность и денежные средства. Такая декомпозиция применяется при описании структуры оборотных средств. Для управления же принято выделять следующие функциональные области:

ОФ1. управление оборотными производственными фондами и запасами готовой продукции;

ОФ2. управление дебиторской задолженностью предприятия;

ОФ3. управление денежными активами и краткосрочными финансовыми вложениями.

Наиболее важной и определяющей является область ОФ1, поэтому рассмотрим вопросы управления только этой областью.

Область ОФ1 совпадает с объектом управления логистической системы (ЛС) предприятия. Напомним, что логистика (логистика и управление цепью поставок) фирмы — это «интегрированный процесс, призванный содействовать созданию потребительской стоимости с наименьшими общими затратами» [1]. Для логистики основным объектом управления является материальный поток: продукция от покупки сырья, его транспортировки и хранения, обеспечения процесса производства до доставки готового продукта потребителю. При этом материальному потоку от его возникновения, преобразования и до окончания сопутствуют затраты финансовых ресурсов, образующих финансовый поток. Он наряду с информационным потоком связывает все звенья цепи поставок. *По существу, формирование и управление этим потоком и является задачей финансового менеджмента.* Поэтому управление в ОФ1 можно рассматривать только в тесной связи с управлением логистической системой предприятия. *Цель управления — своевременное финансовое обеспечение материального потока ЛС при возможно минимальном общем расходовании денежных средств.*

Ключевым элементом управления является планирование. Основные управленческие решения принимаются именно на этом этапе. Планирование работы ЛС и финансовых потоков начинается с **прогнозирования спроса**. Прогноз спроса является исходным параметром плана, по его оценке определяются все остальные плановые показатели, и его неточность может привести к большим прямым и косвенным финансовым потерям предприятия.

МЕТОДЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Существует большое число методов прогнозирования разной степени сложности и эффективности. Далеко не всегда более сложные инструменты приводят к более точным результатам. Выделяют три основные группы методов прогнозирования: качественные, или экспертные, методы, методы временных рядов и причинно-следственные методы. Качественные методы строят прогнозы на основе знаний и опыта экспертов. При этом результаты прошлых периодов могут учитываться, а могут и игнорироваться. Методы временных, или динамических, рядов при построении прогнозов используют только исключительно данные за прошлые периоды (историю спроса) и их динамику. Последняя группа методов, такие как методы регрессионного анализа, направлены на выявление взаимосвязей между изменением независимых переменных или факторами и прогнозируемыми величинами. Сюда же могут быть отнесены и методы, основанные на нейронносетевых моделях.

Основное требование к прогнозу — это его точность (надежность и погрешность). Значимы также и затраты на его получение.

Наилучший вариант прогноза достигается при работе предприятия на заказ. Наихудший — прогноз без оценки погрешности и надежности, что равносильно его отсутствию прогноза. Рассмотрим однопродуктовую модель динамики спроса на (не новый) товар, основанный на методах анализа динамических рядов. Она представляется в виде числовой функции или в аддитивной или мультипликативной форме. Мультипликативная форма может иметь вид:

$$F(t) = B_t \cdot S_t \cdot C_t \cdot T_t \cdot P_t \cdot (1 + \varepsilon_t),$$

где $F(t)$ — прогноз величины спроса на момент t ; B_t — тренд базового спроса; S_t — сезонная составляющая (отражает влияние на спрос, например, времен года), T_t — коэффициент временной тенденции: прирост или сокращение спроса в момент t ; C_t — циклическая составляющая (отражает повторяемость экономических процессов в течение длительных периодов, например, демографических «ям»); P_t — коэффициент поправок на стимулирование продаж в момент t ; ε — случайная величина.

Обычно в модели, адекватность которой проверена является случайной величиной, имеющей нормальное распределение, $N(a, s)$ с параметрами $a = 0$ и $s = s(t)$. Величина $s(t)$ зависит от величины колебаний спроса и при планировании во многом определяет величину страховых запасов. Тогда прогноз спроса на планируемый момент $t + 1$ будет равен $F(t + 1)$, причем погрешность прогноза $d(t + 1)$ может быть получена с необходимой надежностью (доверительной вероятностью) по $s(t)$ с помощью известных методов, например [2].

Если прогноз делает эксперт, то он, как правило, указывает и уровень его достоверности.

Цель планирования — спланировать поток платежей, который бы обеспечивал непрерывность процесса производства и был бы оптимален, т. е. по возможности минимален по величине при условии удовлетворения многим ограничениям. В ОФ1 планирование, как правило, проводится на основе нормативов (минимальных потребностей).

Норматив оборотных средств по предприятию определяется на основе прогнозных данных — смете о развитии предприятия на планируемый период. Расчет норматива проводится по каждому компоненту оборотных средств, в соответствии с выбранной моделью. Общий норматив по

предприятию получают как сумму нормативов по всем элементам оборотных средств.

ЗАПАСЫ СЫРЬЯ И МАТЕРИАЛОВ

Планирование запасов сырья и материалов определяется логистикой предприятия.

Норматив R_c по сырью (сырью, основным материалам и покупным полуфабрикатам) вычисляется по формуле:

$$R_c = D_c \times N_c,$$

где $D_c = S_c / T$ — однодневный расход сырья, S_c — величина расхода сырья по смете (плану), T — количество рабочих дней в периоде планирования.

Норма запаса N_c в днях показывает, на какой период нужно создать запас материалов, чтобы обеспечить непрерывность производственного процесса:

$$N_c = N_{\text{тр}} + N_{\text{пд}} + N_{\text{тх}} + N_{\text{тек}} + N_{\text{страх}},$$

где $N_{\text{тр}}$ — транспортный запас — время нахождения в пути сырья и материалов после их оплаты; $N_{\text{пд}}$ — подготовительный запас — время приемки, оформления документов, складирования, анализа качества и т.п.; $N_{\text{тх}}$ — технологический запас — время подготовки сырья и материалов к производству (резка, сушка, обогащение и т.п.); $N_{\text{тек}}$ — текущий запас — время пребывания в виде складского запаса; $N_{\text{страх}}$ — страховой запас, дн.

Нормы могут быть изменены из-за принятых или планируемых решений, например, при смене поставщика может измениться $N_{\text{тр}}$.

Текущий запас, составляющий основную часть нормы N_c призван обеспечить непрерывность производственного цикла. Наиболее распространенной моделью определения запаса $N_{\text{тек}}$ является классическая модель Уилсона (*R. Wilson*) оптимального размера заказа (Economic Order Quantity, EОQ). Величина Q ищется из условия минимизации общих переменных издержек, связанных с заказом и хранением запасов. По этой модели

$$Q = \sqrt{\frac{2 \cdot k \cdot d}{h}}, \quad N_{\text{тек}} = \frac{1}{2} \frac{Q}{d},$$

где Q — величина заказа; d — интенсивность спроса (потребность в сырье в единицу времени); k — затраты на выполнение одного заказа (погрузка, разгрузка, упаковка, транспортные расходы); h — стоимость хранения, единицы складированного товара в единицу времени.

Следует помнить, что данная модель позволяет вычислить оптимальную величину партии поставки при следующих достаточно сильных допущениях: величина спроса известна и неизменна; ресурсы поставок не ограничены; продолжительность производственного цикла известна и не меняется; цена поставляемой продукции является постоянной и не зависит ни от размера, ни от срочности поставки; период планирования бесконечен; время нахождения поставок в пути равно нулю; финансовые ресурсы не ограничены.

На практике при определении размера заказа Q необходимо учитывать больше факторов, чем в приведенной формуле. Часто это связано с дополнительными условиями поставок и цен на продукцию, из которых можно извлечь определенные выгоды. Например, при наличии скидок с транспортных тарифов в зависимости от объема перево-

зок; скидок с цены продукции в зависимости от объема закупок или при использовании собственных транспортных средств. Многочисленные и разнообразные постановки задач изучены и решены в теории управления запасами, некоторые из них приведены в [1].

Страховой запас N_{ss} должен гарантировать бесперебойность производства от влияния неопределенностей, таких как несоблюдение сроков поставки поставщиками или увеличение спроса. Он зависит от погрешности $d(t+1)$ прогноза $F(t+1)$, но, как правило, его величина принимается в размере 50% от текущего запаса.

Минимизация норматива сырья возможна в двух направлениях. Первое — через логистические решения, например, после ABC и XYZ анализов складов осуществлять поставку части сырья «точно в срок». Второе — через скрупулезный учет логистических потоков и их стоимостное планирование всех денежных потоков в совокупности. Эта задача является очень трудоемкой и сложной и может быть решена только при построении и использовании имитационных моделей процессов ЛС.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Норматив $R_{нп}$ незавершенного производства вычисляется по формуле

$$R_{нп} = D_{вып} \times T_{ц} \times K,$$

где $D_{вып}$ — объем среднесуточного выпуска продукции в денежном выражении; $T_{ц}$ — длительность производственного цикла; K — коэффициент нарастания затрат. Величина $D_{вып}$ находится как частное от годового выпуска продукции на число рабочих дней в году. Коэффициент K_n должен учиты-

вать технологию, организацию, логистику производственного процесса. Если в себестоимость продукта складывается из дискретного потока $\{(R_k, t_k)\}$, $0=t_0 < t_1 < \dots < t_n=T_{ц}$) расходов R_k , производимых в моменты t_k производственного цикла, то K вычисляется по формуле:

$$K = \frac{1}{R \cdot T_{ц}} \sum_{k=0}^n R_k (T_{ц} - t_k), R = \sum_{k=0}^n R_k.$$

В случае, когда расходы состоят из единовременных R_0 в начале производственного цикла и последующих равномерных расходов с интенсивностью $(R - R_0)$, получаем формулу:

$$K1 = \frac{R_0 + 0.5 \cdot (R - R_0)}{R}, R = \sum_{k=0}^n R_k,$$

которую часто применяют неправомерно, что приводит к значительным отличиям оценок коэффициентов K и $K1$. Рассмотрим простой модельный пример. Пусть поток расходов $\{(2,1),(1,2),(1,3),(6,4)\}$, здесь $t_k = k$, $k = 1,2,3,4$, $T_{ц} = 4$, $R = 2 + 1 + 1 + 6 = 10$. Сравним K и $K1$, получим

$$K=1/40*(1*4+1*3+1*2+6*1)=15/40=0,375;$$

$$K1=1/10*(2+0.5*(10-2))=0,6.$$

Отличие K и $K1$ значительное. Однако совершенно ясно, что оценка $K1$ — очень грубая из-за предположения равномерности расходования там, где ее нет.

Если производится много изделий, то вычисляется среднее значение $T_{ц}$ и средневзвешенный K по всем производимым изделиям.

ЗАПАСЫ ГОТОВОЙ ПРОДУКЦИИ

Управление запасами готовой продукции тесно связано с функциями логистики распределения: транспортировка продукции потребителям; управление запасами в сети распределения; упаковка грузовой единицы в партии поставки; управление возвратом.

Норматив $R_{гп}$ готовой продукции вычисляется по формуле:

$$R_{гп} = D_{гп} \times N_{гп},$$

где $D_{гп}$ — среднесуточный объем готовой продукции, поступающей на склад; $N_{гп}$ — норма запаса готовой продукции в днях.

$$N_{гп} = N_{гтек} + N_{гпд} + N_{гсс} + N_{гтр}.$$

Текущий запас $N_{гтек}$ — это промежуток времени между временем отгрузки и временем поступления на склад, образуется вследствие несовпадения ритмов поступления и отгрузки.

Подготовительный запас $N_{гпд}$ — это время, необходимое для подготовки готовой продукции к отправке. Оно включает в себя время, требуемое для сортировки поступившей на склад продукции, ее складирования, упаковки, а также комплектования партий по грузополучателям и оформления расчетных и сопроводительных документов.

Транспортный запас $N_{гтр}$ — это время нахождения готовой продукции в пути.

Страховой запас $N_{гсс}$ — запас, предназначен для удовлетворения потребностей внепланового характера или при нарушении графиков ее выпуска, для выполнения установленных временных лимитов отгрузки отдельных видов про-

дукции. Должен зависеть от погрешности $d(t+1)$ планового прогноза $F(t+1)$.

Используемые модели (и проблемы, связанные с ними) аналогичны тем, что применяются при управлении запасами сырья.

После расчета частных нормативов оборотных средств исчисляется совокупный норматив по группе ОФ1 предприятию:

$$Roф1 = R_c + R_{нз} + R_{гп}.$$

Следует отметить, что эффективность оценки $Roф1$ не может быть высокой, т.к. оперирует нормативами, в которые входят такие показатели, как среднесуточные расходы, среднесуточный выпуск и т.п. Их использование позволяет получать эффективные оценки только при условии равномерности процессов предприятия.

Оборотные средства по другим группам $Roф2$ и $Roф3$ проводится без использования нормативов. Общий план R_{oc} оборотных средств будет равен:

$$R_{oc} = R_{oc} + Roф2 + Roф3.$$

Из теории систем известно, что оптимальное состояние системы в целом более эффективно совокупности оптимальных состояний каждой подсистемы. Поэтому можно сделать вывод: оптимизации плана можно достичь, только планируя весь денежный поток на всем протяжении операционных циклов и на всем планируемом периоде.

Как мы видим на простых примерах, задача оптимального планирования является очень сложной. Не существует

простых аналитических моделей, которые учитывали бы конкретную реальную экономическую ситуацию и давали бы точный результат. Поэтому при стремлении разработать план, близкий к оптимальному, возникает потребность использовать развитые информационные системы. В последние 15–20 лет появилась сначала концепция, а затем и сами такие системы — ERP-системы (*Enterprise Resource Planning* — управление ресурсами предприятия). Они представляют из себя набор интегрированных приложений, которые в едином информационном пространстве осуществляют поддержку всех основных функций управленческой деятельности предприятия. К ним относятся: планирование ресурсов (материальных, финансовых, человеческих) для производства товаров (услуг), оперативное управление исполнением планов (по снабжению, сбыту, ведению договоров), все виды учета, а также анализ результатов деятельности.

Системы *ERP* предназначены для управления финансовой и хозяйственной деятельностью предприятий. Основное достоинство *ERP*-систем состоит в том, что они позволяют осуществлять управление полным операционным циклом компании, охватывающим все фазы бизнес-процессов. Это позволяет получать фактические данные о деятельности компании с высокой степенью достоверности. На этой базе можно строить имитационные модели планов и добиваться их оптимальности. Призванные оптимизировать все многообразие внутренних и внешних процессов предприятия *ERP-системы* позволяют уже на этапе планирования снижать операционные, управленческие и коммерческие затраты и улучшать тем самым основные показатели хозяйственной деятельности.

Производителями таких систем являются известные фирмы *SAP, Oracle, Microsoft Business Solutions*, а также российские компания «Галактика» и «1С».

Структура *ERP*-системы согласно [3] включает в себя следующие блоки или подсистемы: управление снабжением; управление запасами; управление сбытом; управление производством; управление цепочками поставок; планирование; управление финансами.

Для целей планирования оборотных средств могут быть использованы большая часть блоков и их функций. Например, в прогнозировании — функции блока Управление сбытом: анализ продаж, прогноз сбыта. При создании вариантов планов функции блока Планирование: финансовое планирование товарно-номенклатурных групп (*Product Line Planning*); главный календарный график или объемно-календарное планирование (*Master Scheduling Planning*); планирование распределения ресурсов (*Distribution Resource Planning*); планирование потребности материалов (*Materials Requirements Planning*); планирование потребления мощностей (*Capacity Requirements Planning*).

Подсистема Управление финансами интегрирована со всеми остальными блоками и позволяет оперативно получать информацию о финансовых потоках, связанных с потоками материальными, о текущем финансовом состоянии компании и помогает находить оптимальные финансово-экономические решения. Сквозное управление материальными потоками находит свое отражение в управлении финансовыми потоками (движении денежных средств). В ней реализованы функции:

- главная бухгалтерская книга, предназначенная для отражения финансовых операций и ведения бухгалтерско-

го учета (General Ledger); дебиторская задолженность (Accounts Receivable); кредиторская задолженность (Accounts Payable); заработная плата (Payroll);

- управление себестоимостью (Cost Management); управление платежами (Cash Management); учет основных средств (Fixed Assets).

Наличие вышеуказанных функций позволяет применять такие системы на всех этапах планирования и достигать высокого уровня их оптимизации.

Выводы. Эффективность планирования оборотных средств может быть достигнута только при детальном учете организации логистической системы предприятия и зависит от степени ее оптимизации. Использование современных информационных ERP-систем дает средства и возможности осуществлять планирование на всем протяжении операционного цикла и позволяет получать планы, близкие к оптимальным.

Библиографический список

1. Бауэрокс Д., Клосс Д. Логистика: интегрированная цепь поставок / пер. с англ. — М: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008. — 640 с.
2. Кремер Н.Ш., Путко Б.А. Эконометрика: Учебник для вузов / Под ред Н.Ш. Кремера. — М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2004. — 311 с.
3. Информационный менеджмент: учебник/ под науч. ред. Н.М. Абдикеева. ИНФРА-М. 2012. — 400 с.

List of References

1. Bauerox D., Closs D. Logistics: integrated supply chain / Trnsl. from English. — М: ЗАО «Olimp-Business», 2008. — 640 p.
2. Kremer N.Sh., Putko B.A. Econometrics: Textbook for high schools / Edited N.Sh. Kremer. — М.: UNITY-DANA. 2004. — 311 p.

3. Information management: Textbook / Under scientific. Ed. N.M. Abdikeyev. INFRA-M. 2012. — 400 p.

Контактная информация:

Уральский государственный экономический университет
620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45.

Тел.: (343) 221-26-35

E-mail: pyankovasg@usue.ru

Ural State University of Economics

620144, RF, Ekaterinburg, 8 Marta/Narodnoy Voli St., 62/45

Phone: (343) 221-26-35

E-mail: pyankovasg@usue.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
СРЕДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПРОЕКТИРОВАНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ
АКТИВОВ ТЕРРИТОРИИ¹**
**IMPROVING
THE INSTITUTIONAL
ENVIRONMENT
STRATEGIC DESIGN
INTANGIBLE ASSETS
OF THE TERRITORY**

А.Г. МОКРОНОСОВ

Д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономики предприятий Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

A.G. MOKRONOSOV

Doctor of economics, professor, head of the Economics of enterprise Department of the Ural State University of Economics, Ekaterinburg

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием ФАНО России для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2018 год.

А.В. АНИСИМОВ

К.э.н., старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

A.V. ANISIMOV

Cand. Sc. (Econ.), Senior Research Associate, Institute of Economics (Ural branch of RAS), Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению особенностей институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории. Методологическую основу исследования составляют основные положения неинституциональной экономической теории, теории экономического роста, теории регионального экономического развития. Исследовано воздействие экономики на институциональную среду, ее содержательное изменение, черты качества, место в системе региональной инновационной системы. Рассмотрена роль регионов в формировании институциональных предпосылок инновационного развития. Систематизированы подходы, определяющие регион как субъект инновационного развития, выявлены современные тренды территориального развития. Уделено внимание значению нематериальных активов в капитализации региона. Обозначены тенденции, происходящие на рынках высоких технологий, представляющие важность стимулирования инноваций в нематериальные активы. Исследованы механизмы развития институциональной среды интеллектуальной собственности — ядра нематериальных активов территории, такие как трансплантация и трансформация институтов; рассмотрены особенности их воздействия на рынки. Выявлены последствия гармонизации отечественных стандартов антимонопольного законодательства в сфере обращения прав интеллектуальной собственности с развитыми юрисдикциями для участников рынков и общества; показано институциональное окружение сферы интеллектуальной собственности в цифровой среде.

ABSTRACT

The article is devoted to the features of the institutional environment of strategic design of intangible assets of the territory. The methodological basis of the study consists of the main provisions of the neo-institutional economic theory, the theory of economic growth, the theory of regional economic development. The impact of the economy on the institutional environment, its substantial change, quality features, place in the system of regional innovation system is investigated. The role of regions in the formation of institutional prerequisites for innovative development is considered. The approaches defining the region as a subject of innovative development are systematized, modern trends of territorial development are revealed. Attention is paid to the importance of intangible assets in the region's capitalization. The tendencies occurring in the markets of high technologies, representing the importance of stimulating innovations in intangible activities, are outlined. The mechanisms of the development of the institutional environment of intellectual property – the core of intangible assets of the territory, such as transplantation and transformation of institutions are studied; the features of their impact on the markets are considered. The consequences of harmonization of domestic standards of antitrust law in the field of intellectual property rights with developed jurisdictions for market participants and society are revealed; the institutional environment of intellectual property in the digital environment is shown.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Институциональная среда; институты; нематериальные активы; интеллектуальная собственность; регион; антимонопольное регулирование.

KEYWORDS

Institutional environment; institutions; intangible assets; intellectual property; region; Antimonopoly regulation.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время инновационность является обязательным условием конкурентоспособности в глобальной хозяйственной системе. Особенностью современной инновационной деятельности является ее комплексный характер, обуславливающий важность кооперации между участниками, эффективность которой возрастает в условиях расположения участников в территориальной близости друг от друга [1]. Взаимодействуя в рамках определенной территории, участники инновационной деятельности создают потоки ресурсов и инновационных продуктов. Успешность кооперации участников в инновационной сфере зависит от формирования качественной институциональной среды, которая является не только платформой для построения новых экономических отношений между участниками, процессов и систем [2], но и объектом воздействия высокой волатильности экономики.

Глобализация экономических процессов создает условия для распределения знаний по территориям, приводит к образованию новых центров их концентрации в регионах, ранее не относившихся к инновационным лидерам. Развитие информационных технологий формирует возможности для роста социальных сетей и неформальных институтов доверия в цифровом пространстве, основанных на принципе равенства сторон. В цифровом пространстве появляются совершенно новые институты внутренней организации технологических платформ и оборота интеллектуальных прав. Ориентация на потребителя в современной кастомизированной экономике создает предпосылки для появления широкого ряда рыночных ниш, неожиданного применения предпринимателями инновационных процессов и продук-

тов, задает динамизм экономическим агентам. Появление новых результатов интеллектуальной, творческой деятельности в результате технологического развития обуславливает совершенствование их правовой охраны и управления. Отмеченные особенности изменения институциональной среды требуют изучения ее реальных норм и институтов в целях ее совершенствования. Актуальность приобретает проблема совершенствования институциональных основ инновационной среды в регионе как территории, активизирующей обмен идеями между участниками различных организаций.

РЕГИОНЫ КАК ГЛАВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

В последние годы в исследованиях инновационной сферы регионам как объектам анализа уделяется все большее внимание. Это связано с усиливающейся тенденцией размещения инновационных компаний либо исследовательских подразделений компаний в определенных регионах, формирования региональных инновационных кластеров и «пучков» конкурентоспособных отраслей, объединенных смежными технологиями, развития определенных областей знания в выбранных компаниями регионах. *Компаниям приходится действовать глобально в плане доступа к имеющимся ресурсам, технологиям, рынкам, но локально, учитывая особенности законодательства и другие характеристики регионов их присутствия. Основной тенденцией становится «глобализация с региональным уклоном» [3].* Эти изменения определяют значимость региона в области создания, распространения и коммерциализации новых знаний и технологий.

В концепции территориального развития в новой экономике регион рассматривается через призму формирования базовых институциональных условий инновационного развития: территория, замыкающая на себя потоки активов, в том числе нематериальных [4]; экосистема для экономического и технологического взаимодействия глобальных сетей с высокой синергией [5]; область сосуществования и комплементарности глобализации конкуренции и локализации источников конкурентных преимуществ [6]; место сосредоточения ценных ресурсов с сцеплением глобальных промышленных сетей [7]; институциональное образование, обладающее природными ресурсами и управляющее социальным капиталом (уровень доверия, сотрудничество, общие нормы, стандарты) [8]; крупный субъект собственности (региональной и муниципальной) и экономической деятельности [9].

Теоретико-методологической базой представлений о регионе как субъекте инновационного развития явились ряд положений новой теории роста, которая рассматривает территорию как объект влияния внутренних и внешних (межрегиональных) факторов [10]. Модели новой теории роста учитывают, что технологии и знания со временем возрастают вследствие так называемого «инновационного добавочного эффекта». Этот эффект может быть получен при условии того, что инновационная деятельность в регионе должна вестись только при систематической кооперации различных агентов, а также развитию соответствующей инфраструктуры. Взаимодействие региональных инновационных компаний укрепляется также на межрегиональном и на международном уровнях, включая различные технологические цифровые платформы.

Институциональный подход к изучению региональных проблем характеризуется направленностью на долгосрочную перспективу, учетом тенденций пройденного пути и локального контекста [11]. Систематизация исследований в этой области позволяет сформировать факторы, обуславливающие обоснованность перехода исследования проблем инновационного развития на уровень региона. Учеными акцентируется внимание на возможности регионов выступать проводниками модернизации и стратегических инициатив различных типов; на эффективном закреплении и применении инноваций на мезоуровне (к числу которых относят регионы), несмотря на развитие процессов глобализации [12]. Мезоэкономика представляется как естественное поле формирования и действия экономических институтов [13].

Исследования инноваций в экономике, показывающие низкое качество институциональной среды, тиражирующей формирование гибридных неэффективных институциональных структур, дефицит доверия в экономике, неэффективность мер государственного регулирования актуализируют вопросы активизации инновационных процессов в регионе. Однако, по мнению специалистов, исследования инноваций в региональной экономике часто находятся на периферии научного поля, которое представлено прежде всего макро- и микроуровнями анализа [14].

Таким образом, регион создает специфические условия, в которых коренным образом меняются закономерности функционирования инновационной экономики. Возрастает значение регионального уровня для наращивания стратегических конкурентных преимуществ путем формирования соответствующих институциональных условий, мобилизации ресурсного и инновационного потенциала, создания

благоприятных условий для повышения инновационной активности бизнеса, населения и самой власти. В условиях усиливающейся регионализации инновационной деятельности возникает научная проблема обоснования развития институциональной среды, разработки моделей проектирования нематериальных активов территории в целях формирования новых источников конкурентных преимуществ регионов.

РОЛЬ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ

Теоретическими исследованиями доказано, что в условиях глобальной экономики конкурентоспособность все больше основывается на нематериальных активах, воплощенных в открытиях, изобретениях, полезных моделях, товарных знаках, авторских произведениях, идеях. В настоящее время порядка 80% мирового богатства составляют различные форматы информации и знания². Интеллектуальная собственность имеет центральное значение для успешного функционирования экономики знаний [15].

В настоящее время сформировано достаточно устойчивое понимание важной роли нематериальных активов в капитализации региона. Наиболее часто выделяют такие их особенности, как рост стоимости с течением времени; соответствие требованиям современного информационного общества; устремленности в перспективу; роли в гуманизации общественно-экономических отношений [16]. В условиях трансформационного спада настройка возможностей агентов, создающих инновационные решения, воплощенные в объ-

² Иванов А. Мировой режим интеллектуальной собственности: угроза и возможность интеллектуального развития стран БРИКС. URL: <http://ild.hse.ru/news> (дата обращения: 18.06.2018).

екты прав интеллектуальной собственности, рассматривается новым стимулом экономического роста. Нематериальные активы региона представляются в качестве системообразующей функции, влияющей на создание новой стоимости в форме технологических, продуктовых и управленческих инноваций. Однако отсутствие общепринятых критериев оценивания нематериальных активов, единой системы показателей затрудняют объективную оценку уровня развития региона, могут формировать ошибочные выводы о привлекательности и капитализации региона.

Экономические преимущества интенсивного использования нематериальных активов обусловлены их способностью генерировать инновации в качестве воспроизводимого ресурса. В научных исследованиях в области инновационной экономики некоторыми важными тенденциями, происходящими на рынках высоких технологий, признаны следующие: быстрорастущий характер рынков, опережающий рост ВВП (за период 2000–2011 годов мировые доходы от экспорта интеллектуальной собственности увеличились в 3,1 раза при росте ВВП в 2,1 раза)³ [17]; усиление роли нематериальных активов как наиболее значимого конкурентного ресурса (80% капитала развитых стран составляет нематериальный)⁴ [18]; воспроизводство объектов интеллектуальной собственности, создание уникальной ценности путем реализации стратегических бизнес-моделей крупных интегрированных структур [17]; создание инновациями, основанными на объ-

³ Эффективное использование интеллектуальной собственности. М.: Центр стратегических разработок, 2017. — 60 с. URL: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/Intellectualnaya_sobstvennost_doklad.pdf (дата обращения: 08.07.2018).

⁴ Эффективное использование интеллектуальной собственности. М.: Центр стратегических разработок, 2017. — 60 с. URL: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/Intellectualnaya_sobstvennost_doklad.pdf (дата обращения: 08.07.2018).

ектах интеллектуальной собственности, зоны со сниженным риском в конкурентном окружении [19]. Понимание развития процессов в высокотехнологичных отраслях важно для стимулирования инноваций в нематериальные активы, что представляется актуальным для российской экономики, поскольку, по данным Всемирного банка, Россия в 2017 году занимала 34 место в рейтинге «Глобальный инновационный индекс» с долей расходов на НИОКР 1,13 % от ВВП, тогда как Канада расходовала на НИОКР 1,61% ВВП, Китай — 2,09%, Германия — 2,88%, а Израиль (мировой лидер) — 4,3%⁵. По оценкам специалистов, отечественный рынок интеллектуальной собственности характеризуется низким уровнем капитализации; низкой долей нематериальных активов в составе совокупных активов организаций (менее 1%); нацеленностью только на национальный рынок; правовой незакрепленностью большинства результатов интеллектуальной деятельности; трудности с оформлением прав на интеллектуальную собственность; не развитой системой легального технологического трансфера⁶. Указанные факторы не позволяют сформировать образ страны как держателя компетенций и, как следствие, привлекать глобальные инвестиции в коммерчески перспективные и динамично развивающиеся отрасли. Активизация использования нематериальных активов и, прежде всего, их ядра функционала интеллектуального капитала для формирования современного рынка высоких технологий, в том числе в регионе,

⁵ Доклад об экономике России. Умеренное продвижение вперед // Группа всемирного банка. — 2018. — № 39. URL: <https://www.dokuments.vsemirnyjbank.org/curated/ru/648501529097861037/pdf/127254-RUSSIAN-RERrus.Pdf> (дата обращения 18.07.2018).

⁶ Концепция формирования эффективной институциональной среды в области интеллектуальной собственности. М.: ПВК, 2015. — 353 с. URL: http://sibfrontier.ru/wp-content/uploads/2016/01/201512_concept_of_institutional_environment.pdf (дата обращения: 08.07.2018).

определяется рядом обстоятельств. Приоритетным из них выделяется развитие институциональной среды, оказывающей решающее влияние на генерирование инноваций [20].

МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

В зарубежной общественной мысли сформировалось два подхода к определению понятия «институциональная среда» применительно к инновационной сфере. Первый связывает возможность совокупности институтов формировать пространство стимулов и поведенческих моделей у основных факторов [21]. Второй подход характеризует институциональную среду как совокупность правил игры и институтов, создающих рамки для основных экономических игроков [22].

Анализ дефиниции «институциональная среда» показывает, что в отечественной экономической литературе не существует общепризнанного подхода к этому понятию как к экономической категории, что объясняется, во-первых, наличием множества различных по целям и функциям формальных и неформальных институтов, во — вторых, различиями совокупности политических, социальных и юридических правил. В научной литературе наиболее распространено понимание институциональной среды как структурированной совокупности правил, механизмов, факторов, оказывающих влияние на основных участников инновационного процесса посредством политических, правовых, экономических, социальных и иных институтов.

На региональном уровне институциональная среда представляется системой федеральных, региональных и местных законодательных актов, норм, правовых основ, сосредото-

ния программ и политик федеральных структур, а также неформальных социокультурных правил, к которым относят исторические нормы, общественное мнение, менталитет населения, культурные особенности, традиции, присущие данной территории [23]. Основной задачей региональной институциональной среды как совокупности формальных и неформальных институтов является поддержание стабильности складывающихся хозяйственных отношений, устойчивого взаимодействия и взаимоотношений между ее участниками, что обеспечивается в рамках инновационной сферы. Особенности правил и механизмов институциональной среды предопределяют возможности развития инновационной системы.

Отмечается тесная взаимосвязь субъектов инновационной сферы и институциональной среды. Последняя создает условия для выстраивания взаимодействия компаний по поводу технологий, знаний, опыта и других ресурсов, *определяет их* поведение, создает регулирующие структуры, влияющие на процесс принятия решений. С другой стороны, институциональная среда может изменяться под воздействием различных интересов групп инновационной сферы [13]. Эту взаимосвязь можно трактовать двояко. Институциональная среда создает дополнительные возможности для наращивания инновационного потенциала за счет создания институтов развития. Усилия влиятельных групп, интересам которых угрожают нововведения, отражаются на целенаправленном развитии институциональной среды, оказывая влияние как на создание нового знания, так на его преобразование в технологии и дальнейшее рыночное продвижение.

Институциональное пространство подразумевает также наличие определенных селективных способностей, когда

ставшие непригодными или доставшиеся в наследство устаревшие методы решения проблем могут эффективно и последовательно устраняться [28]. Вместе с тем устарелость институциональной структуры приводит к технологической несовместимости производства с современной экономикой. Примером этому приводится недостаточная способность социалистической плановой системы по сравнению с рыночной к обновленному развитию вследствие ее замкнутости, недостатка экономической и политической конкуренции [29]. Происходила деформация структуры отраслей экономики, несовместимость производства с мировой экономикой, утрата его конкурентоспособности.

Акцентируется внимание на стимулирующей функции институциональной среды, активизирующей обмен идеями и инновациями между организациями [20]. Интенсификация процессов позволяет ускорить трансформацию прорывных научных изобретений в технологии. По мнению исследователей, институциональная среда должна обладать определенным набором качеств, определяющих успех взаимодействий и изменений. Эффект достигается за счет отлаженного механизма действующих институтов, встраивания заимствованных институтов в среду территории, а также трансформации институтов.

В условиях трансформационного спада и прекращения роста цен на энергоносители актуальной проблемой является поиск новых источников стимулов институциональных инноваций. Исследователями обращается внимание на возможность использования в практике эффективно действующих институтов, применяющихся в развитых юрисдикциях, которые обеспечивают экономический рост. Заимствование институтов представляется не путем ме-

ханического импорта, а при условии их тонкой настройки в институциональный каркас территории [26]. Сложность встраивания заимствованных институтов обусловлена спецификой отдельных элементов институциональной среды территорий, различиями в правовых системах, правоприменении, возможностями органов государственной власти и участников инновационных решений их генерировать и реализовать.

В научной экономической и юридической литературе активно обсуждаются проблемы гармонизации отечественных стандартов антимонопольного законодательства в сфере обращения прав интеллектуальной собственности с развитыми юрисдикциями, возникающие риски и препятствия трансплантации трансакций. Дискуссионным является вопрос о целесообразности встраивания новых норм в антимонопольное законодательство. В качестве причин применения конкурентной политики в сфере интеллектуальной собственности называются монополизация рынков компаниями, злоупотребляющими патентной защитой, формирование недобросовестной конкурентной среды⁷. Вместе с тем ряд специалистов справедливо опасается, что трансплантация норм может ограничить возможности правообладателей, нанести им убытки и ухудшить условия доступа российского бизнеса к инновациям [27].

Такой взгляд на трансплантацию заимствованного института в сфере обращения интеллектуальной собственности позволяет выделить ее последствия для бизнес-структур и общества. Импорт института позволяет стабилизировать

⁷ Кашеваров А.Б. Параллельный импорт: за и против [Электронный ресурс]. URL: [https // fas.gov.ru/system/presentations/attachments/2016/04/20/original](https://fas.gov.ru/system/presentations/attachments/2016/04/20/original) (дата обращения: 06.03.2018).

цены на товары на рынке и обеспечить их доступность для населения; снизить рыночную власть правообладателей. Институциональная среда, создаваемая посредством данной трансплантации, открывает возможности формирования добросовестной конкуренции на основе правовой охраны объектов интеллектуальной собственности и пресечения злоупотреблений интеллектуальными правами.

Успешность встраивания заимствованного института конкурентной политики в сфере обращения прав интеллектуальной собственности зависит от действий государственного органа власти по его настройке. Антимонопольное регулирование содержит набор современных инструментов, с помощью которых возможно достичь данную цель, среди которых следует отметить комплаенс, адвокатирование, обсуждение готовящихся к принятию правовых норм, оценка последствий воздействия на рынок, научное обоснование методик. Их применение позволяет формировать конкурентную культуру и способствует достаточному уровню конкуренции для стимулирования инноваций [28].

Значительный научный интерес в настоящее время вызывают исследования воздействия цифровой экономики на институциональную среду [29]. Рост числа публикаций связан с важностью этого феномена для формирования новой технологической основы экономики с ведущей ролью нематериальных активов. Развитие новых технологий позволяет расширить географию выпуска продукции по цифровому описанию, избегая торговых барьеров. Движение объектов интеллектуальной собственности — трехмерных моделей, оцифрованных описаний новых материалов и генетических ресурсов, формул лекарственных препаратов, цифровых описаний промышленных объектов — составляет

в настоящее время более 70% трафика цифровых сетей⁸. Технологические вызовы трансформируют институт интеллектуальной собственности в сторону решения задач цифрового оборота интеллектуальных прав по сетям обмена идеями и сведениями для взаимодействия исследователей, технологических предпринимателей и инвесторов в целях создания новых продуктов и услуг. Естественно, что прогрессивные модели оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности становятся одним из системообразующих институтов сферы интеллектуальной собственности в цифровой среде. Достоинством механизма цифрового оборота интеллектуальных прав является ускорение диффузии инноваций за счет информационного обмена и взаимодействия. Однако звучат мнения, что трансформация институтов занимает длительный период [36]. Следует согласиться с данной позицией, поскольку качественное изменение сферы интеллектуальной собственности в цифровой среде требуют значительных усилий как органов государственной власти, так и участников инновационной сферы.

Выводы

Анализ институциональной среды представляется крайне важным для стратегического проектирования нематериальных активов. Видение особенностей ее развития может помочь понять вектор предстоящих изменений, учесть особенности и тенденции инновационной сферы. Формирование благоприятной институциональной среды позволит решать приоритетные задачи повышения конкурентоспо-

⁸ Эффективное использование интеллектуальной собственности. М.: Центр стратегических разработок, 2017. — 60 с. URL:https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/Intellektualnaya_sobstvennost_doklad.pdf (дата обращения: 08.07.2018).

способности регионов, значение которых возрастает как проводников модернизации и стратегических инициатив, а также как территории, замыкающей на себя потоки активов. Нематериальные активы региона в качестве системообразующей функции влияют на создание новой стоимости в форме технологических, продуктовых и управленческих инноваций. Велика их роль в формировании образа региона как держателя компетенций, привлекающего инвестиции в коммерчески перспективные и динамично развивающиеся отрасли.

Развитие институциональной среды проектирования нематериальных активов предполагает использование эффективных инструментов. Можно отметить наиболее актуальные из них, такие как трансплантация заимствованных институтов в среду территории и трансформация институтов. Институциональная среда, создаваемая посредством трансплантации институтов, применяющихся в развитых юрисдикциях, открывает возможности формирования добросовестной конкуренции на основе правовой охраны объектов интеллектуальной собственности и пресечения злоупотреблений интеллектуальными правами, содействует защите интересов правообладателей. Трансформационные процессы институциональной среды обусловлены активным движением объектов интеллектуальной собственности по глобальным сетям. Механизмы цифрового оборота интеллектуальных прав ускоряют взаимодействия участников инновационной сферы, расширяют границы производства оцифрованной продукции, объединяют территории глобального сотрудничества. Развитие институциональной среды с новыми ее качественными характеристиками позволит снизить риски технологического развития и будет способствовать росту рынка интеллектуальной собственности.

Библиографический список

1. Рудская И. А. Анализ конкурентных преимуществ инновационных проектов Санкт-Петербурга в составе инновационной системы // Экономика и предпринимательство. 2015. № 8–2 (6–2). С. 289–297.
2. Попов Е.В., Герцегова К., Семячков К.А. Инновации в институциональном моделировании долевой экономики // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10. № 2. С. 25–42, DOI: 10.17835/2076–6297.2018.10.2.026–043.
3. Мау В. Экономическая политика России в 2015 г.: антикризисные меры или структурные реформы / Российская экономика в 2015 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 37) / В. Мау и др.; под ред. Синельникова-Мурылева С.Г. (гл. ред.), Радыгина А.Д.; Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. С. 9–35.
4. Кравчук А.Ю., Махалова А.И. Нематериальные активы как основа концепции стратегического регионального развития // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Т. I. С. 66–70.
5. Saxenian A. Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994. 226 p. URL: // <https://jolt.law.harvard.edu/articles/pdf/v08/08HarvJLTech521.Pdf>.
6. Enright M-J. The Globalization of Competition and the Localization of Competitive Advantage: Policies towards regional clustering// In: N. Hood, S. Young (eds.): The Globalization of Multinational Enterprise Activity and Economic Development. Basingstoke: MacMillan, 2000. Pp. 303–331. URL: // https://link.springer.com/chapter/10.1057/10/9780230599161_13.Pdf.
7. Coe N.et al. Globalizing regional development: a global production network perspective// Transitions of Institute of British Geographers. 2004. №. 29.Pp. 468–484. URL: https://courses.nus.edu.sg/course/geoywc/publication/2004_TIBG.Pdf.

8. Landry R., Amara N., Lamari M. Does Social Capital Determine Innovation? To What Extent? // *Technological Forecasting & Social Change*. 2002. № 69. Pp. 681–701.
9. Гарафиев И.З. Институциональные основы развития инновационной среды региона (социологический подход) // *Государство и гражданское общество: политика, экономика и право*. 2013. № 1. С. 74–78.
10. Dosi G., Freeman C., Nelson R., Silverberg G., Soete L. *Technical change and economic theory*. London, Francis Pinter and New York: Columbia University Press, 1988. 636 p.
11. Amin A. An Institutional Perspective on Regional Economic Development // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1999. Vol. 23. no. 2. — Pp. 365–378.
12. Мезоэкономика развития. Под ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера; Центральный экономико-математический ин-т РАН. М.: Наука, 2011. 805 с. URL: <https://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/09/Mezo-razv1.Pdf>.
13. Гареев Т.Р. Региональный институционализм: terraircognita или terraficta? // *Журнал институциональных исследований*. 2010. Т. 2. № 2. С. 27–38.
14. Волынский А.И. Мезоуровень как объект исследования в экономической литературе современной России // *Журнал институциональных исследований*. 2017. Т. 9. № 3. С. 36–49.
15. Stiglitz J.E. Economic Foundation of Intellectual Property Rights // *Duke Law Journal*. 2008. Vol. 57. Pp. 1693–1724. URL: <http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent>.
16. Кравчук А.Ю., Махалова А.И. Нематериальные активы как основа концепции стратегического регионального развития // *Ярославский педагогический вестник*. 2011. № 1. Т. I. С. 66–70.
17. Kovacic W. Designing Antitrust Remedies for Dominant Firm Misconduct // *Connecticut Law Review*. 1999. № 31. С. 1285–1293.

18. Sirkin H., Hemerling J. *Globality* // The Boston Consulting Group. N.J.: Business Plus, 2008. 292 p.
19. Васьковский А.С. Особенности конкуренции в инновационном предпринимательстве: автореф. дис. канд. экон. наук: РАГС при Президенте РФ. М., 2000. 24 с.
20. Овчинников В. Н., Кетова Н.П. Системодополняющий эффект взаимодействия инновационного потенциала и институциональной среды региона // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 2. С. 537–546, DOI 10.17059/2016–2–18.
21. Edquist C. (Ed.). *Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organization*. Cassel, London, 1997. 432 p.
22. Andersen B. *Intellectual Property Rights: Innovation, Governance and the Institutional Environment*. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2006. 365 p.
23. Гойхер О.Л., Данилов А.И. Институциональные основы экономики региона // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: экономические науки. 2015. № 2(4). С. 19–25.
24. Vanberg V.J. *Systemtransformation, Ordnungsevolution und Protektion: Zum Problem der Anpassung von Wirtschaftssystemen an ihre Umwelt* // Cassel D. *Institutionelle Probleme der Systemtransformation*. Berlin: Duncker & Humblot, 1997. S. 11–41.
25. Айхелькраут С. Потенциал политического конструирования институциональной среды в России с точки зрения эволюционной экономики // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1. № 1. С. 36–42.
26. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
27. Курдин А. А. Шаститко А.Е. Два аргумента за ограничение антитраста в реализации прав интеллектуальной собственности в развивающихся экономиках // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 1. С. 31–49.

28. Анисимов А.В. Современная трансформация антимонопольной политики // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15. № 2. С. 335–339.
29. Романова О.А. Стратегии социально-экономического развития регионов РФ в контексте вызовов цифровой экономики // Известия УрГЭУ. 2018. Т. 19. № 3. С. 55–68.

List of References

1. Rudskaya I. A. analysis of competitive advantages of innovative projects of St. Petersburg as part of the innovation system // Economics and entrepreneurship // Economics and entrepreneurship. 2015. № 8–2 (6–2). P. 289–297.
2. Popov E. V., gertsigova K., Semyachkov K. A. Innovations in institutional modeling of shared economy // journal of institutional research. 2018. Vol. 10. No. 2. P. 25–42, DOI: 10.17835/2076–6297.2018.10.2.026–043.
3. Mau V. Economic policy of Russia in 2015: anti-crisis measures or structural reforms / Russian economy in 2015. Trends and prospects. (Vol. 37) /V. Mau, etc.; ed Sinel-Murylev S. G. (ed.), Radygina, A. D.; Inst. for economic policy studies. E. T. Gaidar. M.: Izd-vo In-TA gaidara, 2016. P. 9–35.
4. Kravchuk A. Yu., Makhalova A. I. Intangible assets as the basis of the concept of strategic regional development // Yaroslavl pedagogical Bulletin. 2011. No. 1. T. I. S. 66–70.
5. Saxenian A. Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994. 226 p. URL: // <https://jolt.law.harvard.edu/articles/pdf/v08/08HarvJLTech521.Pdf>.
6. Enright M-J. The Globalization of Competition and the Localization of Competitive Advantage: Policies towards regional clustering// In: N. Hood, S. Young (eds.): The Globalization of Multinational Enterprise Activity and Economic Development. Basingstoke: MacMillan,

- 2000.Pp. 303–331. URL: // https://link.springer.com/chapter/10.1057/10/9780230599161_13. Pdf.
7. Coe N.et al. Globalizing regional development: a global production network perspective// Transitions of Institute of British Geographers. 2004. №. 29.Pp. 468–484. URL: https://courses.nus.edu.sg/course/geoywc/publication/2004_TIBG. Pdf.
  8. Landry R., Amara N., Lamari M. Does Social Capital Determine Innovation? To What Extent? //Technological Forecasting & Social Change. 2002. № 69. Pp. 681–701.
  9. Garafiev I. Z. Institutional bases of development of innovative environment of the region (sociological approach) // State and civil society: politics, Economics and law. 2013. No. 1. P. 74–78.
  10. Dosi G., Freeman C., Nelson R., Silverberg G., SoeteL. Technical change and economic theory. London, Francis Pinter and New York: Columbia University Press, 1988. 636 p.
  11. Amin A. An Institutionalist Perspective on Regional Economic Development // International Journal of Urban and Regional Research. 1999. Vol. 23. no. 2. — Pp. 365–378.
  12. Meso-Economics of development. Under the editorship of corresponding member.-Corr. Ran G. B. Kleyner; Central Economics and mathematics Institute of Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 2011. 805 p. URL: <https://kleiner mmm. ru/wp-content/uploads/2014/09/Mezzo-razv1.R d f>.
  13. Gareev T. R. Regional institutionalism: terra incognita or terra ficta? // Journal of institutional research. 2010. Vol.2. No. 2. P. 27–38.
  14. Volynsky, A. I. Meso-level as an object of study in the economic literature of modern Russia // Journal of institutional studies. 2017. Vol. 9. No. 3. P. 36–49.
  15. Stiglitz J.E. Economic Foundation of Intellectual Property Rights // Duke Law Journal. 2008.Vol. 57. Pp. 1693–1724. URL: <http://scholarship.law. Duke/edu/cgi/viewcontent>.

16. Kravchuk A. Yu., Makhalova A. I. Intangible assets as the basis of the concept of strategic regional development // Yaroslavl pedagogical Bulletin. 2011. No. 1.T. I. S. 66–70.
17. Kovacic W. Designing Antitrust Remedies for Dominant Firm Misconduct // Connecticut Law Review. 1999. № 31. С. 1285–1293.
18. Sirkin H., Hemerling J. Globality // The Boston Consulting Group. N.J.: Business Plus, 2008. 292 p.
19. Vaskovsky A. S. Peculiarities of competition in innovative entrepreneurship: author. dis. kand. Ekon. Sciences: rags under RF President. M., 2000. 24 PP.
20. Ovchinnikov V. N., Ketova N. P. Systemtapgui the effect of interaction between innovation and the institutional environment of the region // Economy of region. 2016. Vol. 12, vol. 2. P. 537–546, DOI 10.17059/2016–2–18.
21. Edquist C. (Ed.). Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organi-sation. Cassel, London, 1997. 432 p.
22. Andersen B. Intellectual Property Rights: Innovation, Governance and the Institutional Environment. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2006. 365 p.
23. Goucher O. L., Danilov A. I. the Institutional framework of the economy of the region // Bulletin of the Vladimir state University. Series: Economics. 2015. No. 2(4). P. 19–25.
24. Vanberg V.J. Systemtransformation, Ordnungsevolution und Protektion: Zum Problem der Anpassung von Wirtschaftssystemen an ihre Umwelt // Cassel D. Institutionelle Probleme der Systemtransformation. Berlin: Duncker & Humblot, 1997. S. 11–41.
25. Eichelkraut C. the Capacity of the political design of the institutional environment in Russia from the point of view of evolutionary Economics Journal of institutional research. 2009. Vol.1. No. 1. P. 36–42.
26. Polterovich V. M. Transplantation of economic institutes // Economic science of modern Russia. 2001. No. 3. P. 24–50.

27. Kurdin A. A. Shastitko A. E. Two arguments for limiting antitrust in the implementation of intellectual property rights in developing economies // Problems of state and municipal management. 2017. No. 1. Pp. 31– 49.
28. Anisimov A.V. The transformation of Modern antitrust policy // Journal of economic theory. 2018. Vol. 15. No. 2. P. 335–339.
29. Romanova O. A. strategy of social-economic development of regions of the Russian Federation in the context of challenges of the digital economy // news USUE. 2018. Vol. 19. No. 3. P. 55–68.

Мокроносков Александр Германович

д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономики предприятий Уральского государственного экономического университета, ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45, г. Екатеринбург, 620144, к. 465, amokronosov@mail.ru

Анисимов Антон Владимирович

к.э.н, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН, ул. Московская, 29, 620014, г. Екатеринбург, antony78@yandex.ru

**ВЛИЯНИЕ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
СЕТЕВЫХ СТРУКТУР
ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО
ТИПА НА РАЗВИТИЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ¹**
**INFLUENCE
OF INDUSTRIAL
NETWORK STRUCTURES
OF A CITY-FORMING
TYPE ON THE
DEVELOPMENT
OF MUNICIPAL
FORMATIONS**

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-00833 А «Неоиндустриализация в пространстве макрорегиона в контексте циклично-волновой методологии (на примере Урала).

А.А. ГЛУМОВ

Кандидат экономических наук, начальник финансово-экономического управления Уральского государственного экономического университета

A.A. GLUMOV

Candidate of Economic Sciences, Head of Finance and Economic Department of the Ural State University of Economics

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию направлений и условий взаимодействия сетевых структур градообразующего типа и муниципального образования. Автором статьи выявлены возможности и ресурсы взаимовыгодного развития обоих хозяйствующих субъектов. С использованием аксиоматических методов определены взаимообуславливающие проблемы такого развития. Для повышения управляемости данных хозяйствующих субъектов и встраивания стратегии развития сетевых структур градообразующего типа в стратегию развития муниципального образования разработаны концептуальные параметры такой стратегии, в основу которых предложено закладывать элементы командного управления.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the directions and conditions of interaction between the network structures of the city-forming type and the municipality. The author of the article reveals the role and place of network structures in the economy of a single-industry city, as well as the possibilities and resources for mutually beneficial development of both economic entities. With the use of axiomatic methods, the interdependent problems of such development and the ways of their solution are defined. In order to increase the controllability of these economic

entities, conceptual parameters of the development strategy of the municipality and city-type network structures have been developed, based on which it is proposed to lay the elements of team management.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сетевые структуры, муниципальное образование, влияние, стратегическое развитие.

KEYWORDS

Network structures, municipality, influence, strategic development.

В современных условиях роль сетевых структур в экономике территорий существенно трансформируется. Инструменты управления, стимулирования, регулирования и контроля за деятельностью муниципальных образований больше не находятся исключительно в руках органов муниципального управления, а рассеяны между множеством разнообразных рыночных структур. Тем самым происходит ослабление иерархических взаимодействий за счет расширения горизонтальных связей между властью и бизнесом, иначе говоря, на смену классической, вертикально организованной системе управления муниципальными образованиями приходит управленческая децентрализация (гетерархия).

Результатом сетевого альянса муниципалитета и сетевой организации становится, с одной стороны, их сбалансированное развитие, с другой — постепенная подмена сетями органов власти территории (что характерно для бедных ресурсами муниципалитетов), которые формируют внутренние рынки и берут на себя социальные обязательства. В первом случае оба участника сетей объединяются добровольно, обмениваются ресурсами и создают благоприятные

условия для взаимодействия, что увеличивает их стратегические выгоды и жизнеспособность. На основе статусного равенства государственных и негосударственных структур происходит вовлечение в обсуждение и реализацию социально-экономической политики муниципалитета заинтересованных участников на принципах доверия и максимально широкого использования согласительных процедур. Такие идеальные отношения не лишены конкурентной борьбы за ресурсы как внутри альянса, так и за его пределами. Во втором случае происходит наращивание власти, а значит, и монополии, сети в муниципалитете. Монополизация бизнеса и власти со стороны сетевых компаний приводит к снижению самостоятельности власти, которую сеть использует как инструмент собственных интересов, а также к подавлению конкуренции на территории.

Анализ направлений взаимодействия сетевых структур и муниципального образования. В России проблемы экспансии сетей на территориях, особенно в крупных городах, только начинают исследоваться. Так, А.В. Лукишин [8], Е.С. Огородникова, А.Ю. Коковихин и А.Е. Плахин [10], В.С. Петров [11] и другие рассматривают роль градообразующего предприятия в социально-экономическом развитии моногородов; В.А. Трифонов [14], А.И. Лыткин [9] и другие — влияние таких предприятий на инновационные процессы во всех сферах развития города; А.В. Баженов [2], А.В. Курлыкова и Т.В. Бегун [6] — о социальной деятельности и социальном инвестировании крупных, в т.ч. сетевых, корпораций.

Сегодня для мегаполисов характерна множественная экспансия федеральных и региональных, преимущественно торговых, сетей, при этом Екатеринбург, Новосибирск, Са-

мара, Нижний Новгород и Краснодар отличаются развитием местных сетевых структур. Что касается промышленных сетевых компаний, то особенностью страны является моноспециализация многих исторически сложившихся городов, в которых развиваются единичные предприятия, в большинстве случаев являющиеся элементами сетевых структур (государственных компаний, крупных корпораций, холдингов и т.д.).

При этом специфика деятельности торговых и производственных сетей в контексте развития территорий значительно различается. Производственные сети в большей степени интегрированы в социально-экономические процессы муниципалитетов.

На начало 2018 года в список российских моногородов входило 319 муниципальных образований, в которых проживает около 9% населения страны. Моногорода расположены в 61 из 85 регионов, преимущественно Поволжья и Сибири. Отраслевая специализация таких городов достаточно разнообразна: металлургия (84 города, в которых проживают порядка 30% население моногородов России) и машиностроение (59 города и 30% населения), деревообработка (38 города и 5% населения) и др. В Уральском федеральном округе насчитывается 37 моногородов (в них проживают 20% населения округа), в том числе в Свердловской области — 17 (28,9% населения области). Значительная часть моногородов области имеет специализацию в области металлургии. При этом металлургический комплекс Свердловской области насчитывает в своем составе 79 крупных и средних организаций, которые практически все входят в вертикально-интегрированные холдинги, являясь элементами сетевых производственных структур.

В процессе укрупнения и вхождения в сетевые структуры металлургические предприятия Свердловской области смогли приобрести важные конкурентные преимущества и усилить свои рыночные позиции на территориях различного уровня.

На примере Верхнесалдинского городского округа (далее — ГО) Свердловской области, где расположен моногород с металлургической специализацией Верхняя Салда, исследуем проблемы и перспективы его стратегического развития совместно с градообразующим предприятием — ПАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА», входящим в госкорпорацию «Ростех». Для этого проведем анализ: рыночной власти или уровня экспансии данной сетевой компании в муниципальном образовании, проблем и перспектив гармоничного развития и взаимовыгодного сотрудничества; противоречий и общих интересов между целями, приоритетами развития муниципалитета и управленческой политикой сети; эффективности использования стратегии развития компании и муниципалитета.

ПАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА» относится к вертикально-интегрированной металлургической корпорации, объединяющей два крупных технологически связанных предприятия: Верхнесалдинское металлургическое производственное объединение (ВСМПО, Верхняя Салда, Свердловская область) и Березниковский титаномагнийевый комбинат (АВИСМА, Березники, Пермский край). Компания глубоко интегрирована в российскую и мировую авиакосмическую индустрию (порядка 30% производимого корпорацией титана идет на промышленное производство, 40% — на авиастроение, 20% — на двигателестроение и 10% — на производство ракет) и является

крупнейшим в мире производителем титана и титановых сплавов (порядка 30 тыс. т в год, что составляет более 90% российского титана). Конкурентов компании на рынке производства титановых полуфабрикатов в России практически нет. Среди потребителей — предприятия различных отраслей промышленности: химического машиностроения, энергетики, судостроения, медицинских имплантов, товаров для спорта, отдыха и т.д. Около 60% продукции ВСМПО-АВИСМА поставляется на экспорт, что обеспечивает до 40% потребностей в титане Boeing, 60% — потребностей EADS, 100% — Embraer.

В Верхнесалдинском ГО ВСМПО является ярко выраженным лидером среди бизнес-структур, постоянно поддерживая на территории высокие, по сравнению со средними по Свердловской области, показатели:

- занятости (низкий уровень безработицы) — на предприятии занято порядка 60% трудоспособного населения, уровень безработицы в ГО на конец 2017 года составил порядка 0,65%;
- уровня оплаты труда населения — уровень среднемесячной заработной платы на одного работника по ГО в 2017 г. составил 41 633 руб, что на 24% выше значения подобного показателя по Свердловской области;
- объемов инвестиций в основное производство на душу трудоспособного населения территории — 133,7 тыс. руб. на единицу трудоспособного населения в 2017 году (21,8 тыс. руб. на чел в Свердловской области);
- объемов производства на душу трудоспособного населения территории — 3,221 млн. руб. на чел (1,3 млн руб. в Свердловской области), в том числе экспорта (60% в объеме производства).

По данным Управления федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области, в структуре промышленности ГО основную долю занимают обрабатывающие производства (98,7%), где ВСМПО играет определяющую роль. При этом за последние годы в структуре промышленности ежегодно происходит наращивание доли обрабатывающих производств за счет усиления доминирующего положения градообразующего предприятия. Тем самым, несмотря на развитие ОЭЗ «Титановая долина», которая призвана диверсифицировать экономику Верхнесалдинского ГО, снизить риски социальной напряженности на долгосрочный период, происходит рост моноспециализации данной территории со стороны ВСМПО.

Если сравнивать финансовые возможности Верхнесалдинского ГО и ВСМПО-АВИСМА (данные приведены по корпорации в целом), то величина доходов корпорации только в 2017 году превысила доходы бюджета муниципального образования в 46 раз, в 2016 году — в 56 раз. Возможности корпорации и муниципального образования не поддаются сравнению. Сегодня ВСМПО обладает экономической и политической властью на территории ГО, а также отличается высокой социальной ответственностью бизнеса. Таким образом, рассматриваемая сетевая структура, Ростехнологии, осознает свою роль в социально-экономических процессах территории.

Базовым элементом реализации социальной ответственности градообразующего предприятия, согласно исследованиям А.В. Курлыковой и Т.В. Бегун [6], И.Ю. Беляевой [3], И.А. Ивановой [4] и других, является социальное инвестирование, которое может преследовать цель решения социальных задач в отношении своих работников и территории в целом.

Социальное инвестирование ВСМПО в отношении своих работников включает выделение финансовых ресурсов на обеспечение социальной защиты (например, медицинское обслуживание, предоставления лечебно-профилактической помощи через систему добровольного медицинского страхования, возмещение расходов на питание, обслуживание работников на объектах физкультурно-спортивного клуба ВСМПО, предоставление услуг культурно-досуговой направленности), а также адресную социальную поддержку (в виде поддержки вновь трудоустроенных, предоставления служебного жилья и беспроцентных займов, поощрения за многолетнюю трудовую деятельность, предоставления льготных путевок, поддержки семьи, работников в особых жизненных ситуациях и т.д.). Такие инвестиции приводят к улучшению внутрикорпоративной среды предприятия и, соответственно, повышению качества персонала и уровня производительности труда.

Социальное инвестирование в отношении территории в целом, по мнению М. Игнатьева и О. Лещенко [5], Т.Н. Савиной [13] и других, подразумевает объединение усилий на основе межсекторального социального партнерства и ГЧП. Партнерские отношения власти и бизнеса реализуются в рамках взаимовыгодного решения следующих социальных проблем: содержание и развитие объектов социальной инфраструктуры; финансовая поддержка проведения спортивных и культурных мероприятий; развитие городской инфраструктуры и объектов ЖКХ.

Что касается содержания и развития объектов социальной инфраструктуры, то ВСМПО выстраивает партнерство с муниципалитетом по следующим направлениям:

- развитие образования: строительство и финансовая поддержка школы № 1 им. А.С. Пушкина; спонсорская помощь кадетским школам № 9 и № 17, школам № 2, 3, 6 и 12, авиаметаллургическому и многопрофильному техникумам; развитие программ «Металлургия титана» в филиале ГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (за 10 лет на эти цели ВСМПО потрачено не менее 350 млн руб.);
- развитие здравоохранения: открытие и содержание медицинского учреждения «Медико-санитарная часть Тирус»; открытие роддома (более 100 млн руб.);
- развитие спорта: создание и развитие физкультурно-спортивного комплекса «Старт», спортивного комплекса с бассейном «Чайка», тренажерных залов, спортивно-оздоровительного комплекса «Гора Мельничная» с лыжными и горнолыжными трассами, стадиона «Старт» с футбольным полем и катком; содержание переданного городу бассейна «Крепыш» (более 1 млн руб. ежегодно). Из шести крупных Спортивных сооружений Верхнесалдинского ГО три находятся на балансе ВСМПО;
- развитие культуры: поддержка в виде ремонта здания и проведения корпоративных мероприятий во дворце культуры имени Агаркова.

В общей сложности за 2017–2018 годы ВСМПО выделило на обновление образовательной и культурной инфраструктуры города Верхняя Салда более 60 миллионов рублей. Тем самым сетевая структура позволяет муниципальному образованию в условиях ограниченных ресурсов поддерживать должный уровень развития социальной инфраструктуры, что способствует повышению качества жизни не только ра-

ботающих на градообразующем предприятии, но и всего населения территории.

Кроме того, ВСМПО определяет имидж Верхнесалдинского ГО, ориентируя население на новые стандарты и стиль жизни. Брендинг является относительно новым механизмом управления развитием территории, очень редко используемым муниципальным образованием для обеспечения инвестиционной привлекательности, формирования и привлечения высококвалифицированных кадров, роста качества жизни населения. Однако позитивный и известный имидж ВСМПО в совокупности с достаточными инвестиционными возможностями могут насытить территорию событиями, что приведет к оживлению спортивной, культурной и деловой жизни. Уже сегодня в Верхней Салде корпорация организует встречи местных спортсменов с отечественными звездами хоккея и волейбола, выступает генеральным спонсором ежегодного конкурса «Музыкальная шкатулка», проводит День рождения ВСМПО, День Металлурга и другие мероприятия.

Важнейшим направлением сотрудничества градообразующего предприятия с муниципалитетом является развитие городской инфраструктуры: облагораживание дворов и парков (только благоустройство парка имени Гагарина обошлось ВСМПО в 21 млн руб.); ремонт дорог; обновление объектов ЖКХ. Партнерство муниципального образования и ВСМПО в сфере развития транспортной и коммунальной инфраструктуры вызвано объективной необходимостью, поскольку предприятие использует общие с ГО автомобильные и железную дороги, зависит от степени развитости городской инженерной и энергетической инфраструктуры, которые выполняют основную и вспомогательную роли по отноше-

нию к корпоративной (часто автономной) инфраструктуре. Состояние инженерной инфраструктуры муниципалитета определяет возможности нормального функционирования как градообразующего предприятия, так и города.

Таким образом, ВСМПО является гарантией социального баланса в Верхнесалдинском ГО, поскольку эти два хозяйствующих субъекта находятся во взаимной зависимости, обеспечивая гармоничное развитие друг друга. Согласованная муниципально-корпоративная политика управления территорией экономически оправдана, она позволяет учитывать интересы населения, выражаемые со стороны органа муниципального самоуправления, и ключевого бизнеса. Однако такая территориальная монополия сетевой компании имеет не только плюсы, но и минусы, обусловленные жесткой зависимостью развития муниципалитета от управленческой позиции и финансово-экономического благополучия бизнес-структуры.

Взаимообуславливающие проблемы градообразующего промышленного предприятия и муниципального образования. Управленческая позиция сетевой компании может заключаться в наращивании ее ресурсной монополии и потребительского отношения к территории присутствия, а также ее неучастия в жизни муниципалитета. Неучастие руководства градообразующего сетевого предприятия в решении проблем, возникающих в муниципальном образовании, приводит к выработке у работников психологического стереотипа «временщика», который не связывает свои планы на будущее с работой на данном предприятии. Это негативно сказывается не только на показателях эффективности его профессиональной деятельности, но и на социальности поведения. Эффективность деятельности сетевой компании,

в свою очередь, определяет экономическое и социальное благополучие территории, качество и уровень жизни населения и даже жизнеспособность муниципалитета. В случае, когда ресурсов градообразующего предприятия недостаточно для содержания непрофильных социальных активов, происходит наращивание социальной напряженности и конфликт с органами местного самоуправления. Конфликтная ситуация еще больше усугубляет взаимообуславливающие проблемы, возникающие между хозяйствующими субъектами.

К основным взаимообуславливающим проблемам градообразующего промышленного предприятия и муниципального образования можно отнести: автономное развитие города и градообразующего предприятия; старение населения и его однородный в профессиональном плане состав; низкую адаптивность населения к инновациям; высокую степень зависимости уровня доходов населения от экономического положения предприятия; неразвитость транспортной, инженерной и деловой инфраструктуры территории.

Автономное развитие моногорода и градообразующего предприятия в отечественной практике практически не встречается. Со стороны предприятия заинтересованность в перспективном развитии территории обусловлена необходимостью эксплуатации единой или зависимой инфраструктуры, а также удовлетворением ожиданий и предпочтениями занятого населения. Муниципальное образование же в лице предприятия получает союзника при реализации социально-экономической политики, в первую очередь в вопросах содержания и управления социальной сферой. Однако ввиду финансовой несостоятельности многие градообразующие предприятия остаются пассивными по отношению к развитию территории своей дислокации.

Старение населения — одна из основных проблем развития практически всех моногородов России, возникающая в связи с увеличением продолжительности жизни горожан на фоне роста отрицательной миграции молодежи и падения рождаемости. Данная тенденция характерна и для Верхнесалдинского ГО, где численность населения за последние 5 лет снизилась на 5%, трудоспособного — на 7% относительно 2013 года, главным образом за счет увеличения численности населения старше трудоспособного возраста и снижения рождаемости.

Отъезд жителей в связи с выталкивающими факторами также влечет за собой рост потребности в кадрах, нехватку специалистов с высокими компетенциями и, соответственно, способствует наращиванию издержек производства и неконкурентоспособности продукции.

Поскольку население не растет, то уровень безработицы в ГО стабильно низкий и составляет 0,65%. Специализация муниципального образования отражается на профессиональной специализации населения, ввиду чего на рынке труда образуется небольшая напряженность, снимаемая наличием вакансий в организациях социальной сферы. При этом возрастает риск «мгновенной» масштабной безработицы с затяжным периодом ее преодоления, вызванной ухудшением финансово-экономической ситуации на градообразующем предприятии.

Население с доходами выше среднего по региону отличается низкой адаптивностью к любым изменениям в профессиональной деятельности, но высокими требованиями к развитию социальной сферы. Поэтому, чтобы удержать высокопроизводительные кадры, руководство градообразующего предприятия вынуждено поддерживать развитие со-

циальной и инженерной инфраструктуры муниципального образования. Уровень развития социальной инфраструктуры должен соответствовать стандартам качества жизни населения для комфортного проживания, самосовершенствования и культурного развития, обучения, отдыха и обеспечения здоровья жителей. Обобщенным показателем, характеризующим уровень развития социальной сферы, является удовлетворенность населения. По мнению Ю.В. Астахова [1], О.Г. Логиновой [7] и других, комплексный показатель удовлетворенности жителей социальной средой городского образования может интегрировать в себя различные частные показатели: удовлетворенность организацией благоустройства города, удовлетворенность транспортного обслуживания, удовлетворенность качеством дошкольного и общего образования, безопасность и т.д.

В Верхнесалдинском ГО наблюдается высокий уровень удовлетворенности населения качеством дошкольного и общего образования, обеспеченности первичной и скорой медицинской помощью.

Профессиональное образование можно получить в филиале ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», ГАПОУ СО «Верхнесалдинский авиаметаллургический техникум», ГАПОУ СО «Верхнесалдинский многопрофильный техникум им. А.А. Евстигнеева», Уральском экономическом и Экономико-правовом колледжах, Торгово-экономическом техникуме и Нижнетагильском медицинском училище. При этом большинство специальностей учебных заведений ориентированы на сферу развития металлургического производства.

Показатели активности населения при проведении культурно-массовых мероприятий и уровень занятости

населения Верхнесалдинского ГО спортом относительно невысокие. Развитию культурного потенциала на территории ГО способствует наличие 11 муниципальных и ведомственных учреждений культуры. Оживление интереса к этим объектам возможно в условиях их модернизации (внедрения новых цифровых форм культурного просвещения и современных аудиовизуальных технологий на объектах культуры и досуга, проникновения «индустрии досуга» в музеи, открытия новых площадок для временных экспозиций и выставок), развития индустрии высокоинтеллектуального отдыха, экологического, этнического, спортивного и делового туризма.

Инфраструктура физической культуры и спорта в Верхнесалдинском ГО (спортивные залы и бассейны в образовательных учреждениях, специализированные спортивные дворовые и волейбольные площадки, Детско-юношеская спортивная школа, спортивно-оздоровительный комплекс и клуб) способствует поддержанию здорового образа жизни среди молодежи и спорта высших достижений. Для улучшения показателей вовлеченности населения в спортивно-массовые мероприятия необходимо: развивать инфраструктуру сферы физической культуры и спорта; обеспечивать организацию официальных физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий; совершенствовать системы спортивных и физкультурных мероприятий.

При том что развитие социальной инфраструктуры определяет качество жизни населения муниципального образования, ее содержание требует часто некупаемых крупных инвестиций. В условиях ограниченных финансовых ресурсов у территории содержание социальных объектов и объектов ЖКХ на балансе градообразующего предприятия увеличи-

вает себестоимость, а значит, и цену производимой продукции, что негативно влияет на ее конкурентоспособность. При этом даже незначительное ухудшение финансово-экономического положения сетевой структуры отражается на социально-экономическом состоянии муниципального образования, уровне и качестве жизни его населения. Кроме того, для большинства городов России характерен высокий уровень износа коммунальной инфраструктуры, ограниченность ее мощности и пропускной способности. Низкая степень развитости коммуникаций, в свою очередь, мешает расширению городского пространства и развитию бизнеса.

К основным ограничивающим развитие предприятий факторам относится развитость транспортной инфраструктуры. Ее рассматривают как инструмент, обеспечивающий связанность территорий и расшивки «узких мест» в рамках существующей сети автомобильных или железных дорог. Для жителей муниципального образования развитость транспортной инфраструктуры влияет на их мобильность, для предприятия — на величину транспортных издержек, для города в целом — на рост экономики и долгосрочное развитие территории. Для Верхнесалдинского ГО достаточно остро стоит проблема «инфраструктурного разрыва», выражаемого в территориальной отдаленности от потенциальных потребителей и партнеров, низкой пропускной способности дорог, их невстроенности в федеральную и региональную транспортные сети.

Обобщая исследования в области анализа взаимообуславливающих проблем, можно сделать вывод, что в настоящее время на муниципальном уровне происходит пересечение интересов и, соответственно, сращивание ресурсов и управленческих компетенций крупного сетевого бизнеса и власти.

Тем самым, по мнению Е.М. Роговой, стратегическое развитие муниципального образования не может не учитывать основных положений стратегии градообразующего предприятия, что обусловлено системным, взаимообуславливающим характером их проблем [12]. Такие проблемы касаются в первую очередь вопросов создания в муниципальном образовании новых высокопроизводительных рабочих мест, улучшения условий ведения бизнеса и роста инвестиционной привлекательности территории, благоустройства города и повышения уровня жизни, диверсификации экономики. С точки зрения изменения стратегии развития градообразующего предприятия они должны касаться не просто реструктуризации такого предприятия путем уменьшения его рыночной власти, а целенаправленной трансформации существующих формальных отношений между бизнесом и властью в области ресурсной обеспеченности производственного процесса. Однако вопросы, связанные с разработкой механизмов сглаживания дисбалансов в развитии муниципального образования и градообразующей сетевой промышленной структуры, так и остаются нерешенными.

Стратегические направления развития сетевой структуры и муниципального образования. Сложность, многогранность и динамичность обоих хозяйствующих субъектов обуславливает необходимость их развития как единой системы, в рамках которой каждый элемент ориентирован на общую траекторию роста, видит свою роль в обеспечении ее реализации и мотивации на самостоятельные действия и действия в команде. Концептуально командное управление необходимо ориентировать на максимальную вовлеченность муниципального образования в деятельность сетевой структуры и, наоборот, через реализацию совмест-

ных муниципальных социально ориентированных проектов на принципах взаимовыгодного сотрудничества, органичности развития и оперативного решения поставленных задач. Основными сферами реализации совместных проектов могут рассматриваться развитие здравоохранения, образования, спорта, культуры, инженерной инфраструктуры, экономики города.

Активную позицию ВСМПО проявило при разработке стратегии развития Верхнесалдинского ГО, которая интегрировала интересы ВСМПО и муниципального образования. Совместная командная работа позволила определить ряд совместно реализуемых стратегических проектов:

- 1) синхронизация развития ВСМПО, ОЭЗ «Титановая долина» и муниципального образования их дислокации. Проект позволит: для ГО — развивать экономику (за счет увеличения грузооборота резидентов Титановой долины), транспортную инфраструктуру (предполагается модернизация железной дороги и строительства новой ветки; реконструкция участка автодороги Нижний Тагил — Верхняя Салда и строительства юго-восточного обхода города Нижний Тагил, села Покровское и деревни Северная), социальную сферу (для прогнозируемого роста численности занятых планируется создание благоприятных условий для их адаптации к условиям жизни в городе Верхняя Салда: строительством жилого микрорайона с сопутствующей инфраструктурой); для ВСМПО — расширить сферу своей деятельности за счет создания дочерних компаний и сформировать сеть близко расположенных партнеров;
- 2) диверсификация экономики Верхнесалдинского ГО, которая будет включать не только развитие малого

бизнеса, но и создание совместных или, при поддержке ВСМПО малых и средних транспортных и инновационных предприятий, предприятий сферы услуг и туризма. Развитию малого бизнеса может способствовать возрождение сельского хозяйства и фермерства. Такая диверсификация характерна для ряда крупных сетевых промышленных компаний Свердловской области (УГМК, РМК, ГК «Синара»);

- 3) развитие на принципах ГЧП сферы здравоохранения для обеспечения жителей городского округа, в т.ч. работников предприятия, качественной медицинской помощью, поддержание здорового образа жизни населения;
- 4) модернизация систем жизнеобеспечения в рамках федеральной программы развития моногородов, программ стратегического развития ВСМПО и особой экономической зоны, а также с использованием ресурсов муниципалитета и прочие проекты.

Тем самым проведенное исследование доказывает, что вовлеченность сетевой структуры в команду управления муниципальным образованием превращается в ключевое конкурентное преимущество развития территории и бизнес-структур.

Библиографический список

1. Астахов Ю.В., Ткачев А.А., Трапезников С.В. Удовлетворенность населения социальной средой муниципального образования // ДИСКУССИЯ. № 10(62). Ноябрь 2015. С. 87–94.
2. Баженов А.В. К характеристике основных направлений социальной деятельности крупных корпораций // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2012. № 4. С. 186–192.

3. Беляева И.Ю., Эскиндарова М.А. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект. М.: КНОРУС, 2008. 25 с.
4. Иванова И.А. Оценка эффективности реструктуризации бизнеса и его социальной ответственности: современный методологический подход // Менеджмент в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 89–96.
5. Игнатъева М., Лещенко О. Факторы эффективного социального развития моногородов // Человек и труд. 2011. № 9. С. 22–25.
6. Курлыкова А.В., Бегун Т.В. Концепции устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности в управлении градообразующим предприятием // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 5. С. 34–38.
7. Логинова О. Г., Федорева А. О. Социальная среда и удовлетворенность трудом: сравнение отечественного и зарубежного опыта // Молодой ученый. 2017. № 3. С. 355–358.
8. Лукишин А.В. Роль градообразующих предприятий в социально-экономическом развитии моногородов// Дискуссия. 2016. № 5(68). С. 33–36.
9. Лыткин А.И. Направления инновационного развития моногорода // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2012. № 1. С. 44–46.
10. Огородникова Е.С., Коковихин А.Ю., Плахин А.Е. Градообразующие предприятия Свердловской области: территориально-отраслевой разрез // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8–3 (85). С. 266–268.
11. Петров В.С. Роль и место муниципального управления в промышленном развитии // Журнал правовых и экономических исследований. 2011. № 2. С. 169–173.
12. Рогова Е. М., Ткаченко Е. А., Белов А. М., Сурков О. В. Глава 2. Реструктуризация экономики градообразующего предприятия как направление структурной перестройки экономики про-

мышленного моногорода // В кн.: Стратегическое развитие промышленных моногородов России: научное обеспечение и пути реализации. СПб. : ГУАП, 2013. Гл. 2. С. 39–69.

13. Савина Т.Н. Концептуальные основы методологии исследования социально ответственного инвестирования // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 9(408). С. 52–62.
14. Трифонов В.А. Стратегия инновационного развития градообразующих предприятий // Научное обозрение. 2014. № 7–1. С. 366–368.

List of References

1. Astakhov YU.V., Tkachev A.A., Trapeznikov S.V. [Population satisfaction with the social environment of a municipality]. DISKUSSIYA= DISCUSSION, no.10 (62), Noyabr, 2015, pp.87–94.
2. Bazhenov A.V. [To the characteristic of the main directions of social activity of large corporations]. Menedzhment i biznes-administrirvaniye= Management and business administration, 2012, no. 4, p. 186–192.
3. Belyayeva I.YU., Eskin্দarova M.A. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': upravlencheskiy aspect [Eskin্দarova MA Corporate social responsibility: managerial aspect]. M.: KNORUS, 2008. 25 p.
4. Ivanova I.A. [Evaluation of the effectiveness of business restructuring and its social responsibility: a modern methodological approach]. Menedzhment v Rossii i za rubezhom= Management in Russia and abroad, 2015, no. 1, pp. 89–96.
5. Ignat'yeva M., Leshchenko O. Faktory effektivnogo sotsial'nogo razvitiya monogorodov [Factors of effective social development of single-industry cities]. Chelovek i trud= Man and Labor, 2011, no. 9, pp. 22–25.
6. Kurlykova A.V., Begun T.V. [Concepts of sustainable development and corporate social responsibility in managing a city-forming enterprise]. Intellekt. Innovatsii. Investitsii= Intellekt. Innovation. Investments, 2016, no. 5, pp. 34–38.

7. Loginova O. G., Fedoreyeva A. O. [Social environment and satisfaction with work: comparison of domestic and foreign experience]. *Molodoy uchenyy= Young Scientist*, 2017, no.3, pp. 355–358.
8. Lukishin A.V. [The role of city-forming enterprises in the socio-economic development of single-industry cities]. *Diskussiya= Discussion*, 2016, no. 5(68), pp. 33–36.
9. Lytkin A.I. [Directions of innovative development of a mono-city]. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO= Economy, statistics and informatics. Herald UMO*, 2012, no. 1, pp. 44–46.
10. Ogorodnikova Ye.S., Kokovikhin A.YU., Plakhin A.Ye. [Town-forming enterprises of the Sverdlovsk region: territorial and sectoral profile]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo= Economy and Entrepreneurship*, 2017, no. 8–3 (85), pp. 266–268.
11. Petrov V.S. [The role and place of municipal management in industrial development]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy= Journal of legal and economic research*, 2011, no. 2, pp. 169–173.
12. *Strategicheskoye razvitiye promyshlennykh monogorodov Rossii: nauchnoye obespecheniye i puti realizatsii* [Strategic development of industrial single-industry cities of Russia: scientific support and ways of implementation]. SPb.: GUAP, 2013. 230 p.
13. Savina T.N. [Conceptual basis of the research methodology of socially responsible investment]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika= Economic analysis: theory and practice*, 2015, no. 9(408), pp.52–62.
14. Trifonov V.A. [Strategy of innovative development of city-forming enterprises]. *Nauchnoye obozreniye= Scientific Review*, 2014, no.7–1, pp. 366–368.

Контактная информация:

Глумов Антон Анатольевич

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Тел.: +7(343)221-17-54

E-mail: glumov@usue.ru

Contact links:

Glumov Anton A.

Ural State University of Economics

620144, Russia, Ekaterinburg, . 8 Marta/Narodnoi Woli st., 62/45

Tel: +73432211754

E-mail: glumov@usue.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ОСНОВНЫХ ФОНДОВ СОЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ IMPROVEMENT OF REPRODUCTION FIXED ASSETS SOCIAL PURPOSE IN RURAL AREAS

С.А. ОГАРКОВ

Кандидат экономических наук, преподаватель,
АОЧУ ВО Московский финансово-юридический
университет МФЮА

S.A. OGARKOV

PhD applicant in economics, Accredited private
educational institution of higher education
«Moscow financial and law University» (MFUA),
lecturer

А.П. ОГАРКОВ

Доктор экономических наук, профессор
кафедры городского кадастра,
ФГБОУ ВО Государственный университет по
землеустройству

A.P. OGARKOV

PhD in economics, Professor of the Department of urban cadastre, Federal State Budgetary Institution of Higher Education State University of Land Management

АННОТАЦИЯ

Снижение плотности размещения населения, вызванное естественной убылью и массовым центростремительным перемещением с Востока, происходит одновременно с сокращением строительства объектов социальной сферы в сельской местности, ростом износа основных фондов, увеличением расстояний от жилья до объектов. Предложен усовершенствованный способ территориального размещения социальных основных фондов на основе координатного метода с учетом платежеспособного спроса населения, транспортной мобильности, сотовой связи, а также обновления инфраструктуры социальных основных фондов на основе цифровизации и создания типовой сети библиотек, клубов и других социальных объектов, позволяющий рассчитать необходимую потребность в земельных участках новой застройки и затраты по воспроизводству основных фондов.

ABSTRACT

The decrease in population density caused by natural loss and mass centripetal displacement from the East occurs simultaneously with the reduction in the construction of social facilities in rural areas, increasing depreciation of fixed assets, increasing distances from housing to facilities. An improved method of territorial allocation of social fixed assets on the basis of the coordinate method, taking into account the effective demand of the population, transport mobility, cellular communication, as well as updating the infrastructure of social fixed assets on the basis of digitalization and the creation of a model network of libraries, clubs and other social facilities, allowing to calculate the necessary need for

land plots of new development and the cost of reproduction of fixed assets.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Доступность, население, социальные основные фонды.

KEYWORDS

Accessibility, population, social fixed assets.

Значение объектов социальной сферы для жизнеустройства населения в сельских поселениях определяется не только структурно-функциональным составом, доступностью, но и степенью их морального и физического износа. Обустройство объектами социальной сферы, к которым относятся жилые дома, учреждения общего пользования — детские дошкольные учреждения, объекты образования, здравоохранения, культуры, общественного питания, торговли, бытовых и финансовых услуг, спорта, отдыха, в сельской местности продолжает сокращаться. Важнейшими из причин выступают растущий износ основных фондов (более 40%), тяжелое материальное положение населения (после двукратной девальвации денежные доходы за 2014–2018 годы упали на 12%), недостаток долгосрочных капитальных вложений (около 20% в структуре ВВП), за счет которых и должны обновляться (возводиться на местах) эти объекты, непрерывная естественная убыль сельского населения (4,2 млн чел. за период 1991–2017 годов), создавшие разреженную плотность расселения населения по территории [1].

Анализ воспроизводственной структуры основных фондов социальной сферы выявил негативные тенденции, осложненных дисбалансом спроса между сокращающимся контингентом и выбывающими основными фондами со-

циальной сферы. При непрерывных цепных темпах роста индивидуального жилищного строительства не происходит пропорциональный прирост ввода объектов социальной сферы, что не способствует в необходимой мере развитию комплексного жизнеустройства на сельских территориях. В 2016 году сельские домохозяйства сконцентрировались в отдельных домах (59,3%) или в отдельных квартирах (29,4%). В период 1989–2016 годов квартирные домохозяйства в абсолютном выражении сократились с 39,8 на 10,7%, между тем проживающие в отдельных домах увеличились с 52,9% на 6,4 процента, что является свидетельством развития приусадебных хозяйств при индивидуальных домах [1].

В 2000 г. отмечен перелом тенденции непрерывного спада по вводу в действие жилых домов в сельской местности, находившейся на минимальном значении с 1990 г. уровне 40%, или 7168 тыс. м² общей площади. В течение 2000–2017 годов в Уральском федеральном округе ввод в действие жилых домов, построенных населением в сельской местности, вырос в пять раз, в Центральном, Северо-Западном, Сибирском федеральных округах — утроился, в Южном, Северо-Кавказском, Дальневосточном — удвоился. В Республике Крым в период 2014–2017 годов — вырос в 1,7 раза и составил 257,5 тыс. м². За счет всех остальных источников в 2017 г. построено всего 4500 тыс. м², или 20% общего объема, между тем в 1990 г. — 80% [9]. Однако снижение доходов населения в период 2014–2018 годов негативно сказалось на цепных темпах прироста ввода сельского жилья. Крайне важно поддерживать доходность сельского хозяйства, а вместе с ней — находить резервы для повышения темпов производительности труда, денежных доходов сельского населения, являющегося главным заказчиком и инвестором жилищного

строительства. В 2017 г. ввод сельских жилых домов составил 22,0 млн м², из которых населением — 17,5 млн м² (79,5%), и вырос в 4,6 раза по сравнению с уровнем 1990 года [1,9]. Почти весь прирост пришелся на индивидуальный сектор, доля которого в общем объеме сельского жилищного фонда повысилась в 1,6 раза, в значительной мере за счет частных домов горожан, построенных на селе. В частном секторе проживает 94% сельского населения, в том числе в индивидуальных домах — 92,2%, государственных — 1%, муниципальном жилье — 4,8% и прочих — 0,2%. При этом площадь частного жилищного фонда ежегодно и непрерывно растет, составив в 2017 г. 940 млн м² (исторический максимум), несмотря на хроническую естественную убыль численности сельского населения [1].

Сельский индивидуальный жилой дом в период рыночных реформ является одной из важнейших ценностей, выступая как средство организации жизнедеятельности и сбережения капитала. Постарение сельского населения, при увеличившейся за 2016–2018 годы численности старше 60 лет с 7,844 млн чел. до 8,214 млн чел. или на 370 тыс. чел., сопровождается усиливающимся износом жилых строений, уровень которого превысил 66% по 1,8 млн жилых домов [1, 2]. Основным стеновым материалом служит дерево — 9,2 млн жилых домов площадью 0,652 млн м², или около 20% всего жилого фонда [9]. Ведение капитальных работ и новое строительство в домохозяйствах сдерживается возможностями его членов, особенно те, в которых проживают одинокие старики.

Продолжается старение сельского жилищного фонда. Площадь ветхого и аварийного жилья в общей площади всего жилищного фонда к началу 2009 года по сравнению

с 1995 годом увеличилась на 17,58 млн м² с 10,2 млн м² (1,4%) до 27,7 млн м² (3,2%) или в 2,7 раза. В период 2010–2015 годов ветхий и аварийный жилищный фонд сократился с 99,4 млн м² до 88,0 млн м² (ветхий — 68,4 млн м², аварийный — 19,6 млн м²). Однако в 2016 г. по сравнению с 2015 г. площадь ветхого и аварийного жилфонда приросла на 1,1 млн м². В 2017 г. общий аварийный жилфонд увеличился на 5 млн м², сельский аварийный жилфонд за период 2015–2017 годов удвоился до 8,2 млн м² [1,9]. В расчете на одного сельского жителя приходится 0,22 м² аварийного жилья, или 12,5 тыс. руб. затрат на его замену, что в целом составляет около 466,4 млрд руб. при цене на первичном рынке 56,8 тыс. руб./м², или 319,4 млрд руб. при средней фактической стоимости строительства жилых помещений во введенных в эксплуатацию жилых зданиях в размере 38,9 тыс. руб./м² в 2017 году [9]. Наиболее высокий удельный вес ветхого жилищного фонда, несмотря на небольшое снижение за период 2015–2016 годов, сохраняется в Тыве (10,8%), Якутии (10,8%), Республике Дагестан (11,6%), Республике Ингушетия (13,3%), Кировской области (6,6%) [5].

Вместе с тем при непрерывных цепных темпах роста индивидуального жилищного строительства не происходит пропорциональный прирост ввода объектов социальной сферы, что не способствует в полной мере развитию комплексного жизнеустройства на сельских территориях.

Вместе с тем из-за дефицита мощности, инвестиций и личных сбережений в 2017 г. не более 59% сельских населенных пунктов благоустроены водопроводом, канализацией — 48%, центральным отоплением — 68%, ванными — 36%, газом (сетевым и балонным) — 73%, горячим водоснабжением — 35%, напольными электроплитами — 7%. В течение

2000–2017 годов газификация сельского жилфонда застыла на уровне 73–75%. Учитывая, что на газе и электричестве осуществляется приготовление пищи в домах, дефицит доступности энергоисточников составляет около 25% по всему объему жилищного фонда в сельской местности. Удельный вес сельских населенных пунктов на конец 2010 года, не имеющих связи по дорогам с твердым покрытием с сетью путей сообщения общего пользования, сократился по сравнению с 1995 годом на 17% и составил 28,6% [5].

Объекты сельской социальной инфраструктуры относятся к учреждениям общего пользования, источниками инвестиций в которые должны являться преимущественно государственные и низкопроцентные частные инвестиции, благотворительность. При этом источники инвестиций сверхрентабельных сырьевых корпораций недостаточно привлечены к возведению социальных объектов в сельской местности, являющиеся по своей сути приоритетными в совершенствовании инвестирования в сельском хозяйстве. Масштаб территории, сохранность ее целостности нуждаются в регулярных бюджетных рентах, поддерживающих статус обжитого и обустроенного пространства.

В 2013 г. число сельских дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) уменьшилось по сравнению с 1991 г. на 23,1 тысяч, или в 2,4 раза, и составило 17,5 тысяч на 1310,2 тысяч детей. Основную массу (87%) составляют малокомплектные детские сады (до 75 мест). Сокращение сети ДОУ происходило в основном вследствие ликвидации учреждений малой вместимости (число ДОУ уменьшилось на 3,8%). Вместе с тем на их численность влияет процесс интеграции дошкольного образования с начальным школьным. Подобные недостатки привели к вынужденному слиянию

и укрупнению дошкольных образовательных учреждений [5].

В период нововведения 2013–2017 годов оптимизации обычных ДОО, присоединения к ним узкоспециализированных ДОО, а также предназначенных для детей с ограниченными возможностями по здоровью, составляющие менее 5%, вместе с появлением организаций дошкольного образования, нарушилась сопоставимость учетных данных, при которой в численность ДОО стремительно возросла на 18,7 тысяч, одновременно численность обучающихся увеличилась на 191,3 тысяч. В тоже время ввод объектов ДОО непрерывно сокращался с 17,3 тыс. мест (в среднем за период 2011–2015 годов) до 12,5 тыс. мест [5].

Имеет место межрегиональная дифференциация обеспеченности дошкольными образовательными учреждениями. Наблюдается широкий разброс колебаний по федеральным округам — от 404 мест в Северо-Кавказском федеральном округе до 737 мест на одну тысячу детей в Северо-Западном федеральном округе (в 1,8 раза) [4]. Сохраняется тенденция сокращения (оптимизации) числа сельских школ. За период 1991–2017 годов в сельской местности утрачено 13,8 тысяч школ, в том числе 1,6 тысяч в 2013–2016 учебных годах. Сеть сельских школ сокращается за счет основных (в 2003/2004 учебном году на 1,8%) и начальных на 6,8%. Падение рождаемости, урбанизация привели к уменьшению численности обучающихся на 2 млн человек [5]. Техническое состояние сельских общеобразовательных учреждений стремительно повышается, в период 2001–2011 годов численность общеобразовательных учреждений, имеющих все виды благоустройства, увеличилась с 15,5 тысяч до 20,9 тысяч и составила 61%. Больше всего аварийных и требующих капи-

тального ремонта школ сохраняется в Южном (22,6%; 1,1%) и Северо-Кавказском (37,2%; 9,1%) федеральных округах [10].

Число сельских больниц в период 1991–2016 годов сократилось на 4431 единицы и составило 18,5%, потери мощности составили 125,1 тыс. коек. В период 1991–2013 годов закрыто 6486 единиц амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ). Однако на протяжении 2013–2016 годов в сельской местности появилось 2159 АПУ, с учетом которых их полная мощность превзошла уровень 1991 г. и составила 570 тыс. посещений в смену. Вместе с тем аудиторы Счетной палаты выявили 17,5 тысяч населенных пунктов, не имеющих медицинской инфраструктуры, 11 тысяч из которых находятся на удалении более 20 км от ближнего медучреждения [8].

В 2016 г. в аварийном состоянии находился 1% от общей численности зданий стационаров — 11,6 тысяч, требуют реконструкции — 2,4%, капитального ремонта — 21,1%. В 18,5% зданий отсутствует горячее водоснабжение, в 9,1% — центральное отопление; водопровод, канализация, телефонная связь среди 4–6% стационаров, которые условно можно считать безопасными для предоставления услуг населению и не затратными по содержанию. По амбулаториям: требуется капремонт для 16,3% из 19,7 тысяч зданий, горячее водоснабжение отсутствует в 27,7% зданий, центральное отопление — в 12,6% зданий. Несмотря на принудительный рост зарплаты в сельском здравоохранении, качество предоставляемых услуг остается под сомнением и несет риски не только потери затраченных личных и страховых средств, но и потери здоровья в подобных условиях оказания медпомощи. Высокий износ оборудования и капитальных строений не позволяет пройти многим медицинским учреждениям

необходимую сертификацию на оказание услуг в сельской местности.

Совершенствование законодательства позволило осуществить доступ по выбору к услугам медучреждений и лечащим специалистам по установленным единым правилам обслуживания вне зависимости от проживания или регистрации со страховым сертификатом, социальным пакетом. Однако случайный выбор пациентом медучреждения и медспециалиста ограничивает эффективность централизованных методов обустройства социальными объектами, рассчитанных на строгое соответствие закреплённому на территории контингенту (концентрации) получения услуг каждому в минимальном радиусе доступности.

В 2015 г. по сравнению с 1991 г. сеть клубных учреждений в сельской местности сократилась на 43% и насчитывала 35,4 тысяч учреждений. Однако увеличилась в 2017 г. на 2,2 тысячи, составив 37,6 тысяч. Резко сократилось число основных радиотрансляционных точек с 10,9 млн до 0,05 млн или на 99,5%. В 2017 г. в сельской местности насчитывалось 28,9 тысяч публичных библиотек, или 68,5% к уровню 1991 года. Материально-техническая база учреждений культурно-досугового типа пребывает также в ветхом состоянии: 34% сельских клубов и 9% библиотек требуют капитального ремонта и находятся в аварийном состоянии. Подавляющее большинство сельских клубных учреждений имеют устаревшее оборудование [5].

В сельской местности отчетливо проявился контраст не только по сравнению с лучшими городскими условиями проживания, но и неоднородность селитебных зон по культурно-бытовому обслуживанию, в которых дорогая недвижимость граничит с опустевшими развалинами, за-

брошенными и разрушенными школами, клубами, амбулаториями. Неравенство доходов привело к неравномерному распределению и доступности социальных благ для широких слоев сельского населения, что обуславливает переход на наукоемкую модель размещения производительных сил. При наличии многих источников инвестиций ни один из них не оказался решающим в механизме воспроизводства основных фондов, способном остановить истощение накопленного национального богатства — основных фондов.

Вместе с появлением инноваций нуждаются в совершенствовании концепция и способы предоставления услуг. Одним из главных критериев является расстояние, относительно которого осуществлялся расчет радиусов доступности объектов. Удаленное общение с помощью телематики позволяет частично сократить трудоемкость обслуживания при значительных радиусах доступности, что достигается также возведением комплексного многофункционального центра, в котором можно учиться, лечиться, реализовывать товары. С учетом такой возможности сельское население обращается в близлежащие города (также активизировались поездки за рубеж) вместе с переездом на жительство, в которых социальные услуги оказались доступнее и качественнее, при этом финансирование социальных основных фондов в сельских поселениях продолжало снижаться, что обусловило рост износа основных фондов и текучесть кадров.

Жизнеобустройство — это создание населению на территории необходимых нормальных условий для жизни и быта, что в значительной мере выражается в показателе плотности размещения на территории населения (человек на 1 км²). При средней плотности населения по территории

страны 9 чел./км², этот показатель в Кировской области — 2 чел./км², на Дальнем Востоке — один человек на квадратный километр, поэтому миграционный отток и обеднение населения при хроническом недофинансировании обусловили негативные последствия в изменении структуры, размещении и функционировании объектов социальной сферы. Содержание, обновление и воспроизводство объектов социальной сферы стало непосильным для местных бюджетов, а частные организационные формы хозяйствования оказались невостребованными из-за низкой платежеспособности контингента на обслуживаемой территории.

Несмотря на экономический рост начала 2000-х годов, износ объектов социальной сферы села продолжал нарастать, что привело к утрате целостности механизма воспроизводства при одновременном существовании элементов нового и устаревающего механизма [1]. Поэтому в переходный период становления нового механизма продолжает функционировать с затухающим развитием прежний механизм централизованного распределения услуг относительно падающей численности и распространившейся бедностью населения в радиусе обслуживания. Существовавшая система основных фондов социальной сферы, созданная предыдущими поколениями, оказалась физически и морально изношенной и не способной в дальнейшем выстоять в конкуренции с новыми формами предоставления услуг, рыночных факторов спроса, платежеспособности, более высокими стандартами жизнеустройства в городах.

В период реформ миграция, личный автотранспорт, связь, финансовая система страхования позволили максимально совершенствовать обслуживание сельского населения, приближая к более качественным и экономически выгодным

городским условиям, реализовать новую модель обслуживания в рыночных условиях. Между тем маятниковая, трудовая миграция в города вместе с увеличившейся мобильностью передвижения и общением по беспроводной связи должны внести в применявшуюся десятилетиями теорию централизованного планирования социальной сферы сельских населенных пунктов важные коррективы по искоренению проблемы обезлюдения, обеспечению безопасности жизнедеятельности и суверенитета территории. Свободно формирующаяся новая модель воспроизводства основных фондов социального назначения обусловила востребованность новых мест жизнедеятельности, обозначив концепцию закрепления кадров при комплексном обустройстве сельских поселений на Востоке территории страны.

Кроме того, свободно проникающая из сопредельных государств миграция вместе со структурными деформациями механизма воспроизводства основных фондов не внесла комплексных целеполагающих принципов жизнеустройства на селе, не получила критериев и плана организованной жизнедеятельности производительных сил в сельской местности. Воспроизводство социальных основных фондов полностью перешло в свернутое состояние при системной нехватке рабочих и специалистов.

Вместе с тем новый механизм территориального размещения осложняется демографической «ямой» (длительным периодом естественной убыли населения) на селе, притоком миграции из ближнего зарубежья и ее свободным перемещением по регионам, бедностью. Продолжать строительство на селе по прежней системе размещения объектов соцкультуры теряет экономический смысл и экономическую эффективность без увязки с новыми рабочими местами в разных

отраслях равномерно по всей территории при неотстающих от городских жилищных условий и оплаты труда. По всей сельской территории образовалось малонаселенных и без постоянно проживающего населения около 30 тыс. деревень, или 30% от их общей численности. В ближайшие 20–30 лет их количество станет еще больше без приложения усилий по искоренению проблемы демографического тупика воспроизводства сельского населения, способного привести к полной потере населения на территории в будущие 200–300 лет при наблюдаемых с 1991 г. темпах непрерывной ежегодной естественной убыли.

Урбанизация услуг так же, как и миграция населения, проникает в города из сельской местности, перемещая центры комплексного оказания услуг в крупные населенные пункты, позволяющие постоянно содержать штат специалистов и поддерживать объекты в полной функциональной готовности. Продолжение строительства тех же объектов на той же территории возможно при наличии достаточности доходов населения при положительной динамике естественного движения с учетом различий нового и старого технологического уклада, приводящих к отказу от продления сроков службы некоторых капитальных объектов с приходом новых ценностных ориентиров. Клуб как место встречи по интересам, получения услуг культурной сферы становится не только профессиональной площадкой обмена опытом вместе с ушедшими в прошлое политическими потребностями проведения колхозных собраний и партактивов, выборов и агитации, а также местом активного отдыха, без совмещения их с ночными клубами, варьете, игровыми домами и прочими местами развлечений.

Сложившаяся система расселения населения на всей территории характеризуется высокой степенью неравномерности, обусловленной центростремительным оттоком с окраин и повсеместным переселением в так называемые перспективные поселения, которые нарушили равновесие, координированного ранее из единого центра распределения объектов услуг, относительно устоявшейся численности населения с прогнозом ее увеличения, обеспечивающего безопасность жизнедеятельности в сельских поселениях. Для Мурманской, Кемеровской, Магаданской областей, Югры, практически утративших сельское население (плотность до 0,4 чел./км²) центром социальных услуг остается областная столица. В Ивановской, Ярославской областях с плотностью сельского населения 6–8 чел./км² основной объем социальных услуг также тяготеет в малые города и областной центр, в которых создается дополнительный спрос с их приездом. Для Московской области с плотностью 32 чел./км², Северо-Кавказского федерального округа (29 чел./км²) может оказаться целесообразным в двадцатикилометровом радиусе создание центра местной системы жизнеустройства, так как технические возможности позволяют установить тесную взаимосвязь между отдельными элементами самой системы — потребителями и исполнителями услуг. Таковы основные модели размещения основных фондов и оказания социальных услуг в разных регионах по плотности расселения населения.

Затраты на содержание социальных объектов внутри естественно растущего числа малых деревень, выбывших из оборота земель и ветхих зданий, стали непосильным бременем для областных бюджетов, что привело к появлению сельских агломераций путем слияния (присоединения) деревень

к более крупным населенным пунктам или возникновению пустырей и обезлюдения, неорганизованных свалок.

Наряду с высокой степенью износа сельских зданий и инженерных сооружений (в среднем свыше 50%) вызывают серьезную тревогу увеличение сверхнормативных радиусов доступности оставшихся в строю объектов социальной сферы (детские ясли-сады, школы, магазины и другие), которые перестали находиться в пешеходной ($R < 500$ м) и обоснованной нормативами транспортной доступности (0,5–1 час) среди поредевшей численности населенных пунктов и их измельчения.

Отдельные попытки возведения несвязанных с численностью населения и их доходами социальных объектов обернулись незагруженностью и неукомплектованностью персоналом, систематическими простоями дорогостоящего оборудования и, как следствие, невозможностью обслуживания первостепенными объектами социального назначения.

Для заселения территории и введения в оборот пустующих земель в первоочередном порядке требуется восстановление массового сельского проектно-строительного комплекса с учетом современных реалий и требований по созданию на базе сельских поселений производственной, социальной и инженерной инфраструктуры для жизнеустройства с разным уровнем денежного дохода, временем пребывания, интересов государства и частных домохозяйств, индивидуального социального статуса, развития сельского строительства на кооперативной основе.

В годы плановой экономики (до 1990 года) успешно решалась задача, реализовывалась модель относительно равномерного расселения населения. На отдаленных территориях с наличием хороших природных ресурсов строились заводы,

фабрики, объекты социальной сферы, создавались новые рабочие места, в которых развивалась инфраструктура жизнеустройства (возрождение Нечерноземной Зоны, освоение Целинных земель, отдаленных территорий). Однако на этапе перестройки и реформы нарушился этот крайне необходимый процесс социально-экономического развития. Комплексно жизнеустроены лишь отдельные центральные поселения. Опасность территориального разрыва (декомпозиции) населения и основных социальных фондов состоит в том, что нарождающееся поколение встретилось с угрозой ухудшения условий проживания на отдаленных сельских территориях, трансформации потомкам меньшей по стоимости запасов основного капитала, что противоречит теории роста благосостояния.

В рыночных условиях при отсутствии жесткого командно-директивного управления размещением производительных сил система расселения агломеративного типа с концентрацией трудовых ресурсов в больших и крупнейших населенных пунктах привела к потере населения, трудовых ресурсов на больших пространствах территории, дальнейшему ее опустению и техногенному загрязнению ранее возделываемых земельных угодий. Пришедшая на смену государственной частная собственность оказалась неспособной своевременно жизнеобустроить сельскую местность. Объекты социальных основных фондов (ДОУ, школы), а также экстренной помощи (больницы, амбулатории) остались по-прежнему в основном государственными, оторванными от прежнего ведомственного подчинения, снятые с балансов сельхозорганизаций, перешли на самостоятельный путь развития, самокупаемость и самофинансирование. Однако средств на свое независимое от государства воспроизводство

при низкой платежеспособности и плотности расселения оказалось крайне недостаточно, что привело к дисбалансам жизнедеятельности и жизнеустройства, устранить которые без комплексной перепланировки не удастся.

Современное комплексное жизнеобустройство направлено на создание населению, проживающему на сельских территориях, в сельских населенных пунктах необходимых социально-экономических условий жизни и быта с обеспечением жилья, услугами общественных учреждений в пределах нормативной пешеходной, мобильной и финансовой доступности [2].

Совершенствование жизнеустройства на сельских территориях призвано устранить недостатки, основными причинами которых явились:

- централизованное распределение инвестиций по принципу «сверху-вниз»: сначала средства оставались в городах федерального значения, затем — в республиканских и областных, остаток — на райцентры; а сельским населенным пунктам — по остаточному принципу, без учета реальных потребностей. Поэтому объектами социальной инфраструктуры сельские территории обеспечены в среднем лишь на 30% от городского уровня, что обусловило тенденцию центростремительной и центробежной миграции трудоспособного сельского населения, их семей в городские поселения, приведшую к обезлюдению и малозаселенности многих сельских северных, сибирских, дальневосточных и других земель;
- проводившаяся ряд лет политика превращения деревень в перспективные поселки городского типа и сселением неперспективных деревень, ликвидацией личных

подсобных хозяйств привела к значительной деформации сложившейся поселенческой структуры и усилила негативные миграционные процессы, что пока еще не преодолено.

В большинстве сельских населенных пунктов из-за малой численности населения возникли хронические трудности с обеспечением занятости, предоставлением по всем объектами жилищно-коммунальных и социальных услуг социальной сферы и обеспечения нормативных радиусов доступности. В рыночных условиях мерой посещаемости объекта социальных услуг становятся платежеспособный спрос, расстояние и общественный транспорт, альтернативное обслуживание, дистанционный контроль, видеодialog и связь со специалистом. Дефицит инвестиций, миграция и естественная убыль численности населения привели к измельчению сельских населенных пунктов и выводу объектов социальной сферы из механизма воспроизводства.

При малых и мельчайших по численности поселениях, расположенных на значительном (более 5 км) взаимном удалении, невозможно и нерационально возвести и содержать в каждом малом поселении в удовлетворительном состоянии все виды объектов социальной сферы. Поэтому для совершенствования жизнеустройства целесообразна модель создания центров местных систем жизнеустройства (МСЖ) на группу малых поселений, которые объективно выбираются с помощью предложенного нами координатного метода, с учетом платежеспособного спроса, возрастного состава, альтернативных форм собственности, цифровых технологий удаленного обслуживания, материальной и нематериальной форм услуг, реализуя предложения по выбору МСЖ на базе существующих сельских поселений, установления расчет-

ным способом по предложенным нами формулам оптимального выбора местных центров жизнеустройства, которые комплексно обустриваются и возрождают жизнеустройство других сельских поселений на этой территории, а также соответствуют покупательной способности на основе кооперации входящего в зону обслуживания контингента — в этом состоит совершенствование и суть модели комплексного подхода по обустройству и возведению социальных объектов на территории в рыночных условиях [2; 3, с. 56].

С учетом глубоких, произошедших за период реформ сдвигов по размещению производительных сил подобными центрами МСЖ непроизвольно оказались комплексно обустроенные малые города, центры областей. Эффективность обоснованной модели состоит в обеспечении услугами социальной сферы по всей номенклатуре объектов и населения не только крупных, а и всех малых сельских поселений на обустраиваемой территории. Стратегию размещения объектов социальной сферы на основе координатного метода целесообразно использовать в рамках запланированных мероприятий государственной программы развития АПК и сельских территорий, а также региональных подпрограмм с учетом ликвидации разрывов в географо-экономических, демографических характеристиках населенных пунктов, обеспечивая равный доступ к социальным благам и совершенствуя механизм воспроизводства социальных основных фондов.

Недостаточная взаимосвязь объектов социальных и производственных основных фондов на сельской территории понуждает к масштабной реконструкции сохранившихся и нового строительства с учетом новых требований и возможностей инвестирования в основные фонды села. Массовое обновление и воспроизводство основных фондов

сельских поселений и территорий будут активно способствовать повышению качества жизни сельского населения, закреплению и притоку на село молодых трудоспособных кадров, росту выпуска сельхозпродукции.

Библиографический список

1. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / [Текст]/ Росстат. — М., 2018 — 694 с.
2. Жилищное хозяйство в России. 2016: Стат. сб. / [Текст]/ Росстат. — М., 2016. — 63 с
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / [Текст]/ Росстат. — М., 2018.-1162.
4. Образование в Российской Федерации: 2012: стат. сб. / [Текст]/ — М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. — 444 с.
5. Здравоохранение в России. 2017: Стат. сб. / [Текст]/ Росстат. — М., 2017—170с.
6. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / [Текст] / С.Д. Бодрунов / Монография/ — Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016, 327 с.
7. Огарков С.А., Огарков А.П. Комплексное социально-экономическое жизнеустройство на землях сельских поселений / [Текст]/ С.А. Огарков, А.П. Огарков. Издательство ООО Онтопринт. М. — 2015 г., 374 с.
8. Основные направления стратегии устойчивого социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года/[Текст] / И.Г. Ушачев, А.Г. Папцов, А.Ф. Серков и др. — М.: Изд. «Сам полиграфист», 2018. — 58 с.
9. Строительство в России. 2018: Стат. сб. / [Текст]/ Росстат. — М., 2018. С. 863. — 119 с.

List of References

1. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2018: Stat.sb. / [Tekst]/Rosstat. — M., 2018 — 694 s.
2. Zhilishchnoe khozyaistvo v Rossii. 2016: Stat. sb. / [Tekst]/ Rosstat. — M., 2016. — 63 s
3. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2018: Stat.sb. / [Tekst]/ Rosstat.-M., 2018.-1162
4. Obrazovanie v Rossiiskoi Federatsii: 2012: stat. sb. / [Tekst]/ — M.: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 2012. — 444 s.
5. Zdravookhranenie v Rosii. 2017: Stat.sb. / [Tekst]/Rosstat. — M., 2017 — 170s.
6. Bodrunov S.D. Gryadushchee. Novoe industrial'noe obshchestvo: perezagruzka / [Tekst] / S.D. Bodrunov / Monografiya / — Izd.2-e, ispr. i dop.. — SPb.: INIR im. S.Yu. Vitte, 2016, 327s.
7. Ogarkov S.A., Ogarkov A.P. Kompleksnoe sotsial'no-ekonomicheskoe zhizneustroistvo na zemlyakh sel'skikh poselenii / [Tekst] / S.A. Ogarkov, A.P. Ogarkov. Izdatel'stvo OOO Ontoprint. M. — 2015g., 374 s.
8. Osnovnye napravleniya strategii ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya agropromyshlennogo kompleksa Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda // [Tekst] / I.G. Ushachev, A.G. Paptsov, A.F. Serkov i dr. — M.: Izd. «Sam poligrafist», 2018. — 58 s.
9. Stroitel'stvo v Rossii. 2018: Stat. sb. / [Tekst]/ Rosstat. — M., C. 863. 2018. — 119 c.

Контактная информация

Огарков Сергей Анатольевич, кандидат экономических наук, 117342, г. Москва, ул. Введенского, 1А, АОЧУ ВО Московский финансово-юридический университет МФЮА, преподаватель, Телефон: +7 (499) 979-00-99, E-mail: ogarkovsa@mail.ru

Огарков Анатолий Прокопьевич, доктор экономических наук, профессор, 105064, г. Москва, ул. Казакова, д.15, ФГБОУ ВО Государственный университет по землеустройству, профессор кафедры городского кадастра, Телефон: +7 (499) 261-92-32

Ogarkov Sergey Anatolyevich, PhD applicant in economics, 117342, Moscow, Vvedenskogo St., 1A, Accredited private educational institution of higher education "Moscow financial and law University" (MFUA), lecturer, Tel.: +7 (499), 261-92-32, E-mail: ogarkovsa@mail.ru

Ogarkov Anatoly Prokopevich, PhD in economics, professor, 105064, Moscow, Kazakova St., 15, Federal State Budgetary Institution of Higher Education State University of Land Management, Professor of the Department of urban cadastre, Tel.: +7 (499), 261-92-32

**КОРПОРАТИВНАЯ
ИННОВАЦИОННАЯ
СИСТЕМА ПРЕДПРИЯТИЙ
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ
ОТРАСЛЕЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ:
СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ**
**ENTERPRISE INNOVATION
SYSTEM OF THE
ENTERPRISES OF HIGH-TECH
INDUSTRIES OF THE
INDUSTRY: ENTITY AND
CONTENTS RESEARCH OF**

А.С. ЗИНЧЕНКО

Доцент кафедры «Дифференциальные уравнения» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», кандидат экономических наук

A.S. ZINCHENKO

associate professor of the Department
«Differential equations» FGBOU VO
«Moscow Aviation Institute (National
Research University)»,
PhD in Economics

A.A. САЗОНОВ

Доцент кафедры «Менеджмент
и маркетинг высокотехнологичных
отраслей промышленности»
ФГБОУ ВО «Московский авиационный
институт (национальный
исследовательский университет)»,
кандидат экономических наук

A.A. SAZONOV

Associate professor of the Department
«Management and Marketing of High-Tech
Industries» FGBOU VO «Moscow Aviation
Institute (National Research University)»,
PhD in Economics

АННОТАЦИЯ

В статье раскрыты процессы в сфере трансформации пространства корпоративной инновационной системы высокотехнологичных предприятий при реализации концепции «Индустрия 4.0», или четвертой промышленной революции. Показано, что для успешного развития корпоративной инновационной системы предприятиям необходимо всесторонне развивать принципы и ресурсы, на которые в полной мере опираются инновационные процессы предприятия. Авторами статьи выделяются три основ-

ных принципа концепции четвертой промышленной революции: открытость, прозрачность, технологическая поддержка. В заключение статьи авторами предлагается алгоритм необходимых действий со стороны высокотехнологичных предприятий для обеспечения процесса запуска трансформации корпоративной инновационной системы.

ABSTRACT

In article processes in the sphere of transformation of space of a corporate innovative system of the hi-tech enterprises are opened at implementation of the concept "the Industry 4.0" or the fourth industrial revolution. It is shown that for successful development of a corporate innovative system the enterprises need to develop comprehensively the principles and resources on which innovative processes of the enterprise fully lean. For successful development of a corporate innovative system the enterprises need to develop comprehensively the principles and resources on which innovative processes of the enterprise fully lean. Authors of article distinguish three basic principles of the concept of the fourth industrial revolution: openness, transparency, technological support. In conclusion of article the author offers an algorithm of necessary actions from the hi-tech enterprises for ensuring process of start of transformation of a corporate innovative system.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инновационные системы, цифровая трансформация, компании-амбидекстры, пространственная мобилизация, четвертая промышленная революция.

KEYWORDS

Innovative systems, digital transformation, companies-ambidekstory, spatial mobilization, the fourth industrial revolution.

Концепция четвертой промышленной революции была сформулирована в 2011 году Клаусом Швабом, который на тот момент был президентом Всемирного экономического форума, проходившего в Давосе. Концепция «Индустрия 4.0» напрямую ведет к повсеместному внедрению специализированных киберфизических систем и технологий в структуре производства, к автоматизации значительного числа производственных процессов, наделению устройств искусственным интеллектом и внедрению других передовых технологий. Все это значительным образом окажет влияние на рост производительности труда и приведет к последующему снижению себестоимости выпускаемой продукции. К настоящему времени уже сформулированы следующие принципы концепции «Индустрии 4.0»:

1. *Совместимость.* В создаваемой цифровой системе все устройства и машины должны осуществлять коммуникацию друг с другом посредством использования универсального технологического языка и при помощи индустриального интернета «интернета вещей».

2. *Прозрачность.* Процесс создания цифрового двойника продукта, сбор различных данных с микрочипов и датчиков должен осуществляться самими устройствами в режиме реального времени, за счет использования интернет-технологий.

3. *Техническая поддержка.* Данный принцип заключается в использовании определенного программного обеспечения, которое производит сбор, анализ, систематизацию, визуализацию данных, полученных с датчиков, и помогает человеку принимать решение или принимает их в автоматическом режиме, тем самым высвобождая человеческие ресурсы.

Корпорации сегодня решают общую задачу: как выжить в конкуренции с быстрыми, гибкими и чуткими относительно требований рынка молодыми инновационными компаниями, ежегодно обновляющими свои продуктовые линейки. В этой связи реализация проекта организации корпоративной инновационной системы очень важна для выживаемости и развития предприятий. Процесс создания нового не может жить по законам устоявшихся бизнес-процессов [2].

Ведущие международные эксперты определили четыре принципа, которые задают требования к организованности корпоративной инновационной системы и четыре ключевых ресурса, на которые опирается инновационный процесс [1]. Принцип глобальности означает, что предприятие только тогда может считать себя инновационным, когда оно в своей деятельности решает проблемы, которые до него еще никто в мире не решал, к примеру, это может быть локальная техническая проблема, но не решенная на данный момент никем, кто этой темой занимается. Принцип открытости означает, что инновационное предприятие должно уметь работать с внешними агентами, не входящими в его контур, использовать ресурсы сети партнеров для решения своих проблем, иметь повестку для внешнего круга специалистов. Принцип партнерства предпринимателей подразумевает, что предприятие, создающее себя по основным инновационным принципам, должно инициировать развитие внутреннего предпринимательства и предпринимательства, направленного на внешние рынки. Этот принцип так же связан с предыдущим принципом открытости, поскольку предприятие должно уметь приобретать и стимулировать команды и организации, находящиеся вне ее

организационного контура, но являющиеся необходимым ресурсом развития. Сетевой принцип организации вводится в противовес иерархической организационной структуре, поскольку для инновационного процесса любая иерархия — это ограничение в развитии. Сетевой принцип организации создает условия для того, чтобы каждый ее участник имел возможность работать практически с любыми проблемами и задачами как в рамках своего функционала, так и за его пределами.

Новое — зона поиска, зона неопределенности, риска, проб и ошибок, и потому создание нового работает по другим правилам. Создавать и активно развивать пространство: нормативное, цифровое, физическое, идеологическое, организационное, в котором могут работать стартапы, инновационные инициативы, быстрые исследовательские центры, поисковые лаборатории, малые инновационные группы, технологические спин-оффы — главные цели для предприятий в современных условиях.

Рассмотрим основные положения, необходимые для создания цифровых фабрик будущего [4]:

- отсутствует быстрая окупаемость, т.к. инвестиции в цифровую фабрику относятся к сфере стратегических инвестиций, с получением возврата на инвестиции через 2–5 лет;
- связь фабрик через интегрированную систему управления производством в режиме реального времени существенно повышает гибкость и коэффициент использования активов;
- такие технологии, как роботы или дополненная реальность, позволяют вести более экономичную и производительную деятельность;

- компании принимают более обоснованные решения, используя прогнозную аналитику и машинное обучение;
- внедрение цифрового производства требует значительного развития компетенций руководителей и специалистов;
- цифровизация помогает сосредоточиться на клиенте и вести региональное производство.

Цифровая трансформация в «индустрии 4.0» предполагает внедрение принципиально новых видов технологий. Постепенная автоматизация бизнес-процессов возможна с помощью уже коммодитизированных на данный момент приложений и ИТ-систем (ERP- и CRM-систем). Однако для перехода в «Индустрию 4.0» и глубинной сквозной автоматизации всей деятельности предприятия требуются принципиально новые виды технологий, меняющие привычные бизнес-модели. Ведущими экспертами предприятий подчеркивается важность эффективного владения организацией концепции организационной амбидекстрии как совокупности способностей компании быть одновременно гибкой и эффективной. Компании-амбидекстры способны быть одновременно эффективными, гибкими, быстрыми (главные качества стартапа) при сохранении операционной эффективности и высокой производительности (уровень качества корпорации). Развитие корпоративной инновационной системы дает возможность предприятиям использовать качества развития стартапов при сохранении преимуществ и ключевых положительных качеств корпораций.

Особую значимость концепции «Индустрия 4.0» играет индустриальный интернет. Технология индустриального интернета представляет собой систему объединенных

компьютерных сетей и подключенных промышленных (производственных) объектов со встроенными датчиками и программного обеспечения для сбора и обмена данными, с возможностью удаленного контроля и управления в автоматизированном режиме, без участия человека. Принцип работы технологии заключается в следующем: первоначально устанавливаются датчики, исполнительные механизмы, контроллеры и человеко-машинные интерфейсы только на ключевые части оборудования, после чего осуществляется сбор информации, которая впоследствии позволяет компании приобрести объективные и точные данные о текущем состоянии предприятия. Обработанные данные доставляются во все отделы предприятия, что помогает наладить взаимодействие между сотрудниками разных подразделений и принимать обоснованные решения. Индустриальный интернет позволяет оптимизировать производственные процессы, управление запасами и активами, а также обеспечивает безопасность, управление и контроль состояния сотрудников. Результаты внедрения технологии индустриального интернета [3]:

1. Оптимизация производственных процессов с помощью проактивного мониторинга за работоспособностью оборудования, а также автоматизации управления режимами работы и загрузкой производственных мощностей.

2. Эффективный мониторинг и управление активами за счет использования мобильных датчиков, обеспечивающих контроль состояния и местоположение машин.

3. Повышение эффективности управления запасами за счет использования беспилотных погрузчиков, автоматизации и контроля качества, контроля уровня запасов и условий окружающей среды на складских помещениях.

4. Улучшение безопасности производства за счет использования датчиков инструмента и спецодежды, видеомониторинга и контроля окружающей среды.

В заключение необходимо вернуться еще раз к базовому тезису: процесс создания нового не может жить по законам устоявшихся бизнес-процессов. Не следует закрывать инновационный проект, лучше поручить его исполнение новому подразделению, которое, скорее всего, еще не перегружено задачами. Сотрудники этого подразделения приложат все усилия, чтобы доказать, что у этого проекта имеются экономически выгодные перспективы [5]. Организация и развитие цифровых производств позволяет достичь следующих результатов: уменьшения затрат посредством лучшей утилизации ресурсов до 30%; уменьшения производственных затрат до 13%; роста объемов выпуска продукции до 15%; уменьшения времени вывода товара на рынок до 30%.

Сегодня отечественным предприятиям в современных условиях необходимо реализовать процедуру проведения анализа существующих бизнес-процессов, включая жизненный цикл продукции и цепочек поставок, а также провести анализ его результатов с целью выявления ограничений и установления критериев неэффективной работы существующих бизнес-процессов. Высокотехнологичным предприятиям необходимо организовать работу или выступить партнерами в организации мобилизаторов — инновационной лаборатории или корпоративного инновационного центра.

Библиографический список

1. Горфинкель В.Я., Попадюк Т.Г. Инновационное предпринимательство. — М.: Юрайт, 2016 — 524 с. ISBN 978-5-9916-5899-7.

2. Данилочкина Н.Г., Сазонов А.А., Зинченко АС. Модифицированный многокомпонентный организационно-экономический механизм управления предприятием на основе интеллектуального капитала // Вестник МГОУ. 2018. № 4. С. 58–66.
3. Джамай Е.В., Зинченко А.С., Юдин М.В. К вопросу о комплексной информационной поддержке научно-производственной деятельности предприятия // Вестник МГОУ, 2016, № 1, С. 46–51.
4. Кораблина А.А. Инновационная деятельность предприятия: проблемы совершенствования // Концепт. 2016. С. 2011–2015.
5. Сазонов А.А., Колосова В.В., Внучков Ю.А. Методы оценки и анализа экономической эффективности инновационной деятельности предприятия // Вестник МГОУ. 2018. № 2. С. 180–187.

List of References

1. Gorfinkel V.Ya., Popadyuk T. G. Innovative business. M.: YUrajt, 2016. 524 p.
2. Danilochkina N.G., Sazonov A.A., Zinchenko A. S. Modificirovannyj mnogokomponentnyj organizacionno-ehkonomicheskij mekhanizm upravleniya predpriatiem na osnove intellektual'nogo kapitala [The modified multicomponent organizational and economic mechanism of business management on the basis of the intellectual capital] // Vestnik MGOU, 2018, no. 4, pp. 58–66.
3. Dzhamay E.V., Zinchenko A.S., YUdin M.V. K voprosu o kompleksnoj informacionnoj podderzhke nauchno-proizvodstvennoj deyatel'nosti predpriyatiya [The modified multicomponent organizational and economic mechanism of business management on the basis of the intellectual capital] // Vestnik MGOU, 2016, no. 1, pp. 46–51.
4. Korablina A.A. Innovative activity of the enterprise: improvement problems // Koncept, 2016, no. 11, pp. 2011–2015.
5. Sazonov A.A., Kolosova V.V., Yu. A. Vnuchkov. Methods of assessment and analysis of cost efficiency of innovative activity of the enterprise // Vestnik MGOU, 2018, no. 2, pp. 180–187.

Контактная информация:

125080, Москва, Волоколамское ш., д. 4, ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», т. (906) 085–38–84.

Contact Information:

125080, Moscow, Volokolamskoe shosse, 4, FGBOU VO «Moscow Aviation Institute (National Research University)», t. (906) 085–38–84.

ФАКТОРЫ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ДЕЛОВУЮ АКТИВНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ

FACTORS LIMITING BUSINESS ACTIVITY OF ORGANIZATIONS

А.Н. ПРОРОКОВ

Член ревизионной комиссии Вольного экономического общества России, член Правления РОО «Московское экономическое общество», доцент кафедры экономики и предпринимательства Московского государственного областного университета

A.N. PROROKOV

Member of the Audit commission of the Free economic society of Russia, Board member of the Moscow economic society, Associate professor of Department of economy and entrepreneurship, Moscow state regional university

АННОТАЦИЯ

Предпринимательская деятельность является основой развития рыночной экономики. Факторы, ограничивающие деловую активность отечественных предприятий и, в частности, малого и среднего предпринимательства, давно определены и Росстат длительный период осуществлял мониторинг этих факторов для оперативного инфор-

мирования руководства страны. В статье представлен анализ ограничивающих деловую активность факторов по отдельным секторам экономики.

ABSTRACT

Entrepreneurial activity is the basis for the development of the market economy. Factors limiting the business activity of domestic enterprises and, in particular, small and medium-sized businesses have long been identified and Rosstat has been monitoring these factors for a long period to promptly inform the country's leadership. The article presents an analysis of the factors limiting business activity in certain sectors of the economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Предпринимательство, деловая активность, ограничивающие факторы, розничная торговля, обрабатывающие производства, строительство.

KEY WORDS

Entrepreneurship, business activity, limiting factors, retail trade, manufacturing, construction.

С момента образования в 1991 г. Российской Федерации (РФ) в стране был взят курс на коренные преобразования в экономике — «рыночные реформы». Основные надежды по успешному и эффективному переводу народного хозяйства на рыночные отношения возлагались на создаваемый в спешном порядке класс частных собственников и обеспечение свободы реализации способностей граждан в сфере предпринимательской деятельности, развития малого и среднего предпринимательства (МСП).

Именно малые и средние предприятия в развитых и быстроразвивающихся странах обеспечивают порядка 50–75% ВВП.

Однако последующий период не показал ощутимых достижений и вклада в валовой внутренний продукт (ВВП) данного сектора экономики. Первые два десятилетия создания рыночного механизма можно было оправдать определенными издержками перехода на новый уклад хозяйствования, но ситуация не меняется и к концу четвертого десятилетия неустанного реформирования и регулирования предпринимательской деятельности.

«Ресурсы, которые у нас есть, надо использовать не для латания дыр, а в целях модернизации экономики, для создания новых конкурентоспособных товаров и услуг, миллионов новых рабочих мест, формирования спроса на инновации, развития малого и среднего бизнеса, расширения профессиональных и социальных перспектив наших людей», — это выдержка из Послания Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 г.

Несмотря на декларируемую на самом высоком уровне необходимость развития и всемерной поддержки предпринимательства, количество субъектов МСП остается примерно на одном уровне, а их доля в ВВП с небольшими отклонениями колеблется в районе 20%. Что-то постоянно мешает отечественному предпринимательству развиваться и расти.

В своем послании Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. Президент РФ В.В. Путин снова обращается к этой теме: «...чтобы добиться тех масштабных целей, которые стоят перед страной, нам нужно избавляться от всего, что ограничивает свободу и инициативу предпринимательства».

Что же мешает нашему предпринимательству эффективно заниматься своим делом?

Оказывается, Росстат (Федеральная служба государственной статистики РФ) регулярно осуществляет, извините,

осуществлял и публиковал до 2016 г. итоги выборочных исследований деловой активности субъектов хозяйствования, которые проводились путем опроса руководителей организаций по оценке их деятельности и определению тенденций, связанных с их деятельностью. Целью таких обследований было оперативное получение информации о состоянии и динамике изменения делового климата в различных секторах экономики.

По итогам таких обследований, в частности, определялись факторы, ограничивающие деловую активность организаций в целом (в период 1997–2007 гг.) и с 2007 г. организаций по отдельным секторам экономики: добыча, обработка, строительство, розничная торговля, услуги. Время от времени количество и формулировка факторов изменялись, но их общий набор вполне позволяет определить, что больше всего беспокоит предпринимателей в целом.

Наиболее ограничивающим деловую активность фактором в 2005 г., например, 51% организаций считали недостаточный спрос на их продукцию внутри страны (в 2000 г. — 36%), 42% — недостаток денежных средств (в 2000 г. — 74%), 22% — высокую конкуренцию со стороны зарубежных производителей (в 2000 г. — 11%), 21% — неопределенность экономической обстановки (в 2000 г. — 36%) [1, табл. 14.7, с. 208].

Основными видами экономической деятельности субъектов МСП являются: оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств (около 35%), обрабатывающие производства (около 13%) и строительство (около 12%). В совокупности именно в этих сферах деятельности сосредоточено более половины всех организаций данного сектора экономики.

Поскольку в каждом виде имеются свои специфические особенности деятельности, интересно сравнить факторы, ограничивающие деловую активность предприятий в зависимости от вида деятельности.

Рассмотрим такие факторы в сфере розничной торговли как наиболее представительной для данного вида предприятий (табл. 1).

Таблица 1

Факторы, ограничивающие деловую активность организаций розничной торговли (в процентах от общего числа организаций розничной торговли) [1–6]

	2000	2005	2010	2014
Высокий уровень налогов	76	52	42	53
Недостаточный платежеспособный спрос	65	54	54	47
Недостаток собственных финансовых средств	62	45	38	29
Высокая арендная плата	20	35	28	28
Высокие транспортные расходы	33	28	24	24
Высокий процент коммерческого кредита	20	21	24	21
Недостаточный ассортимент	15	16	11	8

Статистические данные вполне определенно указывают на основные причины, сдерживающие развитие предпринимательства в розничной торговле — это действующая система налогообложения и недостаточный спрос. Причем значимость этих факторов неизменно наиболее высокая, по сравнению с другими факторами, и за последние 15 лет остается на достаточно высоком уровне.

С налогообложением вроде все понятно, но что влияет на платежеспособный спрос? Вполне очевидно, что данный фактор напрямую связан с денежными доходами населения

и начисленной заработной платой работников организаций. Определенное снижение величины спроса за рассматриваемый период подтверждает определенный рост доходов российских граждан в рассматриваемом периоде. Несколько настораживает отсутствие данных по этому вопросу после 2014 г.

Кроме того, было бы интересно узнать, как, например, повлиял на изменение отношения предпринимателей к фактору «Высокая арендная плата», введенному в отечественную систему налогообложения в качестве эксперимента в ряде субъектов РФ с 2015 г. торговому сбору.

С учетом повышения с 2019 г. ставки налогообложения по налогу на добавленную стоимость (НДС) до 20% с высокой долей вероятности можно предположить повсеместный рост розничных цен и снижение платежеспособности населения.

В табл. 2 приведены факторы, которые, по мнению предпринимателей, являются основными причинами, сдерживающими развитие организаций в сфере обрабатывающих производств в период 2007–2014 гг. По некоторым факторам обследование перестало проводиться с 2012 г.

Обращает на себя внимание устойчивое снижение спроса на продукцию обрабатывающих производств на внутреннем рынке, что, видимо, определяется, в частности, снижением платежеспособности населения и организаций с одновременным ростом цен на продукцию обрабатывающих производств.

Закономерно, что на фоне неопределенности экономической ситуации на отечественном рынке Росстат перестал осуществлять с 2012 г. мониторинг такого фактора, как «Неопределенность экономической ситуации». Отсутствие дан-

ных за 2012–2014 гг. по спросу на внешних рынках отражает государственную реакцию на усиление западных санкций по отношению к российским предприятиям.

Можно было бы порадоваться за снижение ограничений по квалифицированной рабочей силе, но не исключено, что это связано со снижением требований к сложности производимой продукции и ее качеству, сокращению производства технологически сложной продукции.

Таблица 2

Факторы, ограничивающие деловую активность организаций по обрабатывающим производствам (в процентах от числа обследованных организаций) [1–6]

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Недостаточный спрос на продукцию организации на внутреннем рынке	39	37	64	56	49	46	48	53
Недостаточный спрос на продукцию организации на внешнем рынке	15	16	26	21	20			
Конкурирующий импорт	25	24	22	24	26			
Высокий уровень налогообложения	36	41	39	40	47	46	39	40
Изношенность и отсутствие оборудования	33	33	21	23	26	25	22	23
Неопределенность экономической ситуации	17	21	64	51	41			

Высокий процент коммерческого кредита	25	27	38	33	31	30	25	23
Недостаток финансовых средств	38	40	51	44	42	37	36	37
Недостаток квалифицированных рабочих	33	40	19	21	25	27	24	25
Отсутствие или несовершенство нормативно-правовой базы	8	9	7	7	8			
Нет ограничений	8	7	3	5	6			

Факторы, сдерживающие развитие организаций в сфере строительства, представлены в табл. 3. В ней приведены данные по пятилетиям, но эти данные вполне отражают общие тенденции развития.

Таблица 3

Факторы, ограничивающие деловую активность строительных организаций (в процентах от общего числа строительных организаций) [1–6]

	1995	2000	2005	2010	2014
Недостаточный спрос				29	18
Недостаток заказов на работы	49	29	18		
Высокий уровень налогов	59	81	47	39	39
Неплатежеспособность заказчиков	87	82	38	37	27
Высокая стоимость материалов, конструкций, изделий		53	37	28	23
Конкуренция со стороны других строительных фирм		16	32	33	30
Недостаток квалифицированных рабочих	10	13	25	17	21
Высокий процент коммерческого кредита	36	36	11	17	14

В строительстве положительным моментом является высокий уровень конкуренции в отрасли, но явно ощущается недостаток квалифицированных работников. Такое положение дел можно объяснить, наверное, активным привлечением в данную отрасль низкоквалифицированных иностранных рабочих с целью сокращения издержек за счет снижения уровня заработной платы, что снижает возможности по привлечению высококвалифицированных специалистов, которых такой уровень не удовлетворяет.

Как и в других секторах экономики, значимым фактором, препятствующим развитию отрасли, является высокий уровень налогообложения.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что основные причины, сдерживающие деловую активность субъектов хозяйственной деятельности, известны на всех уровнях. Росстат в течение длительного периода осуществляет мониторинг основных факторов, ограничивающих возможности развития с целью оперативного анализа ситуации и доведения информации до руководителей всех уровней, ответственных за принятие соответствующих мер.

Не совсем понятно, почему данные обследования были прекращены.

Однако несмотря на обещания высшего руководства о сдерживании, например, налоговой нагрузки, вводятся новые сборы и налоги, снижается платежеспособный спрос населения, предназначенный быть драйвером экономического роста, и т.д.

Знание руководства страны о существующих проблемах в экономике подтверждается и словами Президента РФ в обращении к Федеральному Собранию РФ. В Послании давались поручения Правительству РФ и по вопросам налогообложе-

ния, и по доходам населения, и по качественной занятости, и по улучшению делового климата, и по обеспечению гарантированного спроса на промышленную продукцию, и по другим назревшим проблемам.

Будем надеяться, что поставленные перед страной задачи будут все-таки реализовываться.

Библиографический список

1. Россия в цифрах. 2008: Крат. стат. сб./Росстат — М., 2008.
2. Россия в цифрах. 2010: Крат. стат. сб./Росстат — М., 2010.
3. Россия в цифрах. 2012: Крат. стат. сб./Росстат — М., 2012.
4. Россия в цифрах. 2013: Крат. стат. сб./Росстат — М., 2013.
5. Россия в цифрах. 2014: Крат. стат. сб./Росстат — М., 2014.
6. Россия в цифрах. 2015: Крат. стат. сб./Росстат — М., 2015.

List of References

1. Russia in numbers. 2008: Krat. stat. SB./Rosstat-M., 2008.
2. Russia in numbers. 2010: Krat. stat. SB./Rosstat-M., 2010.
3. Russia in numbers. 2012: Krat. stat. SB./Rosstat-M., 2012.
4. Russia in numbers. 2013: Krat. stat. SB./Rosstat-M., 2013.
5. Russia in numbers. 2014: Krat. stat. SB./Rosstat-M., 2014.
6. Russia in numbers. 2015: Krat. stat. SB./Rosstat-M., 2015.

Контактная информация

ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет (МГОУ),

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Тел. 8 903 964-56-74

E-mail: meo@iuecon.org.

Contact links

Moscow state regional university,

141014, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24

Tel. 8 903 964-56-74

E-mail: meo@iuecon.org

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГИИ В КЛЮЧЕВЫХ СТРАНОВЫХ СТРАТЕГИЯХ

RENEWABLE ENERGY PERSPECTIVES IN KEY COUNTRY STRATEGIES

А.О. БУЧНЕВ

Кандидат экономических наук, экономист,
Публичное акционерное общество «Транснефть»

A.O. BUCHNEV

Ph.D., economist, Transneft Public Joint-Stock
Company

АННОТАЦИЯ

Исследованы особенности стратегических концепций возобновляемой энергетики в таких странах, как США, Китай, Индия, страны ЕС и другие лидеры в области активного применения «чистой» энергетики, их перспективные параметры в ближайшей перспективе. Рассматривается относительно новый и динамичный сегмент возобновляемой энергетики – рынок промышленного хранения энергии, с высокой потенциальной инвестиционной

и инновационной емкостью, включая сопутствующие инновации, такие как технологии блокчейн, микрогриды, цифровая энергетика. Доказывается, что потенциал финансового сбережения, которым обладает возобновляемая энергетика, обеспечивает дальнейшее саморазвитие данного направления энергетике. Обобщаются принципы государственного стимулирования применения возобновляемой энергии, включая регулирование соотношения возобновляемой и невозобновляемой энергии. Приводятся примеры положительного воздействия массового применения возобновляемой энергии на повышение уровня жизни населения и ее возможности по проведению более гибкой и менее дифференцированной ценовой политики в масштабах больших территорий, лишенных возможности использования централизованной энергии.

ABSTRACT

This article is about features of strategic concepts of renewable energy in such countries as the USA, China, India, EU, and other leaders in the field of active use of “clean” energy. A relatively new and dynamic segment of renewable energy is being considered – an industrial energy storage market with a high potential investment and innovation capacity, including related innovations such as blockchain technologies, micro grids, digital energy. It is proved that the potential financial savings, which has a renewable energy, provides further self-development of this direction of energy. The principles of state incentives for the use of renewable energy, including the regulation of the ratio of renewable and non-renewable energy, are summarized. Positive impact of the mass use of renewable energy shown on the example of raising the standard of living of the population and its ability to conduct a more flexible and less differentiated pricing policy across large areas.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Возобновляемая энергетика, промышленное хранение энергии, микрогриды, цифровая энергетика.

KEYWORDS

Renewable energy, industrial energy storage, micro grids, digital energy.

Возрастающий интерес большинства развитых и развивающихся стран к интенсивному использованию возобновляемой энергетики связан не только с альтернативой ископаемым невозобновляемым энергоресурсам, но и с его высоким инновационно-инвестиционным потенциалом, обеспечивающим инвестору приемлемую рентабельность инвестиций, обладающим уникальной возможностью саморазвития данной отрасли, прошедшей этап своего становления.

Достаточно отметить, что прогнозная суммарная установленная мощность ВИЭ в ближайшие 3 года достигнет отметки в 3 ТВт с учетом выработки электростанций¹. Столь впечатляющий успех обеспечивают США, Китай, Индия и страны ЕС. Ежегодные инвестиции в возобновляемую энергетику в среднем составляют 300 млрд долларов США, и это несмотря на постепенное удешевление основного оборудования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) из-за активного применения прорывных и модифицирующих технологических инноваций.

Свыше 160 государств утвердили стратегические концепции интенсивного применения возобновляемой энергетики, значительно снизив общемировые издержки ее производства. С середины 2016 года затраты на производ-

¹ 100% ВИЭ — новая модель глобальной энергосистемы. <http://renew.ru/100-res-a-new-model-of-the-global-energy-system>.

ство электроэнергии из возобновляемых источников энергии сравнялись и продолжают снижаться по отношению к уровню затрат производства электроэнергии посредством газовой генерации. И динамика сокращения затрат в данном секторе более чем впечатляющая. С 2012 по 2016 год, например, в секторе выработки электроэнергии посредством использования энергии Солнца себестоимость сократилась на 80%, а анализ динамики ее удешевления позволяет предположить ее дальнейшее снижение на 35–50% [Бучнев А.О. 2016. С. 77].

На этом фоне показательно заявление президента концерна Siemens Кайзера, сделанное на годовом собрании акционеров в феврале текущего года. Говоря о перспективах концерна, он рассказал о тенденциях падения спроса на газовые турбины до 40%². Исследования по тенденциям постепенного вытеснения возобновляемой энергетики традиционной ископаемой энергии за последние 10 лет [А.О. Бучнев, 2008. С. 31; А.О. Бучнев, 2010. С. 19] показали, что именно рост спроса на оборудование для производства экологически чистой возобновляемой энергетики увеличивает волатильность на рынке традиционной энергетики, перемещая спрос от традиционной ископаемой генерации к значительно подешевевшим и ставшим доступными электрогенераторам посредством ветровой и солнечной энергии.

Возобновляемая энергетика создает новые рабочие места на порядок эффективнее других отраслей современной экономики: производство солнечных панелей формирует 2,5 млн рабочих мест и создает вдвое больше рабочих мест на единицу выработанного электричества, чем угольная или

² Ведомости. 06.02.2018 <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/02/06/750039-siemens-besperspektivnoi-evrope>.

газовая генерация³. К 2025 году четверть возобновляемой энергии составит половину топливно-энергетического баланса США и создаст в три раза больше рабочих мест, чем традиционная энергетика при сопоставимом объеме генерации, обеспечив двести тысяч дополнительных рабочих мест и повышение ВВП на 7,3 миллиарда долларов США⁴. На сегодняшний момент возобновляемая энергетика обеспечивает 9,8 миллиона рабочих мест в мире, из которых почти 3,7 миллиона рабочих мест приходится на Китай и порядка 1,3 миллиона — на страны ЕС⁵. Если данная динамика сохранится и темпы ввода ВИЭ не изменятся на период ближайшего десятилетия, то к 2030 году возобновляемая энергетика обеспечит около 25 миллионов дополнительных рабочих мест. К вышеперечисленным лидерам добавятся Япония, Бразилия, Индонезия, Мексика и Чили.

Рассмотрим тенденции замещения возобновляемой энергетикой традиционных видов топлива в стратегиях стран-лидеров применения ВИЭ.

КНР, сформулировав ключевую цель достижения доли возобновляемой энергии в общем балансе страны до 20% к 2020 году [China's Policies..., 2011. P. 7.], признала определенную необратимость трансформации мировой энергетики в сторону экономических и экологических перспектив возобновляемой энергетики [Пискулова Н.А..., 2013. С. 153]. Установив десять лет назад основополагающие ориентиры, такие как снижение эмиссии углекислого газа и улучшение экологического состояния в Долгосрочном Плане Развития, сформировал обоснованные квоты на потребление возоб-

³ UKERC. <http://www.ukerc.ac.uk/publications/review-of-energy-policy-2017.html>.

⁴ The Union of Concerned Scientists (UCS) <http://concernedscientists.org/> (UCS).

⁵ IRENA. <http://www.irena.org/publications/2017/Mar/Renewable-Capacity-Statistics-2017>.

новляемой энергии, определив размеры льготных тарифов, рассчитав минимально необходимую степень локализации оборудования и простимулировав национальные разработки системой грантов инновационной технологической поддержки⁶, Китай вышел в лидеры как по установленной мощности ВИЭ, так и по объемам производства оборудования для ВИЭ.

КНР сконцентрировала 17% общемировых вложений в ВИЭ. Подобное стало возможным при институциональной поддержке стимулирования применения возобновляемой энергии, включая специальный закон о ВИЭ, расставивший приоритеты в области промышленной, налоговой и кредитной политики⁷, позже дополненный элементами финансового стимулирования производителей средств, использующих ВИЭ. Применение специализированных таможенных пошлин на импорт инновационного оборудования для производства ВИЭ и налоговых льгот по уплате НДС для ряда комплектующих ветроэлектростанций позволили обеспечить уровень локализации не менее 70% турбинного оборудования⁸. Необходимо отметить, что уже через три года, после принятых стимулирующих мер, около 90 китайских компаний производили турбины, 50 — приводные лопасти к ним, и свыше 100 компаний — ключевые компоненты⁹. Через три последующих года все вводимые в Китае ветроэнергетические турбины были от национального произво-

⁶ China's Heavy Investment. www.renewableenergyworld.com/rea/news/article.

⁷ X. WenHua. Стратегические руководящие принципы и перспективы будущего развития в сфере возобновляемых источников энергии КНР. http://www.windenergy.kz/files/1286875907_file.pdf.

⁸ Ляо Г. Мировой рынок и китайская поддержка ветроэнергетики, 2009. <http://trade.ecoaccord.org/bridges/0709/5.htm>.

⁹ L. Schwartz. China's Wind Industry Is About To Get Squeezed. Renewable energy world. <http://www.renewableenergyworld.com/articles/2010/06/chinas-wind-industry-is-about-to-get-squeezed.html/>.

дителя¹⁰. Суммарная мощность ветрогенераторов достигнет 1000 ГВт к 2050 году¹¹. Государственная политика поддержки солнечной энергетики привела к уникальному результату: три четверти солнечных панелей в мире производятся в Китае, обеспечивая работой 1,6 миллиона человек¹².

Совокупная мощность ВИЭ в КНР к концу 2019 года достигнет 750 ГВт, с учетом гидроэнергетики. Китай планирует довести инвестиции в возобновляемую энергетику до 361 млрд долларов США, увеличив долю ВИЭ до 15% к 2020 году, что позволит сократить добычу угля на 730 млн тонн¹³. Отметим и тот факт, что Китай уделяет внимание использованию не только возобновляемой энергии, но и атомной и газовой генерации, балансируя их развитие на государственном уровне.

Соединенные Штаты Америки, добавив в 2016 году к действующим мощностям 9 ГВт преобразователей солнечной энергии, стараются удерживать достигнутую динамику¹⁴, чему способствует и неформальное создание Gigawatt Club (Клуба гигаватт), который уже вошли шесть штатов. За последние сорок лет на крышах домохозяйств США установлено около одного миллиона солнечных преобразователей, а в последующие два года данный показатель планируется утроить.

¹⁰ E. Martinot, L. Junfeng. Renewable Energy Policy Update for China. <http://www.renewableenergyworld.com/articles/print/volume-13/issue-4/solar-energy/renewable-energy-policy-update-for-china.html/>.

¹¹ Liu Yuanyuan. China Increases Target for Wind Power Capacity to 1,000 GW by 2050. <http://www.renewableenergyworld.com/articles/2012/01/china-increases-target-for-wind-power-capacity-to-1000-gw-by-2050.html/>

¹² Sunrain Solar Energy. <http://soltek-dv.ru/stati/korporatsiya-sunrain-solar-energy/>

¹³ Китай готов к активному развитию возобновляемой энергетики к 2020 году http://russian.news.cn/2016-12/20/c_135919285.htm

¹⁴ Energy Information Administration (EIA). <https://www.eia.gov/>

Существенно раскрывается потенциал сбережения финансовых ресурсов в Федеративной Республике Германии, по статистике, 34% интегрированного результата от применения возобновляемой энергии предотвращает затраты на восстановление окружающей среды от неиспользованного ископаемого топлива, 27% сохраняет средства в национальной экономике от отсутствия импорта первичной энергии, и 39% — формируют налоговые поступления. ЕС за счет отказа от импорта ископаемых видов топлива при активном использовании ВИЭ планирует сэкономить до 87 млрд евро к 2020 году¹⁵. Таким образом, текущие плановые показатели ЕС соответствуют перспективной доле ВИЭ 80% от общего объема производства электроэнергии и 60% от общего потребления в 2050 году¹⁶.

Саудовская Аравия, зависящая и влияющая на нефтяные цены, планирует уже к 2023 году обеспечивать национальную экономику 30% электрической энергией, полученной за счет ВИЭ, а к 2050 году — 50%. Saudi Electricity совместно со стратегическим инвестором Softbank Group (Япония) планирует создание солнечной электростанции с постепенно наращиваемой мощностью до 200 ГВт к 2030 году, которая предполагает создание порядка 100 тысяч рабочих мест и суммарную экономию 40 миллиардов долларов США за счет отказа от ископаемой энергии¹⁷, в рамках программы «Видение-2030», направленной на преодоление зависимости страны от нефтяной конъюнктуры. Солнечная энергия в стране предлагается по минимальной цене 1,8 цента за кВтч, к концу 2019 года

¹⁵ Nicholls M. Wind energy to avoid €24bn of fuel costs in 2015, industry says // www.environmental-finance.com/news/view/1772

¹⁶ Германия. 74% энергии из ВИЭ. <http://www.vestifinance.ru/articles/42870/>

¹⁷ SoftBank построит в Саудовской Аравии крупнейшую солнечную электростанцию. https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/03/2018/5abb74009a79472e8649a229

рынок увидит предложения солнечной энергии по цене не более цента за кВтч.

Рассматривая государственные стратегии активного применения возобновляемой энергии, нельзя не отметить Швецию, которая достигла 50-процентной выработки электроэнергии из ВИЭ в общем энергетическом балансе в 2012 году, достигнув данного параметра на 8 лет раньше, чем это определялось государственной стратегией. Подобный успех позволил Швеции утвердить новый ориентир достижения к 2040 году 100% производства электроэнергии посредством ВИЭ, заявив вслед за ФРГ об отказе от ядерной энергетики. Именно Швеция, первая предложившая систему «зеленых сертификатов» (гарантия годовых квот обязательной покупки возобновляемой энергии), внесла весомый вклад в распространение опыта государственного стимулирования ВИЭ¹⁸.

Государственная стратегия Индии в области активизации применения возобновляемой энергии предполагает достижение 40% выработки электроэнергии посредством ВИЭ к 2030 году, выделяя в отдельный приоритет использование солнечной энергии и планируя довести инвестиции в данном сегменте до 100 млрд долларов США. В сегменте производства электроэнергии посредством ветра в качестве стимулирующих мер разрешено применение высокого процента ускоренной амортизации до 80%.

Индия активно использует потенциал ВИЭ для повышения уровня жизни: около трехсот миллионов населения получают доступ к электричеству. Государственная програм-

---

¹⁸ Renewable Electricity with Green Certificates. Ministry of Sustainable Development. Published 30 May 2006, Updated 17 May 2015 <http://www.government.se/information-material/2006/05/renewable-electricity-with-green-certificates/>

ма стоимостью порядка 2 млрд долларов США обеспечит электроэнергией 40 млн домохозяйств. По техническим параметрам это скромная электрификация: преобразователь солнечной энергии на 300 Вт с аккумулирующим устройством (обеспечивающим 8-часовую работу) и светодиодными лампами, но с гарантированным обслуживанием и ремонтом в течение пяти лет, что позволит отказаться от миллионов керосиновых ламп и минимизирует выбросы парниковых газов.

Благодаря государственному стимулированию ВИЭ в Индии динамичный рост мощностей достиг 15%, а прирост мощностей теплоэлектростанций, работающих на угле, составил 12,5%¹⁹. Динамика ввода солнечных электростанций превысит строительство электростанций, работающих на ископаемом топливе уже в 2019 году, и к 2022 году достигнет мощности 100 ГВт, создав свыше одного миллиона дополнительных рабочих мест.

Опыт Австрии интересен государственным балансированием производства энергии на базе ВИЭ и газовой генерации в соизмеримом объеме, что объясняется наличием в Баумгартене распределительного газового хаба, тем не менее энергетическая стратегия страны направлена на дальнейшее увеличение доли ВИЭ на основе биомассы и производства биотоплива для транспорта. Планируемое увеличение доли ВИЭ до 85% к 2020 году является самым высоким показателем в ЕС.

Наличие технологических и модифицирующих инноваций в возобновляемой энергетике привело к модернизации ветрогенераторов и увеличению мощности одного генератора

¹⁹ BNEF. <http://www.bloomberg.com>

на порядок, до 9 МВт²⁰, что ведет к дальнейшему снижению себестоимости ветровой энергии. Так, после введения в эксплуатацию ветрогенераторов мощностью 7 МВт себестоимость энергии снизилась на 32% с 2014 года по настоящее время (с 142 фунтов за МВтч до 97 фунтов за 1 МВтч)²¹. Например, ветроэлектростанции Великобритании, обеспечивая 23% вырабатываемой электроэнергии, стали поставлять ее дешевле, чем атомные станции²². Объявленный аукцион на постройку новых ветрогенераторов к 2022 году предполагает снижение стоимости ветровой энергии вдвое, а стратегия развития ВИЭ в стране прогнозирует рост дополнительных налоговых поступлений на 17,5 млрд фунтов к 2021 году и формирование двухсот тысяч новых рабочих мест²³.

Не менее показателен пример модифицирующей инновации использования солнечной энергии посредством плавающей электростанции на поверхности водохранилища Cirata в Индонезии. При выработке 1 ГВт электроэнергии площадь станции не превышает четырех процентов водной поверхности. Данная технология получила ускоренное развитие в Японии, которая формирует 75% рынка плавающих солнечных панелей, активны в данном сегменте КНР и Бразилия. К 2025 году стоимость глобального рынка данной технологии составит порядка 2,7 млрд долларов США²⁴.

²⁰ Gargantuan offshore wind turbine crushes record for most energy produced in 24 hours MHI https://www.digitaltrends.com/cool-tech/denmark-wind-turbine-breaks-records/?utm_source=feedly&utm_medium=webfeeds.

²¹ В Великобритании цена на энергию ветра упала на 32%. <http://agrostory.com/energy/in-the-uk-the-price-of-wind-energy-fell-by-32/>.

²² UK Offshore Wind Industry Reveals Ambitious. <http://www.renewableuk.com/news/391723/UK-Offshore-Wind-Industry-Reveals-Ambitious-2030-Vision.htm>.

²³ В Британии электроэнергия от ветряков впервые стала дешевле атомной https://ru.espresso.tv/news/2017/09/12/v_brytanyu_elektroenergiya_ot_vetryakov_vperveye_stala_deshevle_atomnoy.

²⁴ Ciel & Terre starts construction on the world's largest floating PV plant. <https://www.pv-magazine.com/2017/06/27/ciel-terre-starts-construction-on-the-worlds-largest-floating-pv-plant/>.

Кроме инновационного удешевления стоимости производимой возобновляемой энергии необходимо отметить динамичный рост инвестиций в системы хранения, накопления и распределения возобновляемой энергии. Стимулирующим фактором данного направления стала не только необходимость сглаживания неравномерности выработки энергии посредством ВИЭ, но и постепенное снижение дотаций и тарифов на покупку излишков у населения произведенной зеленой энергии, что вызвало в ряде стран, например в Австралии, массовую востребованность доступных технологий хранения и накопления энергии.

В ближайшее десятилетие мощность индивидуальных систем хранения энергии увеличится до 80 ГВт, а ежегодный рост производства систем промышленного накопления энергии составит 25–35%. Существенные инвестиции в данном сегменте планирует Китай и Индия. Система накопления энергии увеличивает автономность домашнего хозяйства с 25 до 65%. Ряд национальных стратегий в области ВИЭ формирует систему налоговых льгот по стимулированию применения систем хранения энергии.

Несколько слов об ожидаемом влиянии инновационного рывка хранения энергии в промышленном масштабе. Предполагается, что совершенствование промышленного хранения энергии позволит отказаться от содержания тепловых электростанций для покрытия пиковых спросов потребления. Если в настоящее время на долю ТЭС приходится около 60 процентов мировых мощностей, то к 2040 году эта доля снизится более чем вдвое²⁵.

²⁵ Global Storage Market to Double Six Times by 2030. <https://about.bnef.com/blog/global-storage-market-double-six-times-2030/>.

Отметим, что на сегодняшний день мощность крупнейшей аккумуляторной станции составляет 100 МВт (Tesla, емкость литий-ионных блоков 129 МВтч), расположенной в Южной Австралии, обеспечивает бесперебойной электроэнергией порядка 30 000 домовладений, что в три раза эффективнее предыдущих моделей.

Предполагается, что рынок хранения возобновляемой энергии будет динамично развиваться и в ближайшее десятилетие достигнет суммарной мощности 125 ГВт (при емкости 305 ГВтч), сконцентрировав 100 млрд. долларов США инвестиций²⁶. Две трети всех мощностей систем накопления энергии сосредоточатся в США, Германии, КНР, Индии, Великобритании, Японии, Южной Корее и Австралии. Рынок хранения электроэнергии США проявит не менее динамичный рост, достигнув 4 млрд долларов США за ближайшие два года²⁷, а традиционные литий-ионные аккумуляторы удешевляются в среднем на десять процентов ежегодно, уменьшаясь и в размерах. Развиваются и другие технологии накопления энергии, среди которых: гидроаккумуляторы, сжатый воздух, Solar Reserve и проточные редокс-системы.

Гидроаккумуляторы представляют собой два равноуровневых резервуара, и при отсутствии спроса на возобновляемую энергию она направляется на подъем носителя в верхний резервуар, при возникновении спроса или пиковой нагрузки носитель возвращается самотоком через гидрогенератор в нижний резервуар. ФРГ применяет для данных целей закисленные угольные шахты или

²⁶ Bloomberg New Energy Finance <https://about.newenergyfinance.com>.

²⁷ Almost a third of consumers own some form of a distributed energy resource <https://www.solarpowerworldonline.com/2017/11/almost-third-consumers-reported-form-distributed-energy-resources/>.

специальные контейнеры на дне моря. В Канаде компания Hydrostor использует свободную энергию для сжатия воздуха и при пиковом спросе сжатый воздух раскручивает электрогенератор, несмотря на то что данная технология достаточно дорогостоящая, Hydrostor продолжает разработки промышленного адиабатического компрессора.

Технология Solar Reserve использует энергию Солнца для нагревания соли, после чего полученный пар используется электрогенератором или хранится 3–4 часа в виде расплавленной соли. Данная технология успешно отработана в ОАЭ²⁸. Проточные редокс-системы состоят из цистерн с электролитом, работающих по принципу окислительно-восстановительных проточных батарей, которые надежны в эксплуатации и имеют достаточный срок службы²⁹. ФРГ планирует построить крупнейшую проточную батарею.

Существуют и перспективные технологии непрямого накопления энергии, в дальнейшем используемые для охлаждения зданий промышленного масштаба. При избытке возобновляемой энергии вода замораживается в специальных цистернах, которая в светлое время суток оттаивает естественным путем, охлаждает помещения, не потребляя электроэнергию³⁰.

Таким образом, возобновляемая энергетика стимулирует развитие локальной экономики, экономит средства на покупку традиционной энергии, оставляя их на развитие регионов и повышение уровня жизни.

²⁸ Mohammed bin Rashid Al Maktoum Solar Park <http://renewnews.ru/mohammed-bin-rashid-al-maktoum-solar-park/>.

²⁹ Wer baut die größte Batterie der Welt? <https://www.n-tv.de/wissen/Wer-baut-die-groesste-Batterie-der-Welt-article20146833.html>.

³⁰ When It Comes To Energy Storage, Don't Leave Ice Out In The Cold <https://www.forbes.com/sites/peterdetwiler/2015/10/27/when-it-comes-to-energy-storage-dont-leave-ice-out-in-the-cold/#6fd445a77804>.

Возобновляемая энергетика кроме технологических инноваций формирует востребованность и процессных управленческих инноваций, заложенных в цепочке блоков транзакций (блокчейн), представляющих собой значительную базу данных открытого доступа, без посредников, что в перспективе будет способствовать более эффективному управлению транзакциями на рынке электроэнергии. Кроме того, создана экокриптовалюта соларкоин, активизирующая выработку солнечной энергии, которая используется с методом защиты хранения определенного количества средств (Proof of take time), начисляет 1 соларкоин за МВт солнечной энергии, при обязательном подтверждении ее происхождения, в перспективе стимулируя новых производителей возобновляемой энергии. Появление инновационного типа передачи и распределения энергии посредством управления микросетями для локальных потребителей (Microgrid) получает все большее распространение. Проект Brooklyn Microgrid запускается посредством блокчейн-платформы (Ethereum), которая вне человеческого фактора и в режиме реального времени формирует базу данных о транзакциях и потреблении энергии, автоматически регулируя объемы выработки и потребления. Развивающиеся страны также активно используют Microgrid, в частности, Нигерия подготовила проект, состоящий из трех сотен микросетей для обслуживания порядка 250 000 потребителей.

В отличие от традиционных крупных электростанций ВИЭ требуют меньше времени на их установку и позволяют экономить значительные средства (в дополнение выше рассмотренному потенциалу сбережения ВИЭ), отказываясь от возведения и дальнейшего обслуживания инфраструктурных сооружений передачи электроэнергии на значи-

тельные расстояния, что минимизирует влияние одной из основных составляющих длинных циклов Кондратьева [Н.Д. Кондратьев, 2002. С. 75] своевременного обновления энергопередающей инфраструктуры. На второй фазе цикла Кондратьева — вершине — обычно фиксируется возрастание цен на энергоносители на фоне роста деловой активности, производство энергии посредством ВИЭ, не имеющей конъюнктурных всплесков минимизирует влияние данного фактора.

Крупнейшие мировые корпорации, использующие ископаемые невозобновляемые ресурсы, такие как Chevron, Shell, Exxon, BP, Petrobras, Statoil, Eni, нарастили доли инвестиций в технологии возобновляемой энергии в размере порядка 10 млрд долларов США. Инвестиции направлены на применение генераторов солнечной и ветровой энергии не только для диверсификации рисков уменьшения использования ископаемого топлива и извлечение прибыли от перспективных технологий. Shell планирует довести вложения в возобновляемую энергетику до 1 млрд долларов США ежегодно к 2020 году. Компания BP приобрела 4% европейского производителя солнечных панелей Lightsource. Кроме этого, BP примет на работу 8 тысяч сотрудников для обслуживания ветрогенераторов, расположенных в США, и работы на заводах по производству биотоплива в Бразилии³¹.

Кроме освоения инновационных технологий нефтегазовые компании начали процесс обучения своих сотрудников новым компетенциям в возобновляемой энергетике: канадская Iron and Earth в текущем году обучит тысячу работни-

³¹ BP инвестирует \$200 млн в солнечную энергетику. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/12/15/745502-bp-investiruet-200-mln>

ков газового сектора работе с солнечными панелями³². Есть и другие примеры: ФРГ, в связи с постепенным отказом от использования угля, модернизирует бывшую шахту в Боттропе (Рурский регион, Северный Рейн-Вестфалия) в гидроаккумулирующую станцию, накапливающую преобразованную энергию солнца и ветра, сохраняя локальные рабочие места. Аналогично компания Three Gorges New Energy Co в Китайской Народной Республике трудоустроила бывших шахтеров на плавающей солнечной электростанции, созданной на месте выработанного угольного карьера. В ЕС более 50% угольных электростанций не приносят прибыли и используются для обеспечения пиковой нагрузки, ожидая совершенствования систем промышленного накопления энергии. Так же показательны планы Финляндии прекратить использование угля при производстве электроэнергии, в то время как Индия готова к закрытию порядка 40 угольных шахт с постепенной заменой их на дополнительный 1 ГВт солнечной генерации, с соответствующим переобучением персонала.

Кроме всех вышеперечисленных плюсов стратегического балансирования применения возобновляемой и невозобновляемой энергетики массовое использование ВИЭ в отечественной энергетике позволило бы минимизировать, а со временем и прекратить, практику замены рыночных цен на электроэнергию вводом регулируемого тарифа (вносит искажение в рыночное ценообразование). Например, в Карелии, которая стала уже девятым регионом страны, вернувшимся на регулируемый тариф³³. ВИЭ в перспективе понизит диф-

³² Компания Ironand Earth планирует открыть краткосрочные курсы для подготовки специалистов в области возобновляемых источников энергии. <https://arwe-expo.ru/news/the-company-is-iron-and-earth-is-planning-to-open-short-term-courses-for-training-specialists-in-the.html>.

³³ Правительство продолжает сужать энергорынок. Карелию отправили к Чечне и Туве. <https://www.kommersant.ru/doc/3527982>.

ференциацию тарифов в разных территориальных округах, которая в 2016 году достигла 8,5 раз, что способствовало сближению региональных экономик и повышению качества жизни в целом по стране. Значительный потенциал сбережения ВИЭ положительно повлиял бы на местную экономику в удаленных от централизованных систем энергоснабжения регионах, где, по экспертным оценкам, порядка 10 миллионов жителей получают электроэнергию от дизельных генераторов, зависящих от стоимости привозного топлива и от его своевременной доставки до региона.

Государственное поэтапное регулирование соотношения возобновляемой и невозобновляемой энергетики привело бы не только к созданию новых рабочих мест в национальной экономике, но и к эффективному замещению устаревших мощностей, особенно в микрогенерации, а также к удовлетворению пикового спроса на электроэнергию, уменьшению количества энергодефицитных регионов, повышению надежности энергообеспечения регионов, снабжающихся привозным или дальнепривозным топливом, и минимизации доминирующего регионального топливного ресурса. Возможно, следует частично пересмотреть 10-летнюю программу модернизации устаревших теплоэлектростанций общей мощностью 40 ГВт стоимостью около триллиона рублей, не увеличивая риски инновационно-технологического разрыва с глобальными мировыми трендами, направив часть средств на развитие более прогрессивных технологий цифровой энергетики. Создание цифровых систем баланса распределенного потребления и спроса не только простимулирует разумный баланс между традиционной и возобновляемой энергетикой, но и позволит уйти от диспетчерских систем (субъективного

человеческого фактора) балансировки пиков потребления. Данные технологии ускорят появление энергетических просьюмеров (producer + consumer, объединение функций производства и потребления [Э. Тоффлер, 2009. С. 205]), что, в свою очередь, будет способствовать как росту занятости, так и стабильности поставок, выравниванию нагрузки на локальные сети.

Государственное регулирование баланса возобновляемой и невозобновляемой энергии может делегироваться и на региональный уровень с учетом оптимальной доли ВИЭ в топливно-энергетическом балансе регионов, наиболее пригодных для экономического развития производства конкретных видов ВИЭ, а государственный заказ мог бы стать целевым инструментом, обеспечивая плавный переход от поддерживающих традиционную энергетику производств к инновационной промышленности будущего, признавая тот факт, что ключевую стадию активного внедрения ВИЭ — формирование организационной структуры и институциональных рамок их развития при политической и информационной поддержке процесса — мировая экономика уже прошла.

Крупные мировые компании, их лидеры признают преимущества ВИЭ. Intel полностью перешел на возобновляемую энергию³⁴. Б. Гейтс пожертвовал два миллиарда долларов США для «смены нерадивого подхода борьбы с изменением климата»³⁵. Фонд Рокфеллеров, выводя инвестиции из традиционной энергетики, отметил их бессмысленность с финансовой и этической точек зрения,

³⁴ Intel является лидером в пятерке крупнейших потребителей зеленой энергии в США. <http://aenergy.ru/4114/>.

³⁵ Билл Гейтс жертвует \$ 2 млрд. на исследования возобновляемых источников энергии. <http://www.city-n.ru/view/368350.html.11.2015/>.

поскольку «мировое сообщество работает над сокращением использования ископаемого топлива»³⁶. К нему присоединилось свыше 59 тыс. частных инвесторов, распродающих свои активы в секторе ископаемого топлива. World Bank Group принял решение не инвестировать в нефтегазовые активы с 2019 года, как и Нефтяной фонд Норвегии. Категоричное заявление о полном отказе мировой энергетики от невозобновляемых источников и переходе на ВИЭ в 2030 году Калифорнийского университета Дэвиса [M.Z. Jacobson, M.A. Delucchi, 2009. p. 55.] (был скорректирован до 80% возобновляемой энергии к 2030 году и 100% к 2050 году³⁷), предполагает перевод на возобновляемую энергию 139 стран, проектируя порядка 52 миллионов новых рабочих мест.

Оценивая столь оптимистичные прогнозы развития ВИЭ, отметим, что уже в среднесрочной перспективе большинство стран смогут существенно понизить использование ископаемых ресурсов, включая их импорт, решив ряд финансовых и экологических проблем. Оценка мультипликативных эффектов инвестиций в ВИЭ позволяет сделать вывод, что абсолютно все экономики мира могут извлечь значительную выгоду от интенсивного развития возобновляемой энергетики в разумном балансе с традиционной энергетикой. Постепенное замещение использования традиционных носителей энергии как вида топлива простиमुлирует развитие их глубокой переработки и реализации с более высокой добавленной стоимостью.

³⁶ Фонд Рокфеллеров перестает инвестировать в углеводороды. РИА Новости <http://ria.ru/economy/20160324/1395852329.html#ixzz43nVE4GiW/>.

³⁷ A world powered by the wind, water, and sun is not only possible — it's already happening <http://thesolutionsproject.org>.

Библиографический список

1. China's Policies and Actions for Addressing Climate Change. Information Office of the State Council. The People's Republic of China. Beijing, 2011. November. 55 p.
2. Jacobson M.Z., Delucchi M.A. A path to sustainable energy by 2030 Scientific American. 2009. November. p.58–65.
3. Бучнев А.О. Инновационное развитие возобновляемой энергетики как основного компонента экономики будущего. Москва, Антарес, 2016. 204 с.
4. Бучнев А.О. Конкуренция альтернативной и традиционной энергетики: объективная реальность. Проблемы теории и практики управления. 2010. № 5. С. 18–24.
5. Бучнев А.О. Нетрадиционные источники энергии как составляющая новой энергетики. Интеграл. 2008. № 6. С. 30–33.
6. Кондратьев Н.Д., Яковец Ю.В.(сост.) Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Москва, Экономика, 2002. 768 с.
7. Пискулова Н.А., Костюнина Г.М., Абрамова А.В. Климатическая политика основных торговых партнеров России и ее влияние на экспорт ряда российских регионов. Москва, Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2013. 153 с.
8. Тоффлер Э. Третья волна. Пер.с англ. К.Ю.Бурмистрова и др. — Москва, АСТ, 2009. 795 с.

List of References

1. China's Policies and Actions for Addressing Climate Change. Information Office of the State Council. The People's Republic of China.Beijing, 2011. November. 55 p.
2. Jacobson M.Z., Delucchi M.A. A path to sustainable energy by 2030 Scientific American. 2009. November. p.58–65.

3. Buchnev A.O. Innovacionnoe razvitie vozobnovlyaemoj ehnergetiki kak osnovnogo komponenta ehkonomiki budushchego. Moskva, Antares, 2016. 204 s.
4. Buchnev A.O. Konkurenciya al'ternativnoj i tradicionnoj ehnergetiki: ob"ektivnaya real'nost'. Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2010. № 5. S.18–24.
5. Buchnev A.O. Netradicionnye istochniki ehnergii kak sostavlyayushchaya novoj ehnergetiki. Integral. 2008. № 6. S. 30–33.
6. Kondrat'ev N.D., YAkovec YU.V.(sost.) Bol'shie cikly kon"yunktury i teoriya predvideniya. Moskva, Ekonomika, 2002. 768 s.
7. Piskulova N.A., Kostyunina G.M., Abramova A.V. Klimaticheskaya politika osnovnyh torgovyh partnerov Rossii i ee vliyanie na ehksport ryada rossijskih regionov. Moskva, Vsemirnyj fond dikoj prirody (WWF), 2013. 153 s.
8. Toffler EH., Tret'ya volna. Per.s angl. K.YU.Burmistrova i dr.- Moskva, AST, 2009. 795 s.

Контактная информация

А.О. БУЧНЕВ

E-mail: aobuch@mail.ru

Публичное акционерное общество «Транснефть»

Российская Федерация, 119180, Москва, ул. Большая Полянка, 57.

Contact links

A.O. BUCHNEV

E-mail: aobuch@mail.ru

Company Russian Federation, 119180, Moscow, Bolshaya Polyanka St., 57.

**САНАТОРНО-
КУРОРТНЫЕ КЛАСТЕРЫ:
ОБЕСПЕЧЕНИЕ
УСТОЙЧИВОГО РОСТА
НА ОСНОВЕ СЕТЕВОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**
**SPA CLUSTERS:
PROVISION
OF SUSTAINABLE GROWTH
ON THE BASIC ELEMENTS
OF NETWORKING**

М.С. ОБОРИН

Д.э.н., профессор, Пермский институт
(филиал) ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г.В. Плеханова»

M.S. OBORIN

Doctor of Economics, Professor, Perm Institute
(branch) FSBEI “Russian economic University
G. V. Plekhanov»

В.С. ОСИПОВ

Д.э.н., профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, главный научный сотрудник ФГБУН Институт проблем рынка РАН

V.S. OSIPOV

Doctor of Economics, Professor, Moscow state Institute of international relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation, chief researcher, INSTITUTE of market problems of RAS

АННОТАЦИЯ

В статье на базе теоретических разработок ведущих ученых предлагается рассматривать кластер как форму сетевого взаимодействия. Так как кластер – инструмент региональной экономической политики, то в статье рассматривается его вклад в региональное экономическое развитие. Особое внимание в статье уделено рассмотрению санаторно-курортных кластеров, особенности санаторно-курортной деятельности и ее роли для экономического развития региона.

В структуре санаторно-курортного кластера авторы предлагают выделить базовые предприятия санаторно-курортного кластера, инфраструктурные предприятия, вспомогательные учреждения (вузы, научные центры и др.), а также устойчивые связи между ними в виде функций, форм сотрудничества и моделей взаимодействия. В статье представлены статистические данные по развитию кластерных программ Юга России, по которым сделан вывод о том, что чем известнее рекреационный объект, расположенный на территории кластера, и чем он старше, тем большее количество финансовых вложений требует весь кластер. В статье отмечено, что сетевые формы взаимодействия в санаторно-курортном кластере вытесняют традиционные

формы отношений в отрасли. В развитии регионов Российской Федерации, в которых курортно-рекреационная специализация существенно преобладает, востребованы кластерный и сетевой подходы. Наличие государственных программ по формированию курортов кластерного типа объясняется сочетанием коммерческих преимуществ с возможностями контроля за целевым использованием ресурсов и определением собственников строящихся объектов на начальных этапах реализации. Санаторно-курортные кластеры способствуют достижению комплексного эффекта не только для отрасли, но и социально-экономического развития территорий, улучшения условий жизни населения за счет повышения конкурентоспособности и качества лечебно-оздоровительных услуг.

ABSTRACT

In the article on the basis of theoretical developments of leading scientists it is proposed to consider the cluster as a form of network interaction. Since the cluster is an instrument of regional economic policy, the article considers its contribution to regional economic development. Particular attention is paid to the consideration of spa clusters, the peculiarities of sanatorium-resort activity and its role for the economic development of the region. In the structure of the sanatorium-and-spa cluster, the authors propose to allocate the basic enterprises of the spa cluster, infrastructure enterprises, auxiliary institutions (universities, research centers, etc.), as well as stable links between them in the form of functions, forms of cooperation and interaction models. The article presents statistical data on the development of cluster programs in the South of Russia, which concluded that the more popular the recreational site located on the territory of the cluster and the older it is, the more financial investments the whole cluster requires. The article notes that network forms of interaction in the sanatorium-resort cluster displace the traditional forms of relations in the industry. In the development of the regions of the Russian Federa-

tion, in which the resort and recreational specialization the demand for cluster and network approaches is in great demand. The existence of state programs for the formation of cluster-type resorts is explained by a combination of commercial advantages with the ability to control the targeted use of resources and the definition of owners of construction projects at the initial stages of implementation. Sanatorium and resort clusters contribute to the achievement of a comprehensive effect not only for the industry, but also social and economic development of the territories, improving the living conditions of the population through improving the competitiveness and quality of medical and health services.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Кластер, региональная экономика, сетевое взаимодействие, туризм.

KEYWORDS

Cluster, regional economy, network interaction, tourism.

Острые кризисные явления и неблагоприятный геополитический фон создают давление на российскую экономику. Развитие санаторно-курортной отрасли в России в данный момент заметно отстает от некоторых зарубежных стран. Об этом свидетельствует положение РФ в международном рейтинге стран по туристической привлекательности, где она находится на 43 месте¹. Согласно оценке экспертов Рейтинга, среда развития и регулирования отрасли путешествий и туризма в России характеризуется как «неблагоприятная». Факторами устойчивого роста отрасли признаны богатые рекреационные ресурсы, развитая инфраструктура воздушного транзитного сообщения

¹ The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. Paving the way for a more sustainable and inclusive future. P.9. http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf.

и телекоммуникаций, туристское предложение по регионам ввиду низкого курса рубля. Сдерживающими факторами является инфраструктура наземного и водного транспортного потока, ужесточенные визовые требования для въездных туристов и низкий уровень качества деловых отношений.

В рассматриваемый исторический период возрастает необходимость поиска эффективных форм и моделей управления региональной экономикой, которые положительно зарекомендовали себя в мировой и отечественной практике. В первую очередь речь идет о кластерной и сетевой форме взаимодействия экономических агентов, основанной на горизонтальном регулировании отношений на основе взаимных преимуществ и обмена ресурсами и технологиями. Зарубежный опыт социально-экономического развития свидетельствует о том, что страны, которые активно внедряли кластерный подход, добились существенных преимуществ и лидируют на мировом рынке: Германия в области микробиологии, Франция в сфере биотехнологий, Испания — в туристско-рекреационных услугах. Несмотря на то что Россия сравнительно недавно стала внедрять кластерный подход, можно отметить, что его предпосылки возникли в более ранние периоды формирования советской экономики: опыт создания территориально-производственных комплексов.

Необходимо рассмотреть понятие кластера и сети у отечественных и зарубежных авторов.

Введение в экономический оборот понятие кластера связывают с М. Портером, который определял его как группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании),

действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга [13]. Ученым названы основные параметры кластера: географическая близость, сходство технологий, общность сырьевой базы, инновации, конкурентная среда, принадлежность к одной отрасли. Данная концепция возникла в сфере материального производства и на сегодняшний день в отечественной и зарубежной литературе представлено большое количество исследований, посвященных кластерной форме организации бизнеса (табл. 1).

Таблица 1

Понятия кластера у отечественных и зарубежных авторов

Автор	Особенности формулировки понятия кластера
Портер М. [13]	Акцентирует внимание на географическом положении кластера, общности деятельности и взаимозависимости организаций, их единой цели функционирования
Цихан Т.В. [21]	Центр кластера – это несколько мощных компаний, сохраняющих между собой конкурентные отношения
Грекова Г.И., Фихтнер О.А. [4]	Кластер как способ самоорганизации сообщества предприятий для выживания в условиях международной конкуренции
Марков Л.С. [9]	Субъекты кластера извлекают выгоду из специфических местных активов, социальной встроенности и совместного расположения
Третьяк В.П. [19]	В кластер могут входить специализированные агенты для работы на удаленных рынках; возникают специализированные сектора
Кузнецов С.В. [6]	Взаимодействие внутри кластера происходит между муниципальными органами власти и предпринимательские структуры
Кандаурова А.В. [17]	Необходимость построения внутри кластера взаимодействия в сфере инновационной деятельности

Автор	Особенности формулировки понятия кластера
Захаров В.Я. [5]	Кластер представляется как форма промышленных сетей, которые обеспечивают рост интенсивности и прочности взаимодействия предприятий
Осипов В.С. [11]	Кластер – это сеть, формирующаяся в географическом регионе, в которой близость фирм обеспечивает развитие форм общности и повышает частоту и силу взаимодействия

Приведенные определения выделяют общие черты промышленных кластеров: географическая близость, однотипная специализация, интенсивный характер производственных, финансовых и инновационных связей, получение преимуществ.

Можно выделить различные типы кластеров:

Логистический — уникальный комплекс с широким географическим охватом, представляющий цепь формирования добавленной стоимости, обеспечивающий весь спектр транспортно-логистических услуг [14].

Торговый — группа однородных торговых предприятий, основанная на общности потребностей коллективных и индивидуальных пользователей [7].

Агрпромышленный — территориальное сочетание организаций, связанных производственно-сбытовой деятельностью с целью повышения конкурентоспособности продукции и активизации инвестиционной деятельности [4].

В туристско-рекреационной сфере кластерный подход впервые применили зарубежные ученые, его эволюция связана с реализацией прикладных задач обеспечения конкурентоспособности и снижения издержек, что не противоречит другим областям экономической деятельности: 1) услуги на базе развитой инфраструктуры и сотрудниче-

ства [23]; 2) группа туристских аттракций на ограниченной географической территории, взаимодействующая на основе высоко развитой инфраструктуры, управления, конкурентных преимуществ [24]; 3) группа компаний и институтов, выпускающих туристский продукт на основе стратегических отношений, обеспечивающих конкурентные преимущества услуг [25].

В отечественной литературе понятие кластера в туризме представлено различными авторами, приведем некоторые определения: система взаимосвязанных фирм, складывающихся в рамках отдельных экономических зон, организаций и учреждений в сфере отдыха и путешествий [1]; форма организации туризма, представленная совокупностью предприятий сферы туристского обслуживания и сопряженных отраслей, объединенных горизонтальными связями и синергетическим эффектом [8].

Концепция санаторно-курортного кластера стала развиваться сравнительно недавно под влиянием повышения социально-экономического значения лечебно-оздоровительных услуг, формированием стратегического подхода к государственному управлению отраслевыми предприятиями.

В санаторно-курортной сфере под кластером понимается:

- предпринимательские организации, действующие на основе деловых контактов с широким кругом экономических агентов и потребителей, сочетая взаимность и противоположность интересов [22];
- совокупность экономических агентов на основе вертикального регулирования посредством прямых и обратных связей и координационного центра [2];

- географически локализованные взаимосвязанные компании, поставщики специализированных услуг, инфраструктуры, образовательные центры и другие организации, направленные на удовлетворение спроса [12].

Санаторно-курортный кластер формируется под влиянием определенных факторов:

- местность, обладающая туристско-рекреационной привлекательностью;
- наличие природно-ресурсного потенциала, например природных лечебных ресурсов;
- социально-экономическая инфраструктура;
- наличие туристско-рекреационных объектов, привлекающих платежеспособный спрос;
- благоприятная экологическая обстановка;
- хорошие социально-экономические условия, высокий уровень средств размещения;
- безопасность для жизни и имущества туристов.

Основными механизмами формирования и развития санаторно-курортных кластеров являются:

- качественное региональное управление, способствующее продвижению территории;
- развитие социально-экономического пространства на основе государственных программ, частно-государственного партнерства;
- формирование нормативно-правовой базы для привлечения инвестиций;
- обеспечение контроля качества лечебно-оздоровительных услуг;
- мониторинг качества и ценовой политики сопутствующих услуг: транспорта, сферы общественного питания, досуга и анимации;

- реализация стратегических документов в области развития туризма, в том числе лечебно-оздоровительного, санаторно-курортного комплекса;
- эффективная коммуникационная политика, обеспечивающая взаимодействие субъектов бизнеса, власти, потребителей услуг;
- экономическая стабильность профильных средств размещения и оказания услуг — предприятий санаторно-курортного комплекса и гостиничной индустрии.

Качественным этапом развития санаторно-курортных кластеров является внедрение элементов сетевого взаимодействия. Изучению механизмов координации и сетевых структур в современном бизнесе посвящено значительное число научных работ, включая работы таких зарубежных и российских ученых, как Р. Баджо, С. Боргатти, А. Грандори, Р. Майлз, У. Пауэлл, Ч. Сноу, Дж. Сода, П. Фостер, С.Б. Авдашева, В.С. Катькало, С.П. Куш, Г.Б. Клейнер, В.Л. Тамбовцев, А.Е. Шаститко, М.Ю. Шерешева. Важной задачей является управление и координация участников сети: развитие межфирменных взаимоотношений как особая организационная способность; компетенции экономических агентов и вопросы организации совместной деятельности. Развитие сетевой формы организации санаторно-курортной деятельности обусловлено практическими целями и задачами, эволюция форм организации бизнеса представлена в табл. 2.

Применение кластерной и сетевой формы организации бизнеса обосновано для различных видов экономической деятельности, поскольку определяющим являются коммерческий и социальный эффекты, обеспечение контроля рыночной доли группой участников, объединенных общими целями и задачами.

Таблица 2

Эволюция форм организации санаторно-курортной деятельности*

Территориально-промышленный комплекс (ТПК)	Кластер	Сеть
<i>Государственное регулирование</i>		
Командно-административные методы управления	Регулирование на основе программ отраслевого и регионального развития	Слабая возможность регулирования в силу неформальных отношений участников
<i>Цель создания</i>		
Государственная политика территориального развития и безопасности	Получение преимуществ отрасли или территории на основе комбинации ключевых факторов	Получение коммерческого эффекта на основе нового продукта, услуги, обладающих высокой ценностью для потребителя
<i>Задачи</i>		
Развитие материально-логистической основы для оптимизации затрат Формирование единого канала сбыта Определение долгосрочных ориентиров развития	Повышение качества продукции и услуг отрасли Обмен инновациями и технологиями Создание уникальных продуктов и услуг	Создание высокотехнологичной продукции и услуг Преодоление конкуренции на основе сотрудничества и доминирующего положения на рынке Расширение географии присутствия базовых компаний отрасли

Территориально-промышленный комплекс (ТПК)	Кластер	Сеть
<i>Механизмы управления и регулирования</i>		
Административно-командные методы, план затрат, производства, определенные объемы сбыта, отсутствие экономического стимулирования	Договорные обязательства, определение границ сотрудничества, параметры и вклад каждого субъекта в общую работу	Неконтрактная договорная форма взаимодействия, минимальные риски и высокая выгода, возможность замены элементов (агентов) сети
<i>Внутренние результаты для экономических агентов</i>		
Снижение себестоимости производства, экономия ресурсов, рост оборота продукции, услуг	Повышение конкурентоспособности и рост доли рынка, снижение затрат и рисков	Максимальная доля рынка, производство инновационной продукции, услуги, обмен ресурсами и технологиями
<i>Внешний социально-экономический эффект для отрасли, территории и населения</i>		
Повышение количества товаров на локальных рынках, удовлетворение спроса населения	Повышение качества продукции и услуг, формирование спроса, рост конкурентоспособности отраслевых предприятий	Влияние на спрос на основе стратегии взаимодействия с клиентами, рост конкурентоспособности базовых предприятий, отрасли, развитие региона

* составлено авторами.

Санаторно-курортный кластер (СКК) — это система коммерческих и некоммерческих экономических агентов, сосредоточенных на территории, обладающей курортно-рекреационным потенциалом, образованная с целью формирования большего ассортимента услуг, повышения их качества, уменьшения затрат и получения большей выгоды (рис. 1).

СКК определяется наличием конкретной бизнес-компоненты, которой могут быть рекреационные предприятия и объекты инфраструктуры, с тесной производственно-хозяйственной связью. Структура санаторно-курортного кластера определяется лечебным профилем базовых предприятий, выполняемыми функциями и характером предпринимательских отношений.

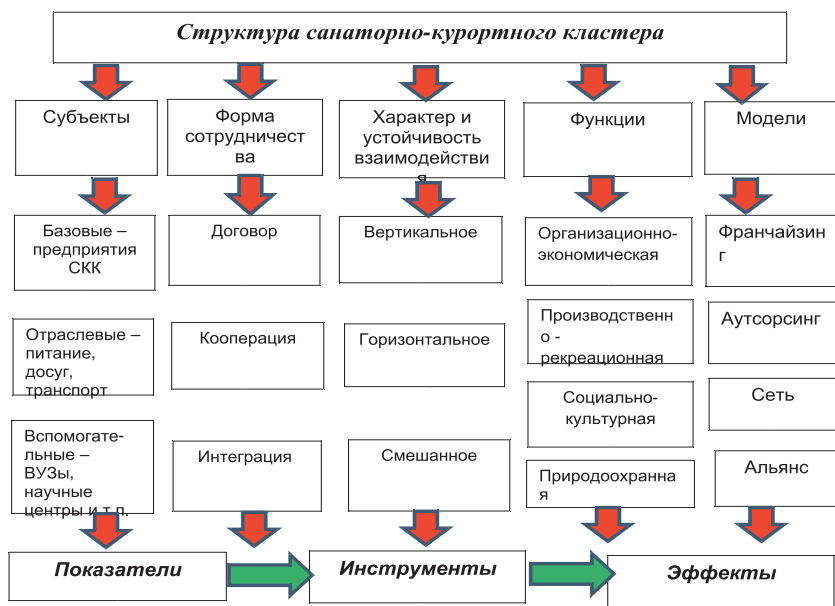

Рис. 1. Структура санаторно-курортного кластера (составлено авторами)

Основную роль в структуре выполняют функции, поскольку они имеют определяющее воздействие на эффект для региона и населения [5]:

1. Производственно-рекреационная, связанная с лечебными, диагностическими, рекреационными услугами, оказывающая влияние на здоровье, включающая санаторно-курортное лечение, отдых.
2. Организационно-экономическая, представляет собой устойчивое развитие санаторно-курортных предприятий, удовлетворение потребностей туристов, расширение производства.
3. Социально-культурная удовлетворяет культурные и духовные потребности туриста, включает коммуникации. Природоохранная заключается в охране и поддержке рекреационных ресурсов страны антропогенного и природного происхождения, росте эффективности экологического контроля и мониторинга, осуществлении деятельности по обеспечению безопасности рекреационных мероприятий.

В рамках взаимодействия санаторно-курортного комплекса формируется предложение высокого качества на основе объединения рекреационных ресурсов, существующих технологий и оборудования профильных предприятий, вследствие чего на основе сопутствующих отраслей и специализированных услуг возникают новые товары (услуги), ориентированные на потребителя. Эта система возникает при объединении нескольких сфер туристической и экономической деятельности, которые участвуют в создании СКК.

В рамках кластерной и сетевой формы взаимодействия достигаются основные экономические цели развития СКК:

1. Рост емкости образуемого санаторно-курортного комплекса за счет проведения модернизации и реконструкции уже существующих санаторно-курортных объектов, а также строительства новых. Этот процесс проходит при помощи привлечения частного капитала, формирования новых площадок, роста объема используемых месторождений минеральных вод.
2. Развитие кластера как системы взаимозависимых и взаимодействующих предприятий в целом и как отдельных его компонентов (санаторно-курортные предприятия, туристические предприятия, медицинские учреждения) на основе конкурентных преимуществ (транспортная инфраструктура, целебные источники, инновационные технологии отрасли и так далее).

Рассмотрим основные показатели затрат на создание и развитие туристско-рекреационных кластеров юга России — «Всплеск» Ростовской области, «Абрау-Утриш» Краснодарского края, «Эко-курорт Кавминводы» Ставропольского края, «Ворота Лаго-Наки» Республики Адыгея и «Эко-курорт Кавминводы» Карачаево-Черкесской Республики — которые отражают общее состояние отрасли туризма и отдыха. Общие показатели расходов представлены в табл. 3.

Согласно данным табл. 3, наибольшее число затрат на создание и разработку южнороссийских туристских кластеров приходится на кластер Республики Адыгея «Ворота Лаго-Наки» — 6139,3 млн рублей. На втором месте находится «Абрау-Утриш» Краснодарского края — 3196,9 млн рублей, на третьем — «Эко-курорт Кавминводы» Карачаево-Черкесской республики — 3124,3 млн рублей. Это говорит о том, что чем известнее рекреационный объект, расположенный на территории кластера, и чем он старше,

Таблица 3

Показатели затрат на развитие кластерных программ, Юг России, (2015–2018 (прогноз)), млн руб.*

Название кластера	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
«Всплеск», Ростовская область	337,3	367,8	-	-	-	-	-	-
«Абрау-Утриш», Краснодарский край	-	43	105,3	2195,2	853,4	-	-	-
«Эко-курорт Кавминводы», Ставропольский край	-	43	-	154,2	159,9	805,5	293,2	117,7
«Ворота Лаго-Наки», Республика Адыгея	-	-	-	1637,5	40	1129,3	1112,8	2219,7
«Эко-курорт Кавминводы», Карачаево-Черкесская Республика	-	-	-	-	-	513	440	2171,3

* Составлено по данным [20].

тем большее количество финансовых вложений требует весь кластер.

Далее рассмотрим показатели затрат на развитие кластерных программ юга России, сгруппированные по источникам финансирования, отраженные в табл. 4.

Таблица 4

Показатели затрат на развитие кластерных программ, Юг России, по источникам финансирования (2015–2018), млн руб.*

Название кластера	Федеральный бюджет	Бюджеты субъектов и местные бюджеты	Внебюджетные источники
«Всплеск», Ростовская область	83	14,6	607,5
«Абрау-Утриш», Краснодарский край	645,9	205,7	2345,3
«Эко-курорт Кавминводы», Ставропольский край	355,7	79,5	1138,3
«Ворота Лаго-Наки», Республика Адыгея	1505,8	336	4297,5
«Эко-курорт Кавминводы», Карачаево-Черкесская Республика	652,6	123,9	2347,8

* Составлено по данным [19].

Данные табл. 4 говорят о том, что наибольшее финансирование из федерального бюджета среди всех южных кластеров России приходится на «Ворота Лаго-Наки» — 1505 млн рублей, далее идут «Эко-курорт Кавминводы» из Карачаево-Черкессии (652,6) и «Абрау-Утриш» (645). Так же выглядит и рейтинг этого показателя по внебюджетным источникам.

Наконец, рассмотрению подлежат показатели затрат по южным кластерам на формирование комплекса обеспечивающей инфраструктуры кластеров и строительство их объектов туристской дестинации, которые представлены в табл. 5.

Данные табл. 5 отражают тот факт, что наибольший объем финансирования за 7 лет действия федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» среди всех кластеров юга России приходится на кластер Республики Адыгея «Ворота Лаго-Наки» — 1841,8 млн рублей, на втором месте краснодарский «Абрау-Утриш» (851,6 млн рублей) и на третьем — «Эко-курорт Кавминводы» из Карачаево-Черкессии (776,5 млн рублей).

Устойчивость развития санаторно-курортных кластеров заключается в способности системы сохранять свое состояние в условиях нестабильности окружающей среды и влияния на нее внешних воздействий, что представляется существенным преимуществом рекреационной отрасли. Сохранение устойчивости СКК, прежде всего, является задачей руководства на всех уровнях, возможностей быстро реагировать на эти изменения и адаптировать систему управления к текущим условиям.

Санаторно-курортный комплекс как основа кластера может приспосабливаться к последствиям влияющих факторов внешней среды, гибко трансформировать свое поведение в условиях флуктуаций макроэкономических параметров. Главная цель управления санаторно-курортным кластером — это сохранение в границах заданных параметров основных показателей и важных свойств при помощи эффективных механизмов и технологий воздействия. В такой ситуации

Таблица 5

Показатели затрат на развитие кластерных программ, Юг России, создание комплекса обеспечивающей инфраструктуры и строительство объектов туристской дестинации (2015 – 2018 гг.), млн руб.*

Название кластера	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
«Всплеск», Ростовская область	37,3	60,3	-	-	-	-	-	-
«Абрау-Утриш», Краснодарский край	-	13	62	506,6	270	-	-	-
«Эко-курорт Кавминводы», Ставропольский край	-	13	32,2	-	251,1	53,2	85,7	-
«Ворота Лаго-Наки», Республика Адыгея	-	-	-	437,5	-	341,5	378,5	684,3
«Эко-курорт Кавминводы», Карачаево-Черкесская Республика	-	-	-	-	-	9,1	240	527,4

* Составлено по данным [20].

устойчивость СКК будет определяться способностью системы управления к самосовершенствованию и самоорганизации. Успешность стратегий развития санаторно-курортного кластера при таких условиях будет зависеть от постоянной динамики показателей системы СКК и отдельных индикаторов устойчивости ее функций, процессов и элементов.

Стратегия устойчивого роста санаторно-курортных кластеров определяет конкретные территории, которые будут (или уже входят) в состав кластера. Так, в постановлении Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2007 года № 70 в целях развития туризма и санаторно-курортной отрасли по Краснодарскому краю, установлены конкретные муниципальные образования, которые образуют особую экономическую туристско-рекреационную зону (кластер). В ее состав входят следующие 4 участка на Черноморском побережье:

1. «Малый Ахун» (город-курорт Сочи);
2. «Агрива» (Туапсинский район);
3. «Новая Анапа» (город-курорт Анапа);
4. «Криница — Архипо-Осиповка» (город-курорт Геленджик).

Формирование Черноморского санаторно-курортного кластера определяет следующие значимые положительные результаты для муниципальных и государственных образований:

1. На общероссийском уровне — это укрепление позиций санаторно-курортного комплекса в экономической сфере России и на мировом рынке туристско-рекреационных услуг, формирование образа страны как здравницы мирового уровня, развитие потенциальных направлений экспорта услуг туризма и здравоохране-

ния, улучшение условий для стабильного и устойчивого развития инвестиционного климата для привлечения новых инвесторов.

2. На уровне Южного и Северо-Кавказского федерального округа (ЮФО и СКФО) — рост позиций Краснодарского края в общем рейтинге экономического пространства ЮФО и СКФО вследствие развития санаторно-курортного комплекса.
3. На уровне Краснодарского края — укрепление позиций туристско-рекреационного комплекса Черноморского побережья на рынке санаторно-курортных услуг края, эффективное использование прибрежной территории, модернизация инфраструктуры региона, упорядочение функционально-градостроительных зон, формирование имиджа края для его продвижения на мировой рынок туризма; поиск новых направлений экспорта санаторно-курортных услуг, рост позиций Краснодарского края в инвестиционном рейтинге страны.
4. На муниципальном уровне — укрепление экономического потенциала территории, улучшение качества городской среды, эффективное использование рекреационных ресурсов Черноморского побережья, рост инвестиционной привлекательности, а также формирование благоприятной среды для развития малого и среднего бизнеса на территории санаторно-курортного кластера.

Сетевые формы взаимодействия в санаторно-курортном кластере в настоящее время вытесняют традиционные формы отношений в отрасли. Такая степень взаимозависимости возникает на всех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. Однако стоит отметить, что кластер не

обеспечивает эффективную реализацию социальных интересов населения. Цели и задачи такого взаимодействия в СКК направлены в большей степени на получение максимальной выгоды для функционирующих на территории кластера хозяйственных субъектов.

Функционирование санаторно-курортных кластеров способствует образованию сетевых форм взаимодействия, базирующихся на совокупности методов либерального регулирования отношений субъектов, рационального объединения сетевых и традиционных отношений субъектов кластера, общества и органов государственной власти. Сетевое взаимодействие санаторно-курортных кластеров в России характеризуется разной степенью адаптивности. Это зависит от территориального устройства и приоритетных направлений деятельности; при этом необходимо учитывать специфические аспекты социально-экономической сферы региона. В условиях функционирования СКК в РФ следует учитывать такие отраслевые особенности, как:

1. Развитие сетевого взаимодействия санаторно-курортных кластеров ограничивается емкостью номерного фонда в коллективных средствах размещения (санаториев, пансионатов, гостиниц, баз отдыха, хостелов и отелей).
2. Процесс модернизации туристских дестинаций имеет пределы: ухудшение экологического состояния территорий имеет отрицательное воздействие как на социальную, так и на экономическую сферу жизни населения.
3. Структура международного туристского рынка воздействует на развитие всей санаторно-курортной деятельно-

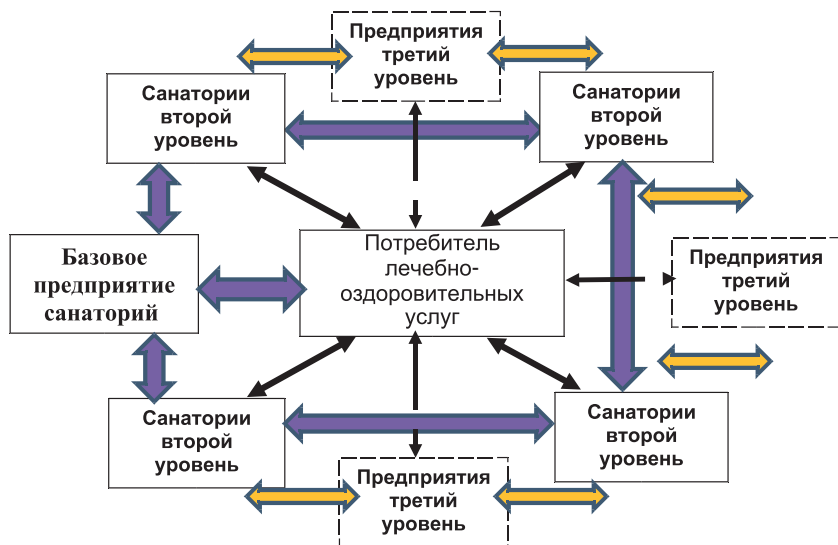

сти населения; изменения в его конъюнктуре вызывают колебания всей туристической системы объектов.

4. Себестоимость туристских товаров и услуг постоянно изменяется, тем самым воздействуя на состав участников санаторно-курортного кластера и уровень цен.

В санаторно-курортной сфере Российской Федерации можно выделить три основные формы кластеров на основе базовых элементов сетевого взаимодействия:

1. Взаимодействие, которое основывается на одном профильном учреждении, лидирующем в отрасли (рис. 2).

Рис. 2. Кластер с элементом сетевого взаимодействия на основе одного базового предприятия (составлено авторами)

Данный тип характерен для кластеров «Ворота Лаго-Наки», «Абрау-Утриш», «Новая Анапа». Базовое пред-

приятие обладает разнообразным лечебным профилем и высокой конкурентоспособностью, часть услуг могут оказывать санатории второго уровня, например спа-салон, бассейн, лечебные ванны. Предприятия третьего уровня могут не контактировать с потребителем напрямую, поскольку сотрудничают со здравницами первого и второго уровня. Потребитель с большей вероятностью обратится к базовому предприятию за оказанием услуг, поэтому связь является устойчивой, на третьем уровне может быть полная заменяемость, что существенно снижает риски кластера. К экономическим агентам второго уровня относятся предприятия здравоохранения, такие как медицинские центры; третьего уровня — туристические агенты и операторы, которые осуществляют деятельность по формированию туров, транспортные предприятия, экскурсионные бюро. В общем виде данный тип сетевого взаимодействия представляет собой монополистическое образование и является предпочтительной для санаторно-курортных кластеров, обладающих одним (основным) видом ресурсов.

2. Взаимодействие, возникающее на базе нескольких профильных учреждений, которые отличаются по специализации (к примеру, лечебными профилями) и образуют связь с определенными экономическими агентами (рис. 3).

Схема характеризуется структурой, близкой к олигополии, свободными отношениями субъектов санаторно-курортной деятельности в рамках кластера, которые зависят от экономической политики государства (региона) в сфере туризма. Данный тип характерен для кластеров Кавказских Минеральных Вод. Предприятия первого и второго уровня системы подвержены низкому уровню риска,

так как они находятся в приблизительно равных условиях функционирования. Потребитель обладает большой свободой выбора, поскольку санаторно-курортные учреждения находятся в равном конкурентном положении, предлагают услуги, которые рассчитаны на различные категории потребителей. В данном случае покупатель тура может самостоятельно планировать культурно-досуговую, экскурсионную программу. Если одно или несколько предприятий обладают низкой степенью устойчивости, то уровень риска всей системы увеличивается. Преодолеть эту проблему возможно при замене неустойчивых элементов либо путем изменения управленческой политики в их отношении. Данная модель является предпочтительной для санаторно-курортных кластеров, обладающих разными видами ресурсов.

3. Взаимодействие на основе нескольких профильных учреждений, которые осуществляют однотипную деятельность со схожим характером ее масштаба. Схема этой модели взаимодействия приближена к сетевому взаимодействию на основе нескольких базовых предприятий, отличается только профилями лечения.

В рамках модели санаторно-курортного кластера, основывающегося на принципах сетевого взаимодействия, существуют такие уровни зависимости между участниками сети, как:

- 1) первый уровень зависимость — высокий, характеризуется степенью формирования и реализации сетевого продукта с отметкой 70% (и более) от всех продаж;
- 2) второй уровень зависимости — средний, при котором уровень выручки от сетевого товара (услуги) составляет приблизительно 50%;

3) третий уровень зависимости — низкий, определяется диверсификацией деятельности санаторно-курортного учреждения, а степень вклада общего сетевого товара (услуги) в оборот составляет не более 30% [10].

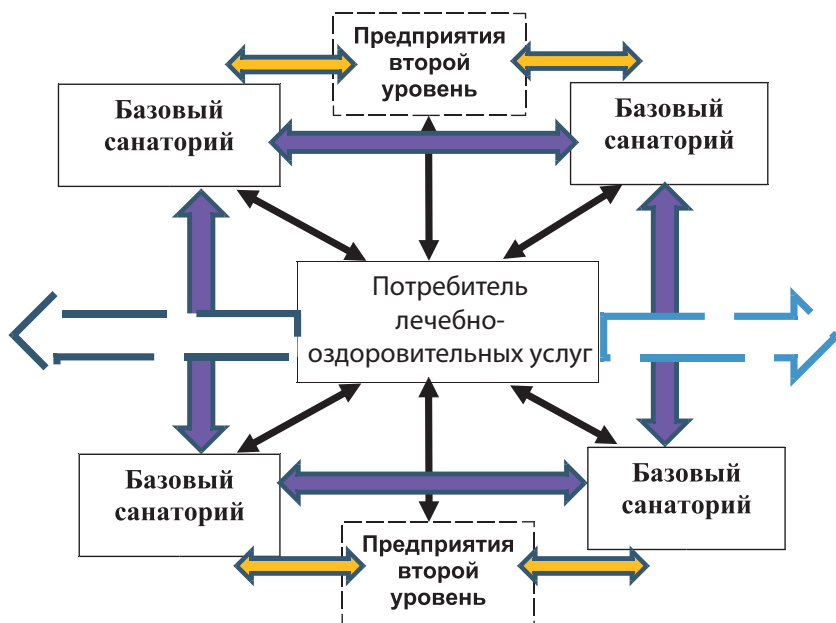

Рис. 3. Кластер с элементом сетевого взаимодействия на основе нескольких базовых предприятий (составлено авторами)

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что в развитии регионов России с курортно-рекреационной специализацией преобладает кластерный и сетевой подходы. Наличие государственных программ по формированию курортов кластерного типа объясняется сочетанием коммерческих преимуществ с возмож-

ностями контроля за целевым использованием ресурсов и определением собственников строящихся объектов на начальных этапах реализации. Санаторно-курортные кластеры способствуют достижению комплексного эффекта не только для отрасли, но и социально-экономического развития территорий, улучшения условий жизни населения за счет повышения конкурентоспособности и качества лечебно-оздоровительных услуг. Сетевое взаимодействие в санаторно-курортных кластерах направлено на получение следующих преимуществ:

- устойчивость регионального спроса за счет комбинации природно-климатического и ресурсного фактора (тур по Большому Сочи может сочетать проживание в отеле в горах и в черте города);
- обмен технологиями и повышение качества некоторых функциональных областей (курорты одного региона обладают уникальными ресурсами, другого региона — технологиями по эффективному лечению на базе этих ресурсов);
- вовлечение большего числа профильных предприятий в инновационные процессы, связанные с применением цифровых технологий в области диагностики, лечения и реабилитации; апробацией новшеств и обучением персонала;
- развитие вертикально-горизонтального управления в целях повышения результатов деятельности кластера, когда кооперация связей дополняется контролем на основе программно-целевого подхода.

Опыт создания санаторно-курортных кластеров на территориях со сложной социально-экономической ситуацией (республика Крым, республика Кабардино-Балкария) свиде-

тельствует о том, что государственные программы являются основным фактором внедрения инфраструктуры и транспортно-логистического обеспечения. Объемы финансирования зависят от комплекса функций кластера и его роли в преобразовании социально-экономического пространства, оптимизации использования потенциала, привлечение платежеспособного спроса.

Стратегический результат зависит от региональных факторов, а именно — от повышения квалификации управленческих кадров, способности эффективного освоения средств, повышения имиджа курорта и достижения качества услуг. Достижение высокого уровня невозможно без сетевого горизонтального взаимодействия курортной территории по основным функциональным направлениям.

Таким образом, стратегия устойчивого роста санаторно-курортных кластеров на основе главных элементов сетевого взаимодействия предполагает активное взаимодействие органов государственной власти, отдельных рекреационных предприятий и предпринимателей с целью разработки эффективной сетевой модели развития отрасли и всех ее субъектов. Формирование санаторно-курортного кластера на основе сетевого взаимодействия способствует модернизации и трансформации всей структуры экономики региона не только в туристско-рекреационной сфере, но и в других отраслях деятельности.

Обладая достаточным количеством рекреационных ресурсов, санаторно-курортный кластер приобретает черты саморегулируемой системы. Степень риска такой системы определяется показателями предприятий низших уровней кластера, поскольку они функционируют в больших коли-

чествах и их связь с главными предприятиями (или между собой) довольно слаба. Преодолеть эти и другие проблемы стратегии развития санаторно-курортного кластера на основе сетевого взаимодействия возможно при оказании равномерной и равноправной поддержки всех субъектов (элементов) системы СКК, осуществлении эффективной экономической и управленческой политики по отношению к этим элементам, используя федеральные программы и программы государственно-частного партнерства, а также внедрении инновационных технологий и модернизации объектов санаторно-курортной деятельности.

Библиографический список

1. Александрова А.Ю. Туристские кластеры: содержание, границы, механизм функционирования // Современные проблемы сервиса и туризма. 2007. № 1. С. 51–61.
2. Василенко В.А., Василенко А.В. Особенности формирования и развития курортных кластеров дестинаций в Крыму // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 1. Т. 10. С. 26–32.
3. Грекова Г.И., Фихтнер О.А. Кластер как форма сетевого взаимодействия предпринимательских структур и инструмент управления региональным развитием // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 74. Т. 1. С. 63–74.
4. Грядов С.И., Ковалева И.В. Агропромышленный кластер: проблемы и перспективы развития // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2009. № 2. С. 59–67.
5. Захаров В.Я. Промышленные кластеры и экономический рост // Проблемы теории и практики управления // 2006. № 12. С. 19–20
6. Кузнецов С.В. Механизмы координации при сетевом и межсетевом взаимодействии // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 35–38.

7. Лавренко А.С. Кластеризация в задачах ассортиментного планирования в торговых сетях // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. № 8. С. 115–123.
8. Левченко Т.П. и др. Кластерный подход к устойчивому развитию туристских дестинаций // Вестник СГУТиКД. 2012. № 2 (20). С. 67–72.
9. Марков Л. С. Управление эффективностью функционирования региональных высокотехнологичных кластеров // Регион: экономика и социология. 2007. № 2. С. 85–94.
10. Оборин М.С., Шерешева М.Ю. Специфика сетевых бизнес-моделей в туристско-рекреационной сфере // Управленец. № 4(68). 2017. С. 24–31.
11. Осипов В. Кластеры как инструмент экономической политики государства // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2012. № 6. С. 87–93.
12. Остапенко Е.А. Использование кластерного анализа для сегментации конкурентной среды санаторно-курортных организаций рекреационного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 7. С. 59–67.
13. Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2005. 608 с.
14. Пустохина И.В. Проектирование логистических кластеров в рамках глобальных логистических цепей поставок // Вестник университета. 2015. № 9. С. 56–62.
15. Реутова Ю.Н. Теоретические аспекты оценки рекреационного и инвестиционного потенциалов санаторно-курортного комплекса // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 1. С. 105–112.
16. Реутова Ю.Н. Формирование стратегии развития региональных туристско-рекреационных комплексов с использованием кластерного подхода // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 4. Ч. 3. С. 114–123.
17. Социальное взаимодействие в современных условиях: различные аспекты исследования: коллективная монография // Под ред. Кан-

- дауровой А.В. — Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, кафедра социальной педагогики и социальной работы. — 2017. — 426 с.
18. Тишина В.Н. Особенности сетевых взаимодействий экономических субъектов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: экономика и менеджмент. 2011. № 11. С. 95–102.
  19. Третьяк В.П. Кластеры предприятий: пути создания и эффективность функционирования. — М.: Август Борг, 2006. 132 с.
  20. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» (с изменениями на 7 февраля 2018 года) — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902295121>.
  21. Цихан Т.В. Кластерная теория экономического развития // Теория и практика управления. 2003. № 5. С. 74–81.
  22. Яковлева-Чернышова А.Ю. Особенности кластерного взаимодействия в санаторно-курортной сфере // Управление и экономика в XXI веке. 2014. № 5. С. 98–107.
  23. Beni M. (2003). *Globalização do Turismo: Megatendências do Sector e a Realidade Brasileira*, Editora Aleph, São Paulo.
  24. Monfort M., V. M. (2000). *Competitividad y factores críticos de éxito en la «hotelería de litoral»: experiencia de los destinos turísticos Benidorm y Peñíscola* (Doctoral Dissertation, Universidad de València, Espanha, 2000).
  25. Rodrigues A.B. *Turismo rural: praticas e perspectivas*. Sao Paulo: Contexto, 2003.

**ЗОНЫ С ОСОБЫМИ
УСЛОВИЯМИ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
И КЛАСТЕРНОЙ
ПОЛИТИКИ (ОПЫТ РОССИИ
И КАЗАХСТАНА)
SPECIAL ECONOMIC ZONES
AS A TOOL FOR REGIONAL
AND CLUSTER POLICIES
(EXPERIENCE OF RUSSIA
AND KAZKHSTAN)**

И. Д. ТУРГЕЛЬ

Заместитель директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета, доктор экономических наук, профессор

I.D. TURGEL

Deputy director for research Graduate School of Economics and Management, Doctor of economics, Professor

Л.Л. БОЖКО

Проректор по учебной и научной работе, Рудненский индустриальный институт, доктор экономических наук, и.о. доцента

L.L. BOZHKO

Vice-rector for academic affairs Rudny Industrial Institute, Doctor of economics, Associate professor

Е.В. ПРАЧЕВА

Магистрант, Уральский государственный экономический университет, главный специалист-эксперт отдела кадров и государственной службы Уральского территориального управления Федерального агентства железнодорожного транспорта

E.V. PRACHEVA

Chief specialist-expert, Ural Territorial Administration of the Federal Agency of Railway Transport, master's degree student, Ural State University of Economics

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы создания и функционирования особых экономических зон и возможности использования данного института для развития территорий и стимулирования кластерных инициатив в России и Казахстане. Систематизируется информация о типах особых экономических зон, создаваемых в данных странах. Прово-

дятся сравнение ключевых характеристик данных институциональных образований, в т.ч. цели создания, используемые организационные механизмы, меры поддержки предпринимательства, предоставляемые налоговые льготы и преференции. Обосновываются общие для России и Казахстана и специфические для каждой страны проблемы создания и функционирования особых экономических зон. Подчеркивается роль особых экономических зон в поддержке кластерных инициатив и региональной кластерной политике. В заключение делаются выводы о перспективах развития особых экономических зон и возможностях взаимного использования «лучших практик», имеющихся в данной сфере в России и в Казахстане.

ABSTRACT

The article deals with the issues of creation and functioning of special economic zones and the possibility of using this institution for the development of territories and to stimulate cluster initiatives in Russia and Kazakhstan. Information on the types of special economic zones created in these countries is systematized. The key characteristics of these institutions are compared, including the purposes of their establishment, organizational mechanisms, measures to support entrepreneurship, tax incentives and preferences. The authors substantiate the common problems of creation and functioning of special economic zones for Russia and Kazakhstan and specific for each country. The role of special economic zones in support of cluster initiatives and regional cluster policy is emphasized. Finally, conclusions are made about the prospects for the development of special economic zones and the opportunities for mutual use of “best practices” available in this area in Russia and Kazakhstan.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственное регулирование экономики, особые экономические зоны, государственная поддержка, кластерная политика, экономика региона, инвестиционный климат.

KEY WORDS

State economic regulation, special economic zones, state support, clusters policy, economy of region, investment climate.

Российская Федерация и Республика Казахстан объединены общностью исторических путей развития, предпосылок формирования экономики, культурными традициями, географическими границами. Сложившиеся еще в составе СССР экономические отношения, территориальное разделение производства и труда, взаимозависимая инфраструктура и сегодня поддерживают связи двух государств. Близость исходных характеристик национальных социально-экономических и политических систем в настоящее время предопределяет общность ключевых задач государственной политики России и Казахстана. И одним из безусловных приоритетов здесь являются диверсификация экономики, стимулирование инноваций и привлечение инвестиций. Так, в Послании Президента РФ к Федеральному Собранию в 2018 году отмечается, что для дальнейшего изменения структуры национальной экономики, наращивания ее конкурентоспособности необходимо на принципиально ином уровне задействовать источники роста. Такими источниками должны стать рост производительности труда, увеличение инвестиций и развитие несырьевого экспорта¹. В Послании Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева к народу Казахстана особо подчеркивается, что четвертая промышленная революция требует глубоких технологических, экономических и социальных изменений, внедре-

¹ Послание Президента РФ к Федеральному Собранию, 2018 [электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 11.08.2018).

ния новых инструментов управления². В этих условиях для России и Казахстана особое значение приобретает всемерная поддержка регионального развития и кластерных инициатив. Такая система поддержки включает совокупность различных законодательных, административно-управленческих и финансово-экономических мер. При этом ключевым институциональным звеном, интегрирующим данные меры, могут стать зоны с особыми условиями хозяйственной деятельности. Образование особых зон дает возможность, с одной стороны, увеличить открытость экономики, гарантировать экономическую безопасность, стимулировать экономический рост на региональном уровне. С другой стороны, это дает новые импульсы для территориальных хозяйственных систем, активизирует потенциал развития территориальных кластеров, позволят инициировать новые масштабные проекты, используя позитивные эффекты масштаба.

С учетом вышесказанного, авторы проводят сравнение опыта создания и функционирования зон с особыми условиями хозяйственной деятельности в России и Казахстане, выявляют специфику и общие черты используемых организационно-хозяйственных механизмов. Состав анализируемой совокупности охватывает все многообразие зон с особыми условиями хозяйственной деятельности, создаваемых сегодня в России и Казахстане: это особые экономические зоны (далее — ОЭЗ), зоны территориального развития (далее — ЗТР), территории опережающего социально-экономического развития (далее — ТОСЭР), специальные экономические

² Послание Президента РК к народу Казахстана, 2018 [электронный ресурс] Режим доступа URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvary-a-2018-g (дата обращения 11.08.2018).

зоны (далее — СЭЗ), социально-предпринимательские корпорации (далее — СПК). Теоретической и методологической основой исследования стали работы, посвященные вопросам поддержки регионального развития и стимулирования кластерных инициатив. В частности, следует отметить работы Емец М.И. и Пургина А.С. [1], Емельяновой К.Н. [2], Лисица В.Н. [3], Неучевой М.Ю. [4], Тургель И.Д. и Божко Л.Л. [5, 6], Пьянковой С.Г. [7]. В этих работах рассматриваются понятия особых экономических зон, зон территориального развития и территорий опережающего социально-экономического развития, поднимаются вопросы их функционирования, проблемы и перспективы создания. Другой важный массив — это работы Касеновой Р.К. [8], Невматулиной К.А. [9], Ковалева И.Л. [10], Супатаевой Н.Т. [11], посвященные анализу тенденций и перспектив развития организационных механизмов развития территориальных хозяйственных систем Республики Казахстан.

Характеристика нормативно-правовых условий создания зон с особыми условиями хозяйственной деятельности приведена в табл. 1.

Следует отметить, что в целом для РФ характерен более длительный нормативный срок функционирования зон с особыми условиями хозяйственной деятельности. Нормативно-правовая основа создания и функционирования такой интересной формы, как СПК, в Казахстане еще не до конца разработана.

Данные типы зон отличаются и пространственными особенностями локализации. Так, ОЭЗ имеют четко ограниченную площадь, они создаются на земельных участках, которые находятся в собственности государства или муниципального образования, включающие предоставленные

Таблица 1

Нормативно-правовые условия создания зон с особыми условиями хозяйственной деятельности в России и Казахстане

Критерий	Россия			Казахстан	
	ОЭЗ	ЗТР	ТОСЭР	СЭЗ	СПК
Нормативно-правовой акт, закрепляющий создание нового типа зоны	Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [12]	Федеральный закон от 03.12.2011 № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13]	Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [14]	Закон Республики Казахстан от 21 июля 2011 года № 469-IV «О специальных экономических зонах в Республике Казахстан» [15]	Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 октября 2012 года № 1382 «Об одобрении Концепции развития социально-предпринимательских корпораций»
Срок создания зоны	49 лет	12 лет	70 лет	25 лет	10 лет
Нормативно-правовой акт, закрепляющий решение о создании конкретных зон	Постановление Правительства РФ	Постановление Правительства РФ	Постановление Правительства РФ	Указ Президента, Постановление Правительства Республики Казахстан	Постановление Правительства Республики Казахстан

во владение или пользование физическим или юридическим лицам, и на земельных участках, которые находятся в собственности граждан или юридических лиц. Особые экономические зоны не могут занимать территорию всего муниципального образования (нескольких муниципальных образований). ТОСЭР и ЗТР могут создаваться на территории муниципального образования или на территориях нескольких муниципальных образований в пределах одного субъекта Российской Федерации. Все эти три зоны не могут находиться на территории одного и того же муниципального образования РФ. Создаваемые в Казахстане СЭЗ с точки зрения выбора подхода к пространственной локализации наиболее близки к российским особым экономическим зонам. СЭЗ представляет собой географически локализованный земельный участок с четкими границами. В определенной степени особняком стоит такое уникальное образование, как социально-предпринимательская корпорация. На первый взгляд возникает ощущение, что в данном случае мы пытаемся сравнивать разные по сути объекты. Вместе с тем именно в силу уникальности модели организации социально-предпринимательской корпорации такое сравнение представляется возможным. Социально-предпринимательская корпорация — это национальная компания Республики Казахстан, которая реализует идею ГЧП путем взаимодействия государства и бизнеса. Они создаются как корпорации некоммерческого типа и призваны решать задачи реинвестирования полученной прибыли в социальные проекты того региона, в интересах которого они созданы. За каждой СПК закреплена своя «зона ответственности», включающая несколько областей Казахстана.

Характеристика целей создания зон с особыми условиями хозяйственной деятельности приведена в табл. 2. Все они по сути объединены общей целью — ускорение социально-экономического развития региона, а для СЭЗ более конкретно — развитие современных высокопроизводительных, конкурентоспособных производств. Еще один нюанс — зоны территориального развития создаются в рамках наименее экономически развитых субъектов РФ. На сегодня таких субъектов двадцать.

Еще один важный момент — какие инструменты привлечения резидентов используют анализируемые специализированные зоны. В табл. 3 приведены данные, позволяющие сравнить, какие режимы финансовых преференций используются в зонах с особыми условиями хозяйственной деятельности в России и Казахстане.

Следует отметить, что в наибольших масштабах различными преференциями для резидентов обладают в России ТОСЭР, в Казахстане — СЭЗ. Наименьший объем преференций в арсенале ЗТР. В частности, ЗТР не обладают преимуществами свободной таможенной зоны. Резиденты ЗТР могут рассчитывать на налоговые льготы в рамках налоговых полномочий региональных и местных бюджетов.

И, наконец, с точки зрения масштабов деятельности наиболее важную роль для развития экономики регионов сегодня играют в Казахстане свободные экономические зоны, в России — особые экономические зоны. Данные о количестве зон разных типов приведены в табл. 4.

Хотя формально наибольшее количество зон с особыми условиями хозяйственной деятельности создано в форме ТОСЭР, однако с точки зрения вклада в развитие экономики страны их существенно опережают особые экономические зоны.

Таблица 2

Цели создания зон с особыми условиями хозяйственной деятельности

Россия		Казахстан		
ОЭЗ	ЗТР	ТОСЭР	СЭЗ	
Развитие обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей экономики; развитие туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной ифраструктур; разроботка технологий и коммерциализации их результатов; производство новых видов продукции	Ускорение социально-экономического развития субъекта РФ путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в его экономику	Формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций; Обеспечение устойчивого социально-экономического развития; создание комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения	Ускоренное развитие современных высокотехнологичных, конкурентоспособных производств, привлечения новых инвестиций, новых технологий в отрасли экономики и регионы, а также повышения занятости населения	СПК Содействие экономическому развитию регионов путем консолидации государственных и частного секторов, создание единого экономического рынка на основе кластерного подхода

Таблица 3

Налоговые льготы и финансовые преференции³

Инструменты финансовой политики	Россия			Казахстан	
	ТОСЭР	ОЭЗ	ЗТР	СЭЗ	СПК
Льготы по налогу на прибыль	+	+	В части регионального и местного бюджета	+	+
Льготы по налогу на имущество	+	+		+	+
Льготы на земельный налог	+	+		+	+
Пониженные тарифы страховых взносов	+	+	-	-	-
Льготные ставки арендной платы за пользование объектами недвижимого имущества	+	-	-	+	+
Свободная таможенная зона	+	+	-	+	-
Создание и развитие инфраструктуры за счет средств бюджетов разных уровней	+	+	+	Предоставление бесплатного земельного участка, готовая инфраструктура	Предоставление льготных инфраструктурных услуг

³ Таблица составлена авторами на основе систематизации данных следующих нормативно-правовых актов: Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»; Федеральный закон от 03.12.2011 № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»; Закон Республики Казахстан от 21 июля 2011 года № 469-IV «О специальных экономических зонах в Республике Казахстан»; Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 мая 2006 г. № 483 «О Концепции создания региональных социально-предпринимательских корпораций».

Так, за 12 лет работы в ОЭЗ зарегистрировались более 650 резидентов, из которых более 100 компаний с участием иностранного капитала из 35 стран мира. За эти годы общий объем заявленных инвестиций составил более 850 млрд рублей, вложенных инвестиций — более 260 млрд рублей, было создано более 25 тысяч рабочих мест, уплачено более 67 млрд рублей налоговых и таможенных платежей⁴. Потенциал создания ЗТР так и не был реализован. В отношении ТОСЭР пока еще не так много данных, данный вид зон с особыми условиями хозяйственной деятельности еще достаточно молод.

Таблица 4

Масштабы распространения зон с особыми условиями хозяйственной деятельности

Россия			Казахстан	
ОЭЗ	ЗТР	ТОСЭР	СЭЗ	СПК
34, из них 10 промышленно-производственных, 6 техническо-внедрических, 15 туристско-рекреационных, 3 портовых	Могут быть созданы в 20 субъектах РФ	80	10, а также 22 индустриальные зоны промышленной инфраструктуры	16

В Республике Казахстан надеются преодолеть определенные проблемы, связанные с повышением эффективности функционирования СПК, и сделать данный инструмент стимулирования регионального развития более селективным. Большое количество социально-предпринимательских корпораций являются убыточными, в них недостаточно собственных денежных средств, а также неоптимальный

⁴ Особые экономические зоны/ Официальный сайт Министерства экономического развития РФ [электронный ресурс] // Режим доступа URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez/> (дата обращения 11.08.2018).

отраслевой диапазон проектов. Также пока остаются открытыми вопросы создания и функционирования частных индустриальных зон, определения полномочий их управляющей компании и т.д.

Практика функционирования зон с особыми условиями хозяйственной деятельности в России также неоднозначна. Результативность ОЭЗ очень сильно дифференцирована. ЗТР как инструмент региональной политики фактически так и не был реализован. Происходит только обновление списка субъектов РФ, где могут создаваться данные территории. ТОСЭР преследует слишком разноплановые цели. Так, сложно одновременно обеспечивать и условия для высокой прибыльности бизнеса резидентов, и благоприятные условия для жизни населения на территории, где ТОСЭР функционирует.

Перспективы дальнейшего совершенствования зон ускоренного роста и государственных корпораций в экономике нашей страны и Республики Казахстан во многом зависят от постоянного совершенствования законодательства в сфере регулирования деятельности данных институтов, а также от эффективности методов контроля за его исполнением. Высокая турбулентность социально-экономической ситуации с высокой вероятностью может привести к появлению нового комплекса проблем, которые необходимо решать России и Казахстану. И в этой связи очень важно подойти к новому этапу с осознанием существующих проблем и четким планом их решений.

Благодарность

Эмпирической основой анализа послужили результаты исследований, проведенных в рамках НИР «Совершенствова-

ние политики государственного регулирования ускоренной кластеризации индустриальных регионов», выполняемой по грантовому финансированию Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Библиографический список

1. Емец М.И., Пургин А.С. Сравнительный анализ инструментов региональной политики РФ: особые экономические зоны, зоны территориального развития и территории опережающего социально-экономического развития // Экономика, государство, общество. — 2015. — № 4. — С. 28.
2. Емельянова К.Н. История становления института особых экономических зон в России // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 8(11). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/8\(11\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/8(11).pdf) (дата обращения: 15.07.2018)
3. Лисица В.Н. Понятие особой экономической зоны: отграничение от смежных территорий // Вестник ФГУ государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции РФ. — 2010. — № 6. — С. 26–38.
4. Неучева М.Ю. Функционирование особых экономических зон в различных социально-экономических системах // Проблемы современной экономики. — № 2 (38). — 2011. — С. 248–251.
5. Тургель И.Д. Местное самоуправление в России: десять лет в условиях реформирования // Муниципалитет: экономика и управление. — 2012. — № 2. — С. 18–29.
6. Тургель И.Д., Божко Л.Л., Линьши С. Государственная поддержка развития моногородов России и Казахстана // Финансы: Теория и Практика. — 2016. — № 2 (92).
7. Пьянкова С. Г. Теоретические основы совершенствования институциональной системы монопрофильной территории // Муниципалитет: экономика и управление. — 2015. — № 3. — С. 5–15.

8. Касенова Р.К. Опыт создания специальных экономических зон в республике Казахстан // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 5. С. 44–47.
9. Невматулина К.А. Приоритеты развития специальных экономических зон республики Казахстан // Научный результат. Серия: технология бизнеса и сервиса. Том 1 № 3(5). 2015. С. 58–65
10. Ковалев И.Л. Анализ инвестиционного климата в Беларуси, Казахстане и России в рамках ЕЭП // Проблемы развития территории. 2014. № 6 (74). С. 150–166.
11. Супатаева Н.Т. Социально-предпринимательские корпорации как направление развития регионов // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2017. Т. 23. С. 258–262.

List of References

1. Emec M.I., Purgin A.S. Sravnitel'nyj analiz instrumentov regional'noj politiki RF: osobyeh ehkonomicheskie zony, zony territorial'nogo razvitiya i territorii operezhayushchego social'no-ehkonomicheskogo razvitiya. // Ehkonomika, gosudarstvo, obshchestvo. — 2015. — № 4 — S. 28.
2. Emel'yanova K.N. Istoriya stanovleniya instituta osobyeh ehkonomicheskikh zon v Rossii // Nauchnoe soobshchestvo studentov: mezhdisciplinarnye issledovaniya: sb. st. pomat. XI mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. № 8(11). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/8\(11\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/8(11).pdf) (data obrashcheniya: 15.07.2018)
3. Lisica V.N. Ponyatie oboj ehkonomicheskoy zony: otgranichenie ot smezhnyh territorij // Vestnik FGU gosudarstvennayaregistracionnaya palatapriMinisterstveysticii RF — 2010. — № 6. — S. 26–38.
4. Neucheva M.YU. Funkcionirovanie osobyeh ehkonomicheskikh zon v razlichnyh social'no-ehkonomicheskikh sistemah. // Problemy sovremennoj ehkonomiki. — N 2 (38). — 2011. — S. 248–251.

5. Turgel' I.D. Mestnoe samoupravlenie v Rossii: desyat' let v usloviyah reformirovaniya // Municipalitet: ehkonomikaiupravlenie. — 2012. — №. 2. — S. 18 —29.
6. Turgel' I. D., Bozhko L.L, Lin'shi S. Gosudarstvennaja podderzhka razvitiya monogorodov Rossii I Kazahstana //Finansy: Teorija i Praktika. — 2016. — №. 2 (92).
7. P'jankova S. G. Teoreticheskie osnovy sovershenstvovaniya institucional'noj sistemy monopofil'noj territorii //Municipalitet: jekonomika i upravlenie. — 2015. — №. 3. — S. 5–15.
8. Kasenova R.K. Opyt sozdaniya special'nyh ehkonomicheskikh zon v respublike Kazahstan. // Ehkonomika I upravlenie: analiz tendencij i perspektiv razvitiya. 2013. № 5. S. 44–47.
9. Nevmatulina K.A. Prioritety razvitiya special'nyh ehkonomicheskikh zon respubliki Kazahstan. // Nauchnyj rezul'tat. Seriya: tekhnologiya biznesa i servisa. Tom 1 № 3 (5) 2015 s. 58–65
10. Kovalev I.L. Analiz investicionnogo klimata v Belarusi, Kazahstane i Rossii v ramkah EEHP.// Problemy razvitiya aterritorii. 2014. № 6 (74). S. 150–166.
11. Supataeva N.T. Social'no-predprinimatel'skie korporacii kak napravlenie razvitiya aregionov.// Vestnik Akademii gosudarstvennogo upravleniya pri Prezidente Kyrgyzskoj Respubliki. 2017. T. 23. S. 258–262.

Контактная информация

Тургель И.Д., Россия, Екатеринбург, 620002, ул. Мира, 19, Уральский федеральный университет, turgel@k96.ru;

Божко Л.Л. Республика Казахстан, г. Рудный, 111500, ул. 50 лет Октября, 38, Рудненский индустриальный институт, leonlaris@mail.ru;

Прачева Е.В., Россия, Екатеринбург, 620144, ул. 8 марта, 62, Уральский государственный экономический университет prachevakaty@gmail.com.

**УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
МЕТОДИЧЕСКОГО
ПОДХОДА К РАЗРАБОТКЕ
ПЛАНОВ
ДИВЕРСИФИКАЦИИ
ПРЕДПРИЯТИЙ ОПК**
**CONDITIONS FOR FORMING
THE METHODOICAL
APPROACH DEVELOPMENT
OF DIVERSIFICATION
PLANS OF OПК
COMPANIES**

В.Ж. ДУБРОВСКИЙ

Д.э.н., профессор, директор Института
экономики УрГЭУ, член Правления УрО
ВЭО России

V.Z. DUBROVSKY

Doctor of Economics, Professor, Director of the
Institute of Economics of the USUE, member
of the Management Board of the UrDO VEO of
Russia

А.А. БУРАК

Заместитель директора Департамента по продвижению и продажам гражданской продукции по Российской Федерации АО «ПО „УОМЗ“», ассистент кафедры экономики предприятий УрГЭУ

A.A. BURAK

Deputy Director of the Department for the Promotion and Sales of Civil Products in the Russian Federation JSC PO UOMZ, Assistant of the Department of Economics of Enterprises USUE

АННОТАЦИЯ

В целях изыскания перспективных подходов к решению задач развития ОПК определены ключевые сложности диверсификации предприятий. Обоснована целесообразность проведения диверсификации и представлен SWOT-анализ диверсификации предприятий ОПК. Представлен синектический подход к компиляции методов долгосрочного управления. Даны рекомендации по преодолению сложностей диверсификации ОПК.

ABSTRACT

In order to find promising approaches to solving the tasks of developing the defense industry, the key difficulties in diversifying enterprises have been identified. The expediency of diversification was grounded and the SWOT-analysis of diversification of defense enterprises was presented. A synectic approach to the compilation of long-term management methods is presented. Recommendations are given on overcoming the difficulties of diversifying the defense industry.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ОПК, планы диверсификации, стратегия, ПЦУ, проект, синектика, ПВН, ПГН.

KEYWORDS

Defense industry complex, diversification plans, strategy, PCU, project, synectics, PVN, PGN.

В современных условиях для предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) все большую актуальность приобретают вопросы диверсификации, с акцентом на переход к производству новых видов высокотехнологичной продукции гражданского назначения (ПГН). На государственном уровне важность поставленных задач неоднократно подчеркивалась на правительственном уровне. В своем Послании Федеральному Собранию от 2 декабря 2016 г. Президент РФ В.В. Путин сформулировал следующие ориентиры для достижения стратегических целей развития предприятий ОПК: доля гражданской продукции в структуре выручки должна составить не менее 17% к 2020 г., 30% к 2025 г. и до 50% к 2030 г.

В соответствии с поставленными задачами крупнейшие предприятия ОПК, среди которых АО «Вертолеты России», ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация», ПАО «Камаз», АО «НПК „Уралвагонзавод“» и ряд других предприятий, актуализировали свои стратегии развития в период с 2015 по 2017 гг. с упором на опережающий рост выручки в гражданских сегментах. В частности, флагманы высокотехнологичной промышленности в лице предприятий Государственной корпорации «Ростех» в соответствии с новой стратегией развития от 2015 г. поставили цели по достижению среднегодового прироста выручки 17% за счет опережающего роста гражданских сегментов и по обеспечению достижения доли ПГН не менее 50% уже к 2025 г. в целом по корпорации.

Тем не менее для ряда предприятий ОПК остается открытым вопрос целесообразности проведения подобной переориентации производства. Неоднократный опыт проведения конверсии ОПК в Российской практике, который, как отмечает О.С. Сухарев [5, с. 61], продолжался с 1989 по 2001 гг. и сопровождался производством кастрюль и детских игрушек, способствовал формированию негативного окраса перехода с производства продукции военного назначения (ПВН) на ПГН среди целого ряда предприятий ОПК.

Отчасти именно поэтому в настоящее время делается акцент на необходимости производства высокотехнологичной ПГН для наукоемких секторов экономики, таких как медицина, электроника, энергосбережение, системы безопасности и прочее.

Среди ключевых причин необходимости подобного перехода можно выделить следующие факторы:

- успешное проведение техперевооружения ОПК обеспечило не только переход на современные высокотехнологичные цифровые производственные схемы, но и сформировало долгосрочный задел по сохранению технологической конкурентоспособности ОПК;
- завершается разработка новейших образцов вооружений, среди которых можно выделить Т-14 «Армата», СУ-57 «ПАК ФА», МИ28-НМ и другие;
- завершается переоснащение армии современными образцами вооружений, соответственно, возникают перспективы сокращения государственного оборонного заказа (ГОЗ).

Ряд экспертов, среди которых В.В. Ивантер [2, с. 326], Г.Н. Цаголов [6, с. 365], А.А. Широв [8, с. 74] и Ю.В. Якутин [9,

с. 375], отмечают, что среди успехов, которые демонстрируют промышленные сектора РФ, наиболее серьезные достижения происходят на ОПК. При этом к важным факторам относят «оказание определенного патернализма».

В целом успешная реализация ГПВ-2020, выразившаяся в числе прочего в масштабном техперевооружении предприятий ОПК, позволила существенно нарастить производственный потенциал, который сегодня, по существу, становится базой роста всего промышленного комплекса Российской Федерации [1, с. 115].

Тем не менее, когда пик поставок в рамках ГОЗ будет пройден, в краткосрочной перспективе возникнет угроза стагнации ОПК, связанная с перераспределением структуры государственных расходов и снижением объемов финансирования.

Как известно, российские предприятия ОПК имеют недостаточный объем прибыли, в том числе в силу существующего правила «20+1» при выполнении ГОЗ, согласно которому организация может заложить в смету 20% прибыли на работы, выполняемые собственными силами, и лишь 1% на поставки комплектующих и сторонние работы [7, с. 12]. При полном самообеспечении предприятия комплектующими его прибыльность составит 20%, а при 90%-й доле покупных компонентов (что нередко в ОПК) прибыль падает до 3% [4, с. 4].

В сложившихся условиях необходимо упреждающе обеспечить предприятия ОПК заказами, способными загрузить созданные производственные мощности (с учетом покрытия мобилизационных мощностей), запустить новые исследовательские проекты, сохранить кадровый состав и финансовую устойчивость предприятий.

Таким образом, в условиях сокращения ресурсов на рынках ПВН предприятиям ОПК целесообразно акцентировать внимание на перспективных рынках гражданских сегментов, а с учетом изменения структуры финансирования РФ сосредоточиться на высокотехнологичных квазигосударственных рынках ПГН.

Сложность реализации подобного перехода заключается в том, что ОПК специфичен, огромен и сложноорганизован, что характеризуется обилием устоявшихся кооперационных связей. Сформированы принципы работы в условиях устоявшегося централизованного планирования и обязательности его исполнения. Имеется ряд специфичных накладных, среди которых можно выделить необходимость поддержания мобилизационных мощностей, обеспечение режимных требований на объектах, сверхвысокой регламентации деятельности, мелкосерийности выпускаемой продукции и особых представлений о маржинальности согласно правилу «20+1».

Сформированные преимущества и факторы силы, которые оттачивались для обеспечения выполнения ГОЗ, в условиях работы гражданских рынков становятся не просто «бесполезными», но зачастую — препятствующими факторами. SWOT-анализ диверсификации предприятий ОПК представлен в таблице.

В частности, рынки ПГН требуют дешевой и массовой продукции, а продвижение ПГН предполагает значительной открытостью производителей и поставщиков, в т.ч. высокий уровень сервиса, наличие торговых представительств, публикацию технических характеристик, участие в международных выставках, обмен опытом, широкую международную кооперацию и развитие механизмов локализации производства и разработок.

Таблица

SWOT-анализ диверсификации предприятий ОПК

	<p>ВОЗМОЖНОСТИ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Перенаправление госфинансирования в гражданские сегменты 2. Взятый курс правительства на повышение качества жизни 3. Реализация политики импортозамещения 4. Активное продвижение отечественных финансово-инвестиционных фондов 5. Усиление кооперации с научным сообществом 	<p>УГРОЗЫ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Сокращение ГОЗ 2. Потеря носителей уникальных компетенций 3. Ограниченный доступ к финансовым ресурсам 4. Ограниченный список кооперации 5. Ограниченный доступ к покупным комплектующим изделиям (ПКИ) 6. Устоявшаяся конкуренция на мировых рынках
<p>СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Устоявшийся механизм кооперации предприятий ОПК 2. Умение работать в жестких условиях 3. Опыт централизованного планирования 4. Опыт комплексного решения сложных задач 5. Серьезный административный ресурс 6. Реализованное тепереворужение 7. Обилие опережающих разработок в специальных секторах 	<p>СиВ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Трансфер технологий специального назначения в гражданские сегменты 2. Получение субсидий в рамках государственных конкурсов и Федеральных целевых программ 3. Реализация активного GR в рамках участия в комплексном исполнении национальных мегапроектов 4. Перераспределение ресурсов с концентрацией на гражданские сектора 5. Использование передового оборудования для производства высокотехнологичной ПГН 6. Реализация программы «Сделано в России» 7. Активное продвижение продукции в гражданских секторах 8. Централизованный запуск совместных проектов с научным сообществом 	<p>СиУ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Разработка и реализация централизованного распределения внутренних рынков квазигосударственного спроса среди предприятий ОПК согласно устоявшимся кооперационным связям 2. Реализация программ обучения, наставничества и кадрового резерва 3. Формирование и использование реестра отечественных ПКИ 4. Реализация стратегии технологического доминирования при захвате рынков 5. Реализация комплексного подхода и выполнение проектов «под ключ» 6. Активное привлечение финансово-кредитных ресурсов для инвестирования гражданских проектов

<p>СЛАБЫЕ СТОРОНЫ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Малый опыт работы в рыночных условиях 2. Высокий уровень накладных расходов 3. Длительные сроки разработки и вывода новой продукции на рынок 4. Высокая степень регламентации 5. Ориентация на мелкосерийное производство 6. Режимные ограничения 	<p>СлВ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Проведение программ переобучения сотрудников и привлечение молодых специалистов, понимающих современный рынок 2. Привлечение государственных субсидий, направленных на нивелирование специфичных затрат ОПК 3. Активный М&А в малые и средние инновационные предприятия и стартапы 4. Поиск ниш и сегментов штучной высокотехнологичной продукции в соответствии с уникальными компетенциями предприятий 5. Повышение степени открытости предприятий в части ПГН 6. Снятие законодательных ограничений по специфичным требованиям ОПК в части ПГН 	<p>СлУ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Трансфер механизмов контрактации в рамках ГОЗ на национальные гражданские проекты 2. Оптимизация уровня накладных расходов пропорционально снижению ГОЗ 3. Расширение списка комплектаторов с рассмотрением возможности использования иностранных комплектующих из дружественных держав 4. Ужесточение контроля над соблюдением сроков разработки ПГН 5. Развитие и реализация механизмов сегментирования и позиционирования продукции
--	---	---

При реализации задач диверсификации ОПК целесообразно использовать сильные стороны предприятий и устойчивого механизма работы, а также разработать комплекс упреждающих действий, направленных на недопущение реализации угроз внешней среды.

Соответственно, высокую актуальность приобретает вопрос преодоления указанных факторов и изыскания путей преодоления адаптационного периода ОПК. Необходим специальный инструментарий, одновременно учитывающий жесткий административно-плановый аппарат (как сильную сторону ОПК) и гибкость, динамичность рыночного подхода (в т.ч. в условиях антимонопольных рынков ПГН). При этом неоднократные попытки переставить контур ОПК на «гражданские рельсы», равно как и реализация неадаптирован-

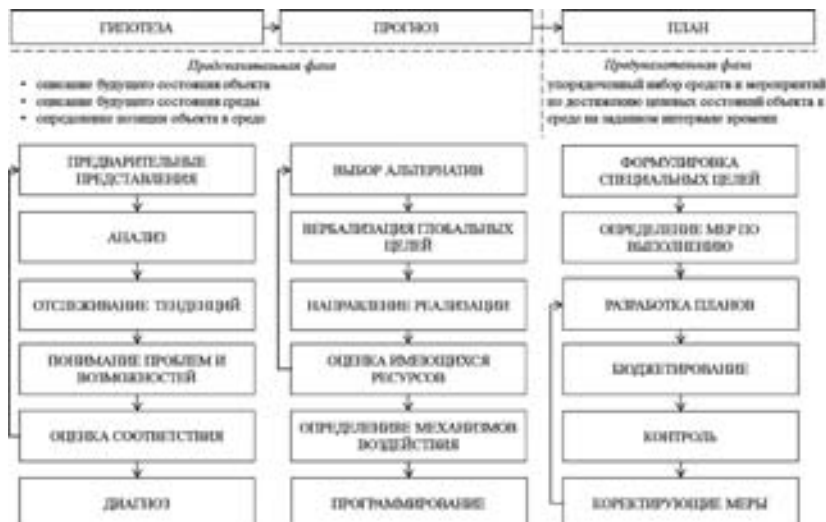
ных механизмов управления от «мировых лидеров», дают в основном аномальные результаты.

Таким образом, перед предприятиями ОПК встает серьезная задача: необходимо перестроить систему управления долгосрочным развитием и адаптироваться к конкурентным условиям внешней среды, причем в довольно сжатые сроки. Требуемый инструментарий должен сочетать себе на необходимом и достаточном уровне определенную универсальность (для ОПК) с учетом специфики деятельности отдельных предприятий, оставляя им возможности для маневров.

По результатам проведенного анализа, отраженного в некоторых наших публикациях, выявлены наиболее адаптивные факторы в каждом из методов, которые скомпилированы с применением синектического метода на базе стратегического, программно-целевого и проектного подходов и представлены на рисунке.

Указанный подход может обеспечить единство отраслевых целей в долгосрочном периоде за счет сочетания элементов директивного и индикативного управления промышленным предприятием. Используются элементы, позволяющие декомпозировать глобальные отраслевые цели ОПК до уровня конкретных предприятий с учетом отраслевого протекционизма. Обеспечивается планомерное и пропорциональное развитие на управленческих фазах и создаются возможности для нивелирования противоречий интересов отдельных сфер. Предлагаемый подход позволяет согласовывать разнонаправленную деятельность по срокам и финансам, увязывать цели бизнес-направлений с генеральной целью, согласовывать цели и работы по различным направлениям, территориям и проектам развития. Структурированная визуализация становится гарантом устойчи-

вости и понятности системы, стабилизирует внутреннюю среду предприятия и позволяет оперативно реагировать на изменения внешней среды на каждом из этапов. При этом обеспечивается достижение целей.

Рис. Синектический подход к компиляции методов долгосрочного управления

Для обеспечения максимальной эффективности при реализации задач диверсификации ОПК с применением указанного подхода целесообразно использовать механизмы государственного регулирования и контроля исполнения.

Как отмечает Дэвид Лэйн: «Эффективная экономическая координация возможна только в рамках национального плана, во главу угла ставящего национальное благосостояние, а не рыночную конкуренцию, поэтому основой политики

экономического эгоизма может и должно быть государственное планирование» [3, с. 69].

Наиболее перспективным решением сложностей диверсификации предприятий ОПК в рамках предлагаемого подхода может стать реализация крупных национальных гражданских проектов силами предприятий ОПК. Поскольку реализация социально значимых проектов относится к компетенции государства, то, по-видимому, именно оно должно выступить генеральным заказчиком подобной продукции. Фактически решение вопроса сохранения ОПК сводится к покрытию его искусственных (не рыночных) специфичных расходов, что возможно посредством изменения государственного заказа с ПВН на ПГН, причем закуп ПГН у предприятий ОПК должен осуществляться на тех же условиях, что и для ПВН, т. е. с сохранением правила «20+1».

Библиографический список

1. Дубровский В.Ж., Бурак А.А. Методическое обеспечение разработки и реализации планов диверсификации предприятий ОПК // Устойчивое развитие промышленного предприятия в условиях неоиндустриальной трансформации: монография; под науч. ред. Я.П. Силина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. С.115–142.
2. Ивантер В.В. Вступительное слово 4-й экспертной сессии координационного совета клуба ВЭО России. // Труды Вольного экономического общества России, №2/2017. Т. 204. С. 323–326.
3. Лэйн Д. Постглобализация и будущее «экономического эгоизма» // Труды Вольного экономического общества России. № 5/2017. Т. 205 С. 61–69.
4. Розмирович С.Д., Манченко Е.В., Механик А.Г., Лисс А.В. Доклад Экспертного совета Председателя коллегии военно-промыш-

- ленной комиссии РФ. Диверсификация ОПК: как побеждать на гражданских рынках. V международный форум технол. развития «Технопром». Новосибирск, 2017.
5. Сухарев О.С. Современные проблемы теории и практики реструктуризации промышленности: институционально-эволюционный подход: дис. д-ра экон.наук. Орел, 2001.
  6. Цаголов Г.Н. В какую сторону повернуть отвертку? // Труды Вольного экономического общества России, № 7/2017. Т. 207. С. 364–367.
  7. Чемезов С.В., Волобуев Н.А., Коптев Ю.Н., Каширин А.И. Диверсификация, компетенции, проблемы и задачи. Новые возможности // Инновации, 2017. № 4 (222). С. 3–26.
  8. Широков А.А. Возможности ускорения экономического роста в среднесрочной перспективе // Труды Вольного экономического общества России, № 2/2017. Т. 204. С. 73–77.
  9. Якутин Ю.В. «Цифра» в технологической компоненте новой экономической модели // Труды Вольного экономического общества России, № 7/2017. Т. 207. С. 368–384.

List of References

1. Dubrovskij V.Zh., Burak A.A. Metodicheskoe obespechenie razrabotki i realizacii planov diversifikacii predpriyatij OPK // Ustojchivoe razvitie promyshlennogo predpriyatija v uslovijah neoindustrial'noj transformacii: monografija; pod nauch. red. Ja.P. Silina. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. jekon. un-ta, 2017. S.115–142.
2. Ivanter V.V. Vstupitel'noe slovo 4-j jekspertnoj sessii koordinacionnogo soveta kluba VJeO Rossii. // Trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii, №2/2017. t.204. S.323–326.
3. Ljejn Djevid. Postglobalizacija i budushhee «jekonomicheskogo jegoizma» // Trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. №5/2017. T.205 S.61–69.
4. Rozmirovich S.D., Manchenko E.V., Mehanik A.G., Liss A.V. Doklad Jekspertnogo soveta Predsedatelja kollegii voenno-promyshlennoj komisii

- RF. Diversifikacija OPK: kak pobezhdat' na grazhdanskih rynkah. V mezhdunarodnyj forum tehnol. razvitija «Tehnoprom». Novosibirsk, 2017.
5. Suharev O.S. Sovremennye problemy teorii i praktiki restrukturizacii promyshlennosti: institucional'no-jevoljucionnyj podhod: dis. d-ra jekon.nauk. Orel, 2001.
  6. Cagolov G.N. V kakuju storonu povernut' otvertku? // Trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii, №7/2017. t.207. S.364–367.
  7. Chemezov S.V., Volobuev N.A., Koptev Ju.N., Kashirin A.I. Diversifikacija, kompetencii, problemy i zadachi. Novye vozmozhnosti // Innovacii, 2017. №4 (222), S.3–26.
  8. Shirov A.A. Vozmozhnosti uskorenija jekonomicheskogo rosta v srednesrochnoj perspektive // Trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii, №2/2017, t.204. S.73–77.
  9. Jakutin Ju.V. «Cifra» v tehnologicheskoj komponente novoj jekonomicheskoj modeli // Trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii, №7/2017. t.207. S.368–384.

Контактная информация авторов

Дубровский Валерий Жоресович, директор Института экономики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный экономический университет»

620144, Уральский ФО, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45

Контактный телефон: (343) 221–17–52, E-mail: dubr@usue.ru

Бурак Артем Андреевич, заместитель директора Департамента по продвижению и продажам гражданской продукции по Российской Федерации Акционерного общества «Производственное объединение „Уральский оптико-механический завод им. Э.С. Яламова“», ассистент кафедры экономики предприятий УрГЭУ.

620100, РФ, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 33 Б

Контактный телефон: (343) 229–86–82, E-mail: a_burak@mail.ru

**КОНТРАКТНАЯ СИСТЕМА
КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ИНСТРУМЕНТ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ**
**CONTRACT SYSTEM
AS AN ECONOMIC TOOL
FOR ENSURING THE
ECONOMIC SECURITY
OF AN ORGANIZATION**

О.Г. ПОЗДЕЕВА

Кандидат экономических наук, доцент,
ученый секретарь кафедры региональной,
муниципальной экономики и управления,
Уральский государственный экономический
университет

O.G. POZDEEVA

Candidate of Economic Sciences, assistant
professor, Academic Secretary of the Department
of Regional, Municipal Economy and
Management, Ural State Economic University

Д.А. ПОГАДАЕВА

Специалист тендерного отдела
ООО «Гарантия ЕК»

D.A. POGADAIEVA

Specialist of the tender department
of LLC «Garantiya EK»

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается контрактная система как экономический инструмент обеспечения безопасности организации и совокупность экономических отношений, складывающихся в процессе использования контрактной системы для обеспечения экономической безопасности организации. Предполагается, что после внедрения предложенных рекомендаций уровень экономической безопасности организации возрастет.

ABSTRACT

The article considers the contractual system as an economic tool for ensuring the security of the organization and the totality of economic relations that develop in the process of using the contract system to ensure the economic security of the organization. It is assumed that after implementing the proposed recommendations, the level of economic security of the organization will increase.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Контрактная система, экономическая безопасность организации, экономический эффект.

KEYWORDS

Contract system, economic security of the organization, economic effect.

Контрактная система, подразумевающая под собой функционирование в рамках Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — 44-ФЗ), и экономическая безопасность организации — два тесно связанных понятия [5].

Контрактная система — это некий рычаг, позволяющий организации реализовываться в плане экономики и развития бизнеса. На сегодняшний день мы зависим от технологий, которые позволяют облегчить нашу жизнь практически во всех ее аспектах. Их объективность, оперативность и надежность заставляет нас все больше применять их в нашей деятельности [5].

Залог успешной работы организации заключается в эффективном построении деятельности по закупкам. Можно доказать тот факт, что именно контрактная система является одним из способов оптимизации затрат организации [3].

Из полученного опыта была замечена отрицательная тенденция, законодательно закреплённая в 44-ФЗ, которая требует преобразования и касается:

- сроков по оплате гос. контрактов;
- обеспечения заявок на аукционы;
- обеспечения исполнения контрактов.

Таким образом, возникает потребность в изменении старых механизмов регулирования на новые, наиболее эффективные. Исследование будет нацелено в первую очередь на поиск рациональных способов закупки с учетом специфики организации.

В.И. Плещенко считал, что «стремление сделать закупочную деятельность эффективной, понятной и прозрачной

приводит ко все большему использованию конкурентных процедур для отбора контрагентов» [2, с. 13].

Необходимость внедрения новых тенденций во избежание экономически опасного состояния для организации предполагает разработку рекомендаций, в основе которых будет лежать контрактная система, регламентированная 44-ФЗ. Для того чтобы опробовать новые рекомендации в процессе функционирования организации, необходимо проанализировать экономически опасные для организации аспекты контрактной системы, закрепленные в 44-ФЗ.

Согласно ч. 8 ст. 30 44-ФЗ оплата по контракту заказчиком, заключенному через контрактную систему, по средствам электронной площадки с субъектами малого предпринимательства (СМП) или с социально ориентированными некоммерческими организациями (СОНО) должна осуществляться в течение 15 рабочих дней с момента подписания документа о приемке товара [1].

Согласно ч. 13.1 ст. 34 оплата по контракту заказчиком для всех иных участников (поставщиков) осуществляется в течение 30 календарных дней [1].

Для примера рассмотрим среднестатистическую организацию. В день в среднем организация заключает на электронной площадке, через контрактную систему, порядка 4 контрактов. В среднем цена каждого контракта составляет 1 500 000,00 рублей. После заключения контрактов на площадке, товар формируется на отгрузку с post(после)оплатой, т. е. за счет средств организации. В день организация выводит из оборота 6 млн. руб., а в неделю 42 млн руб. В течение 30 календарных дней, сумма выведенных из оборота денежных средств составляет 180 млн руб. (табл. 1).

Таблица 1

Объем денежных средств, выводящихся из оборота организации¹

Цена одного контракта, руб.	Кол-во контрактов в день	Затраты за 1 день, руб.	Затраты за 7 дней, руб.	Затраты за 30 дней, руб.
1 500 000,00	4	6 000 000,00	42 000 000,00	180 000 000,00

Согласно 44-ФЗ данные суммы будут возвращены на баланс организации только через месяц либо в течение месяца. Отсюда следует, что организации будет не хватать собственных средств. Кроме того, рассчитаем потери, связанные с длительным сроком оплаты (табл. 2).

Таблица 2

Финансовые потери организации²

Цена одного контракта	Кол-во контрактов в день	Инфляция, %	Потери при расчете на один контракт за 30 дней, руб.	Итого потери, руб.
1 500 000,00	4	4,00	4 950,00	19 800,00

Из расчетов видно, что организация теряет 19 800,00 и это только по четырем контрактам, которых зачастую бывает гораздо больше.

Следующие финансовые потери, которые несет организация, — это денежные средства, которые вносятся в качестве обеспечения заявки для участия в тендере [5]. Рассмотрим электронный способ обеспечения. В среднем у организации на каждой площадке имеются денежные средства,

¹ Рассчитано авторами по [6].

² Рассчитано авторами по [6].

примерно, в размере 700 000,00 руб., федеральных площадок на сегодняшний день 6. Обеспечение заявки, согласно 44-ФЗ, может варьироваться от 5–30% в пределах НМЦ, ст. 96 п. 6 44-ФЗ. В основном Заказчик устанавливает 5–10%. Согласно всей контрактной системе иного способа не предусмотрено, чтобы принять участие в аукционе [1]. В результате финансовых потерь, которые несет организация на некоторых государственных площадках, из оборота организации выводится 2 800 000,00 руб., из них 560 000,00 блокируются и не могут функционировать (табл. 3).

Таблица 3

Финансовые потери на электронных площадках³

Начальная цена одного контракта, руб.	Наименование площадки	Размер обеспечения, %	Денежные средства на площадке, руб.	Блокируемая сумма, руб.
1 700 000,00	http://www.sberbank-ast.ru/	5	700 000,00	85 000,00
1 800 000,00	https://www.roseltorg.ru/	10	700 000,00	180 000,00
1 900 000,00	https://www.rts-tender.ru/	5	700 000,00	95 000,00
2 000 000,00	https://etp-ets.ru/	10	700 000,00	200 000,00
Итого финансовые потери, руб.			2 800 000,00	560 000,00

Следующий обязательный, согласно 44-ФЗ, способ — это обеспечение исполнения контракта, который перечисляется заказчику в качестве денежных средств на расчетные счета,

³ Рассчитано автором по [6].

либо в виде банковской гарантии ст. 45 44-ФЗ, только в случае победы в аукционе. Обеспечение также варьируется от 5 до 30% от НМЦ контракта [1].

Многие организации сотрудничают с банками для выпуска банковских гарантий по выигранным аукционам. Если обеспечение исполнения контракта составляет от 100 000,00 руб. и более, организации выгоднее заплатить процент банку, нежели выводить более 100 000,00 рублей и ждать их возврата только после исполнения контракта. По срокам это составляет от 6 до 12 месяцев. Это самый значимый риск в экономической безопасности организации, так как количество контрактов с каждым днем растет, а денежные средства возвращаются в лучшем случае в конце года.

Рассчитаем финансовые потери организации, которые неизбежны в контрактной системе (табл. 4). Только четыре контракта выводят из оборота организации 925 000,00руб., возврат которых будет возможен только через длительное время.

Таблица 4

Финансовые потери при обеспечении исполнения контракта⁴

Начальная цена одного контракта, руб.	Размер обеспечения исполнения контракта, %	Размер обеспечения исполнения контракта, руб.
1 700 000,00	10	170 000,00
1 800 000,00	20	360 000,00
1 900 000,00	5	95 000,00
2 000 000,00	15	300 000,00
Итого: 925 000,00		

⁴ Рассчитано автором по [6].

Все потери, рассчитанные в табл. 2, 3, 4, связаны с контрактной системой, которая подчиняется 44-ФЗ. Пересмотр и введение новых требований позволит уменьшить финансовую нагрузку на организацию.

На основе анализа показателей, достигнутых с помощью контрактной системы и рассчитанных выше, внесем рекомендации, позволяющие укреплять экономическую безопасность организации.

На первом этапе необходимо уменьшить срок оплаты за поставленную продукцию, соответственно, внести поправки в ч. 13.1 ст. 34, вместо 30 календарных дней установить 14 календарных дней [1]. Рассчитаем экономический эффект для организации, полученный благодаря уменьшению сроков по оплате (табл. 5).

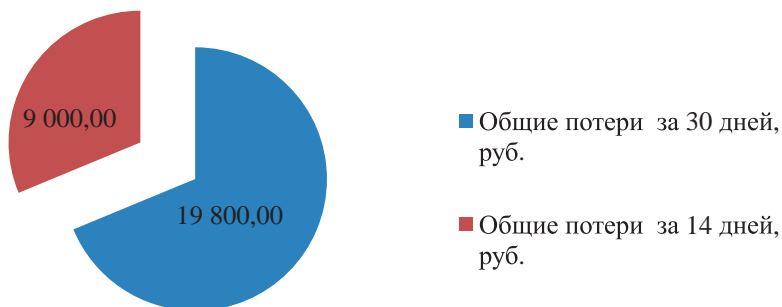
Таблица 5

Экономический эффект в связи уменьшением сроков по оплате⁵

Цена одного контракта	Кол-во контрактов в день	Инфляция, %	Потери при расчете на один контракт за 30 дней, руб.	Общие потери за 30 дней, руб.	Потери при расчете на один контракт за 14 дней, руб.	Общие потери за 14 дней, руб.	Экономический эффект, руб.
1500000,0	4	4,00	4950,00	19800,00	2250,00	9000,00	10800,00
1500000,0	120	4,00	4950,00	594000,00	2250,00	270000,00	324000,00

⁵ Рассчитано авторами по [6].

При уменьшении сроков по оплате уже за 4 контракта организация экономит 10 800,00 руб., а при месячном объеме контрактов (120 контрактов за 30 дней) экономия составит 324 000,00 руб. Проиллюстрируем экономический эффект на рис. 1.

Рис. 1. Экономический эффект, в связи уменьшением сроков по оплате⁶

За счет уменьшения сроков оплаты по контракту не будет экономических разрывов и финансовой нестабильности и, как следствие, укрепится уровень экономической безопасности организации в целом [4].

На втором этапе необходимо внести поправки в ст. 96 п. 6 44-ФЗ, а именно — зафиксировать электронный способ обеспечения заявки на уровне 5%. Рассчитаем экономический эффект от уменьшения процента по обеспечению в табл. 6 на основе данных таблицы 3 [1].

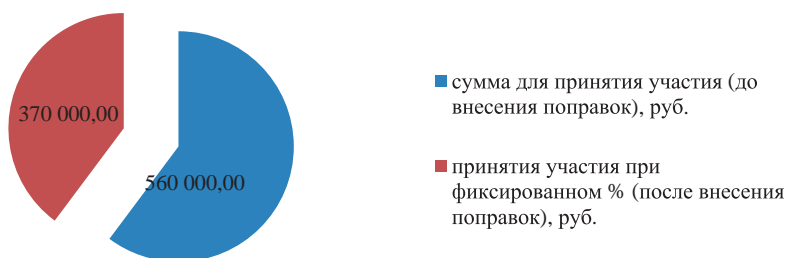
Таким образом, экономический эффект при заключении 4 контрактов составил 190 000,00 руб., и это лишь малая доля, учитывая каждодневную потребность людей в медицинских услугах. Более наглядно это представим на рис. 2.

⁶ Составлено авторами по [6].

Таблица 6

Экономический эффект при уменьшении электронного обеспечительного процента заявки⁷

Начальная цена одного контракта, руб.	Размер обеспечения, %	Денежные средства на площадке, руб.	Необходимая сумма для принятия участия (до внесения поправок), руб.	Фиксированный % обеспечения электронной заявки, %	Необходимая сумма для принятия участия при фиксированном % (после внесения поправок), руб.	Экономический эффект, руб.
1 700 000,00	5	700 000,00	85 000,00	5	85 000,00	0,00
1 800 000,00	10	700 000,00	180 000,00	5	90 000,00	90 000,00
1 900 000,00	5	700 000,00	95 000,00	5	95 000,00	0,00
2 000 000,00	10	700 000,00	200 000,00	5	100 000,00	100 000,00
Итого:			560 000,00		370 000,00	190 000,00

Рис. 2. Экономический эффект при уменьшении электронного обеспечительного процента заявки⁸

⁷ Рассчитано авторами по [6].

⁸ Составлено авторами по [6].

Уменьшая электронный обеспечительный процент, организация повышает уровень своей экономической безопасности [5].

На третьем этапе также следует внести поправки в п. 6 ст. 96 44-ФЗ, только уже касательно обеспечения выигранного контракта, которое вносится вплоть до исполнения контракта. Зафиксировать данный процент на уровне 10% от НМЦ (табл. 7) [1].

Таблица 7

Экономический эффект при уменьшении обеспечительного процента по контракту⁹

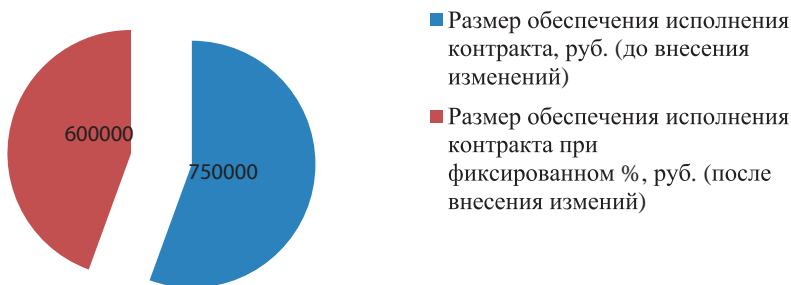
Цена одного выигранного контракта, руб.	Размер обеспечения исполнения контракта, %	Фиксированный размер обеспечения исполнения контракта, %	Размер обеспечения исполнения контракта, руб.	Размер обеспечения исполнения контракта при фиксированном %, руб.	Экономический эффект, руб.
1 500 000,00	10	10	150 000,00	150 000,00	0,00
1 500 000,00	20	10	300 000,00	150 000,00	150 000,00
1 500 000,00	5	10	75 000,00	150 000,00	-75 000,00
1 500 000,00	15	10	225 000,00	150 000,00	75 000,00
Итого:			750 000,00	600 000,00	150 000,00

Соответственно, при заключении 4 контрактов экономический эффект достигнет 150 000,00 рублей.

Совокупная экономия составила 350 800,00 руб. и данная сумма получается только за 4 контракта. Если рассчитывать

⁹ Рассчитано авторами по [6].

на месячный объем, экономический эффект будет более значителен (рис. 3) [3].

Рис. 3. Экономический эффект, при уменьшении обеспечительного процента по контракту¹⁰

После проведенного исследования и полученных расчетов можно сделать вывод, что предлагаемые тенденции по совершенствованию контрактной системы подтвердили свою значимость. На каждом этапе был достигнут экономический эффект, наглядно демонстрирующий положительную тенденцию в финансовой сфере организации. Учитывая то, что в анализ были взяты только 4 контракта и средние цены по ним, финансовый прогресс был исчислен тысячами, в некоторых моментах экономия составила около 1 000 000,00 рублей.

При реализации на практике данных рекомендаций в три коротких этапа на основе контрактной системы экономическая безопасность организации значительно возрастет, появятся свободные денежные средства на развитие и укрепление финансовых аспектов

¹⁰ Составлено авторами по [6].

Библиографический список

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 05.04.2013 № 44-ФЗ. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Плещенко В.И. Эффективность корпоративных и государственных закупок: критерии «чистоты» и рациональности / В. Плещенко // Проблемы теории и практики управления. — 2012 — № 1. — С. 29–37
3. Поздеева О.Г., Уймина Д.А. Тендерная система в процессе обеспечения безопасности личности / Экономика и предпринимательство, 2017. № 8–4 (85–4). С. 942–946.
4. Уметалиев А.С. Приемлемые индикаторы оценки эффективности государственных закупок / А.С. Уметалиев // Российское предпринимательство. — 2013. — № 13 (235). — С. 153–160.
5. Официальный сайт единой информационной системы в сфере закупок: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zakupki.gov.ru>
6. Официальный сайт поисковой системы СПАРК: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.spark-interfax.ru/>.

List of Refrences

1. On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs [Electronic resource]: Federal Law No. 44-FZ of 5.04.2013. — Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». — Access mode: <http://www.consultant.ru>.
2. Pleshchenko V.I. Efficiency of corporate and public procurement: the criteria of “cleanliness” and rationality / V. Pleshchenko // Problems of theory and practice of management. — 2012 — No. 1. — P. 29–37

3. Pozdeeva OG, Uymina D.A. Tender system in the process of ensuring the security of the individual / Economics and Entrepreneurship, 2017. № 8–4 (85–4) .С. 942–946
4. Umetaliev A.S. Acceptable indicators for assessing the effectiveness of public procurement / A.S. Umetaliev // Russian Entrepreneurship. — 2013. — No. 13 (235). — pp. 153–160.
5. The official site of a unified information system in the field of procurement: [Electronic resource]. — Access mode: <http://zakupki.gov.ru>.
6. The official site of the search engine SPARK: [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.spark-interfax.ru/>

Информация об авторах:

Поздеева Ольга Геннадьевна — Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62–45; e-mail: ogp@usue.ru.
Погадаева Диана Андреевна — Российская Федерация, 620026, г. Екатеринбург, ул. Горького 65, 228

Pozdeeva Olga Gennadievna — Russian Federation, 620144, Ekaterinburg, ul. March 8 / People’s Will, 62–45; e-mail: ogp@usue.ru.
Pogadaeva Diana Andreevna — Russian Federation, 620026, г. Екатеринбург, ул. Gorky 65, 228

ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Статья представляется в электронном виде в формате Word с расширением doc или docx.

1.1. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, включая таблицы, библиографический список и графический материал.

1.2. Требования к тексту: тип шрифта Times New Roman, размер шрифта № 12, межстрочный интервал 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.

1.3. Параметры страницы:

— верхнее и нижнее поля — 20 мм,

— боковые поля: левое поле — 30 мм, правое поле — 20 мм.

1.4. Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта № 11, межстрочный интервал 1, без отступа.

1.5. Автоматическая расстановка переносов не ставится.

2. Структура статьи:

— название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом;

— название статьи в переводе на английский язык;

— автор(ы) (Ф.И.О. полностью): выравнивание по левому краю, шрифт полужирный; информация об авторе(ах): ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора) на русском языке;

— информация об авторе(ах) на английском языке: ФИО (транслитерация), ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора).

2.1. Аннотация:

— краткая аннотация на русском языке (в один абзац, до 600 знаков) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать

наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи);

— развернутая аннотация на английском языке должна быть подробной (средний объем 100–150 слов) и отражать основное содержание статьи, должна быть написана грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии.

2.2. Ключевые слова:

- на русском языке (до 10);
- на английском языке (до 10).

2.3. Текст статьи:

— таблицы в тексте или приложении к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть соответствующая ссылка. В электронном виде таблицы должны быть собраны в отдельных файлах;

— иллюстрации должны быть сгруппированы, иметь порядковый номер и названия. При написании математических формул, подготовке графиков, диаграмм, блок-схем не допускается применение размера шрифта менее № 10.

3. Библиографический список:

3.1. Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать, источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru> (стандарт транслитерации — BSI; настройка перед транслитерацией).

3.2. Ссылки на источники в списке использованной литературы нумеруются последовательно, в порядке их

первого упоминания в тексте (в соответствии с ГОСТом). Ссылки в тексте, таблицах и подписях к рисункам обозначаются арабскими цифрами [в квадратных скобках] и, если необходимо, указывается конкретная страница/страницы. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

4. Контактная информация для каждого автора на русском и английском языках приводится в конце статьи:

- подробные адресные данные автора(ов);
- полный почтовый адрес организации(й), которую он(они) представляет(ют), и e-mail автора(ов).

5. При направлении статьи в электронном виде необходимо приложить к статье письмо от организации или научного руководителя, рекомендующих статью к публикации (в отсканированном варианте). Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией первого автора.

6. В первоочередном порядке к публикации принимаются статьи авторов, являющихся членами ВЭО России.

7. Статьи принимаются вместе с оригиналом квитанции о подписке автора на Научные труды ВЭО России на ближайшее полугодие (для иногородних квитанция отправляется заказным письмом в Правление ВЭО России, по адресу: Москва, ул. Тверская, д. 22а).

* * *

По вопросам публикации статей следует обращаться в ВЭО России по телефону:

+7 (495) 609-07-60, e-mail: info@veorus.ru

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
2019

Том двести пятнадцатый

Информационно-аналитическое издание
для членов Вольного экономического общества России

Москва, 2019

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России —
125009, Москва, ул. Тверская, 22а

Над выпуском работала:
А.В. Бобина

Подписано в печать 15.02.2019. Заказ № 275. Тираж 1000 экз.

Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № 77–3786 от 20.06.2000.
Лицензия на издательскую деятельность — ИД № 01775 от 11.05.2000.

Подписной индекс — 10920
в Каталоге российской прессы «Почта России»

© Вольное экономическое общество России, 2018

ISBN 978-5-94160-198-1
ISSN 2072–2060

Scientific publication

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
2019

Volume two hundred fifteenth

Information and analytical edition for members
of the Free economic society of Russia

Moscow, 2019

Published by the Free economic society of Russia
#22a, Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russia

Responsible for edition:
A.V. Bobina

Passed for printing 15.02.2019. Order № 275. Circulation: 1000 copies.

The certificate of Mass-media registration — PI № 77–3786 20.06.2000.
License for publishing activities — ID № 01775 11.05.2000.
Subscription code 10920 in the Catalogue of Russian press by Russian Post.

© The Free economic society of Russia, 2018

ISBN 978-5-94160-198-1
ISSN 2072–2060

